Светоч

2(9) 2021

Литературно-художественный
и историко-публицистический альманах

Издается по решению издательского Совета Белгородской области

Редакционный совет:

Курганский К.С.	Заместитель начальника департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области, начальник управления культуры области.
Кобзарь В.П.	Председатель Белгородской региональной общественной организации «Союз писателей России».
Чернышев Ю.В.	Председатель Белгородского регионального отделения Всероссийской творческой организации «Союз художников России».
Климова И.А.	Директор Белгородского государственного литературного музея.
Рожкова Н.П.	Директор Белгородской государственной универсальной научной библиотеки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
С24

С24

Светоч : литературно-художественный и историко-публицистический альманах. 2021, 2(9) / редакционная коллегия: С. Бережной, Н. Дроздова, А. Тарасов ; главный редактор В. П. Кобзарь. – Белгород : Изд-во Сангалова К.Ю., 2021. – 240 с.

ISBN 978-5-6046090-8-8

© Белгородское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2021
© ИП Сангалов К.Ю, 2021

Содержание

Наши гости

Нина АРУШАНЬЯН 3
Анжелика АСТАХОВА 7
Анна ИСТОМИНА 34
Ирина КАРАГОДИНА (КОВАЛЁВА) 37
Вячеслав КОЛЕСНИК 39

Белгородские литераторы

Андрей БИРЮКОВ. 10
Жанна БОНДАРЕНКО 11
Вера ВИССАРОВА (КОЛОЧКО) 17
Надежда КОРОЛЬКОВА. 42
Максим КУКОБА 54
Михаил КУЛИЖНИКОВ 59
Сергей ЛЕБЕДЕВ. 73
Николай ЛУТЮК 75
Татьяна НОСОВА. 123
Алевтина ОВЧАРОВА. 128
Борис ОСЫКОВ, Александр ОСЫКОВ. . 139
Александр ОСЫКОВ 146
Наталья ПОДЛУЖНАЯ 151
Владислав РЕЗНИКОВ 161
Лидия РУЦКАЯ. 165
Павел САВИН 169
Светлана СЕРГЕЕВА 173
Галина СЛЁЗКИНА 180
Владимир СИТЕНКО. 186
Станислав ТАРАСОВ. 189
Сергей ТАШКОВ. 196
Александр ТАРАСОВ. 200
Екатерина ЩЕТИНИНА. 221

Память

Виталий БУХАНОВ 13
Леонид МАЛКИН (1954 – 2017) 79

Юбиляры

Виталий ВОЛОБУЕВ 23
Николай ГРИЩЕНКО 25
Наталья ДАРОВАННАЯ 27
Михаил ДЬЯЧЕНКО 29
Валерий ИГИН 32
Ольга ФИЛИППОВА
(СТРИГУНОВСКАЯ) 207
Валерий ЧЕРКЕСОВ 210

Краеведение

Анатолий КРЯЖЕНКОВ. 48

Страница творческих союзов

Андрей КУЛАБУХОВ 67

Фантастика

Виталий МАЛЬКОВ. 84

Юбиляры

Пётр МАЛЬЦЕВ 97
Станислав МИНАКОВ 110
Сергей МИЛЬШИН 116
Владимир МОЛЧАНОВ 120
Евгений ПРАСОЛОВ 154
Светлана ПРОНИНА. 157

Дебют

Марина ГОЛОСОВА 230
Юрий КАРПЕЛЯНСКИЙ. 231
Мария ТКАЧЁВА 234
Татьяна ГОЛОВКО 235
Денис ПЛОХОДЬКО 237

Наши гости

Нина Арушаньян

Музыковед, преподаватель в детской музыкально-хоровой школе. Автор статей о композиторах и музыкантах области.

ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ
Автобиографическое

Профессия музыканта была уготована мне изначально.

Мой отец Иванов Андрей Васильевич, пройдя войну от начала и до конца, видел её ужасы – кровь, смерть и страдания, был механиком, отвечал за техническое состояние танков. Ему приходилось вывозить танк с мёртвым экипажем с поля боя. Это было очень тяжело.

Когда после войны у него родились две дочки, то он хотел, чтобы их жизнь была красивой и счастливой.

У генерала в соседнем доме он купил немецкое пианино марки IBACH. Мне тогда было четыре с половиной года, но я помню, как везли это пианино через весь двор. Это было интересное зрелище. Но я тогда ещё не знала, чем это для меня обернётся. Вскоре начались наши с сестрой занятия на этом фортепиано длиною в целую жизнь.

Отец вообще был удивительным человеком. Не умея плавать, он научил меня с сестрой плаванию. Не умея играть на пианино, он научил нас этому. Приобрел «Самоучитель игры на фортепиано», изучил его и стал заниматься с нами. Когда его познания исчерпались, он нанял учителей из только что открывшейся Детской музыкальной школы № 1 Дзюбенко Ивана Степановича и Агеева Анатолия Фёдоровича.

Музыка меня привлекала с детства больше других занятий и школьных предметов, потому что легко давалась. Сказывались природная музыкальность и абсолютный слух.

В 1962 году в единственную в городе музыкальную школу № 1 был конкурс. Без ложной скромности скажу, что меня туда взяли легко. Со мной

вместе учились ребята увлечённые. Блистали фортепианные ансамбли сестёр Ивановых (это я с сестрой), сестёр Агеевых, Ковалёвых, брата и сестры Котух. Многие из нашей группы так и остались в музыке, стали профессиональными музыкантами. Эта стезя была уготована и мне.

В общеобразовательной школе на уроках недовольные учителя делали замечания: «Нина, прекрати играть пальцами по парте». Это я повторяла программу к академическому концерту.

В музыкальное училище я поступила в 1969 году, когда оно размещалось в старом здании, бывшей конторе Пивоваренного завода по улице Богдана Хмельницкого, дом 20/22. Для меня четырнадцатилетней это было серьёзное учебное заведение, которое мне предстояло сделать своим. Это был для меня без прикрас Храм музыки – от преподавательского состава, студентов, играющих на разных инструментах в каждом свободном углу, до интерьера. От входной двери на второй этаж вела широкая лестница (она и сейчас есть в том же здании, но теперь там другая организация), высокие потолки в классах.

Солнцева М.В.

С определением отделения вышла заминка. Будучи более чем на сто процентов подготовленной по фортепиано, я боялась выступать публично. Действовали какие-то тормоза. Это было свойством психики, а психоаналитиков тогда не было. Кроме того, на меня произвела впечатление личность моего будущего педагога – Солнцевой Маргариты Васильевны.

Она обладала открытой приятной внешностью. При этом в ней ощущалась внутренняя сила, стержень и столичная консерваторская образованность. Как потом выяснилось, она окончила Ленинградскую консерваторию им. Римского-Корсакова. Солнцева М.В. стала для нас – девчонок набора 1969 года – авторитетным, мудрым, любимым педагогом не только на ближайшие четыре года, но и на всю остальную жизнь. С первых уроков она нас направила в нужное русло. Первую (и последнюю) «тройку» по её предмету я помню до сих пор. Было очень стыдно и обидно. Взыграли гордость и самолюбие. После этого я уже не допускала такого позора, больше «троек» я у Солнцевой не получала, а получала больше «пятёрок», чем «четверок». Дело даже не в оценках. Маргарита Васильевна умела увлечь студентов своим предметом. Казалось бы, в сухой предмет «Теория музыки» она вдохнула жизнь, мелодию. Решение гармонических задач было интересным делом, приходил азарт. Написание музыкального диктанта по сольфеджио доставляло удовольствие, помогал природный абсолютный слух. Кто ж не любит быть первым!?

Большой авторитет Солнцевой М.В. способствовал тому, что мы – теоретики выпуска 1973 года – чувствовали себя элитой музыкального училища, его интеллектуальной составляющей.

Маргарита Васильевна редко раскрывалась перед нами – своими учениками. Но один случай хорошо запомнился. Засидевшись допоздна на занятиях у Солнцевой М.В., мы торопились домой, шли к выходу из пустого класса училища. Он был в торце здания. Увидев открытое окно на первом этаже, мы, недолго думая, выпрыгнули из него на улицу. На ту беду нас увидел сторож училища. Изрядно перетрухнув, мы бросились наутёк. Он спросил у Солнцевой М.В. наши фамилии, а она сказала, что не знает нас. Это меня удивило – наш преподаватель пошла на ложь, чтобы прикрыть нас! Мы были спасены.

Вспоминается другой случай, когда я также была очень благодарна Солнцевой М.В. По окончании музыкального училища я была распределена в Шебекинскую детскую музыкальную школу. Менее всего я собиралась туда ехать, хотя распределение считалось престижным по белгородским меркам. Я «полетела» вслед своей мечте поступать в Петрозаводскую консерваторию. В разгар вступительных экзаменов в приёмной комиссии потребовали открепление от распределения. Мне казалось, что моя жизнь висит на волоске. Надо было идти в Управление культуры и просить за меня. Кто мог помочь мне в этой ситуации? Конечно же, мой любимый педагог – Солнцева М.В.! Она всё сделала, открепление было получено, я могла продолжать сдавать экзамены. Моя благодарность не знала границ.

Хорошо помню момент переезда в новое здание музыкального училища по улице Ленина, 55. Мы участвовали в субботниках по уборке строительного мусора из классов, с прилегающей территории, мыли классы. Делали это с подъёмом, потому что осознавали – это для себя. Новое здание выгодно отличалось простором, новизной и красотой. А старое ушло в историю, в память. Но оно не стало менее дорогим.

Много было всякого за годы обучения в училище – волнение перед академическими концертами, экзаменами, каждодневный труд по выполнению домашних заданий, радость открытий при узнавании нового на занятиях у Солнцевой М.В. по музыкальной литературе, благоговейное отношение к библиотеке, дух соперничества в группе, новые интересные знакомства, зачатки чувства любви.

Рядом с Белгородом расположен крупный, в прошлом столичный центр – город Харьков. С однокурсницей мы приобрели годовой абонемент на филармонические концерты в Харькове и весь год ездили на проходящих поездах туда. С восторгом слушали выступление скрипача Виктора Третьякова, других знаменитостей, Харьковского филармонического симфонического оркестра, исполняющего произведения русской и зарубежной классики и современности. В Белгороде в ту пору не было симфонического оркестра.

В мои училищные годы блистали такие студенты баянисты-виртуозы как Суходолов В.И., Власов О.Н.

В одно время со мной учились на теоретическом отделении Белых В.П. (ныне Гришенькина), Ануфриева Л.А. (ныне Фёдорова), с которыми я потом работала 38 лет бок о бок в музыкальном училище. Позже оно вошло в состав Белгородского института искусств и культуры в качестве исполнительского отделения.

Некоторые из моих учеников по теоретическим предметам, окончив вузы, вернулись в родные стены нашего музучилища и работают на нелёгкой педагогической ниве. Это Хегай Д.И., Долинский А.А., Юрин Ю. А.

Вот и получается, что если задаться вопросом, что всё-таки значит Белгородское музыкальное училище в моей жизни, то выходит, что моя жизнь неразрывно и постоянно с ним связана.

Юность – пора мечтаний. Я мечтала о далёких прекрасных краях. Родной Белгород стал для меня тесен. Выбирая место моего дальнейшего обучения, родители дали мне «Справочник для поступающих в вузы». А в то время была широко известна песня, которую пела Майя Кристалинская:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр.

Она-то и сыграла решающую роль в выборе Петрозаводской консерватории в Карелии. Некоторые преподаватели нашего музучилища отговаривали меня туда ехать поступать, ведь это был филиал самой престижной Ленинградской консерватории, и поступить туда было трудной задачей. Но я верила в себя, в свои силы, в свой абсолютный слух.

Мечты должны сбываться, иначе жизнь не состоится. Но не сами собой. К их достижению надо идти. Мои мечты сбылись – я поступила в одну из сильнейших консерваторий страны, где преподавали в числе других педагоги Ленинградской консерватории.

За пять лет обучения я вспоминала о Белгороде лишь постольку, поскольку там жили мои родные. Жизнь шла своим чередом. Много всякого произошло – замужество, рождение дочери, окончание консерватории, работа в Вологодском музучилище по распределению. Юношеский пыл мечтаний поумерился. Появилась трезвость жизненного опыта. Стал всё отчётливей прослушиваться зов малой Родины – Белгорода. Потянуло домой, тем более что меня приглашали работать в родное музучилище. И я вернулась. Вот и получается – где родился, там и пригодился.

Анжелика АСТАХОВА

Автор четырёх поэтических сборников: «Стрелы золотыя. Птичка», «ПТХА.СТИХ АП СТИХ», «ПТХА. Эх, ма!», «Посвист озорной». Публиковалась в литературных журналах «Наш современник», «Берлин. Берега», альманахах «Ганноверская весна», «Светоч» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

РАВНОЦЕННЫЙ ОБМЕН

Зиночка была «не от мира сего», как говаривали сотрудницы Зиночкиной мамы. А Сенечка – «ну такой рассеянный», как говаривала сама Сенечкина мама. Но для Людмилы Ивановны – преподавательницы по классу скрипки музыкальной школы № 1, куда ходили и Зиночка и Сенечка, – «им обоим медведь на ухо наступил». Главное отличие Зиночки от Сенечки – рост. Сеня старше на два года и почти на полторы головы выше Зиночки. В остальном – два сапога пара, забывахи-растеряхи и проч. Вот, глядите, идёт Зиночка: она всегда смотрит вниз, под ноги, иначе они у неё подворачиваются. Топ-топ, красный-зелёный…

– Зиночка, – спрашивает Людмила Ивановна, – ты почему в разных туфлях пришла?

– Конечно, в разных, Людмила Ивановна, один левый, другой правый!

– Но один – красный, а другой – зелёный! – воскликнула педагог и записала в дневник: «Посетить окулиста насчёт дальтонизма!»

Когда окулист показал карточки, оказалось, что всё норм, а на вопрос, почему тогда пришла в школу в туфлях разных цветов, Зиночка ответила:

– Ну я же, когда иду, не вижу обе ноги одновременно!

– По-моему, вам к другому специалисту, – сказал доктор Зиночкиной маме.

Но мама решила, что с неё хватит, и Зиночку оставили в покое. Зиночка станет художницей-колористом.

А вот идёт Сеня. Сеня высокий и не смотрит под ноги, потому у Сени круглый год конопушки. Сеня всегда улыбается. Сеня чувствует себя счастливым, он же получает лошадиную дозу дофамина по сравнению с остальными людьми! От избытка чувств Сеня часто не замечает, что он играет.

– Сеня, Ригодон! – вопит Людмила Ивановна.

– А я – что? – с улыбкой спрашивает Сеня.

– А ты – Шнитке! Читаем с листа, Сеня!

Сеня понятия не имеет, кто такой Ригодон и какие ещё шнитки, но блаженное выражение не сходит с его лица, и Сеня, даже уткнув нос в партитуру, продолжает выводить смычком по струнам то, что у него в голове. Кстати, Сеня уедет в Чикаго и станет первой скрипкой в джазовом оркестре.

А пока их родительницы поехали в командировку в столицу, где непременно отправились в ЦУМ. Здесь они растратили все отложенные деньги и вернулись домой в наш провинциальный городишко с кучей обновок. Все домашние были несказанно рады. На следующий день Зиночка отправилась в школу в восхитительной новой курточке, какой точно ни у одной из девчонок нет! После школы Зиночка зашла домой, взяла скрипку, спортивную сумку с вещами для плавания и поплелась продолжать свой рабочий день. В гардеробе музыкальной школы ещё не было почти ничьих вещей, и Зиночка повесила курточку недалеко от выхода. «Чтобы потом не искать», – резонно подумала она. Меньше чем через час, действительно, весь гардероб заполнится «народными инструментами», «духовыми», «сольфеджио и музыкальной грамотой».

В отличие от ученицы Людмила Ивановна только начинала рабочий день, и потому её лицо не было перекошено как от зубной боли. В целом урок прошёл удовлетворительно, Зиночка покидала класс, когда в его дверях появился кудрявый, взъерошенный Сеня. Он шмыгал от счастья большим веснушчатым носом и громко стучал громадными кирзовыми сапогами. Вместе с ними музыкальный кабинет наполнился запахом гуталина, и Людмила Ивановна распахнула настежь форточку. Мартовский воздух принёс с собой лёгкий аромат конского пота и навоза. Это были последние годы городского гужевого транспорта, мирно уходящего в небытие на заднем дворе музыкальной школы.

Зиночка заглянула к лошадкам. Извозчик – мужичок средних лет – возился с хомутом. Что он развозил в повозке, Зиночке не было известно. Но каждый день, возвращаясь с тренировки, она видела повозку с запряжённой лошадкой и этим самым возницей. Они двигались сбоку дороги, по которой ехал автотранспорт. Зиночке хотелось высунуться в окошко автобуса, крикнуть что-нибудь и помахать рукой, но погода у нас весь год то мокрая, то холодная, то душная, так что окна бывают всегда закрыты.

После лошадок Зиночка немного озябшая зашла в гардероб. Среди обычных однотонных верхних пальтишек и куртеек сразу же увидела свою – всю распечатанную газетными текстами и громкими заголовками, схватила её и, натягивая на ходу, ринулась к выходу, так как часы пробили ровно три после полудня и до тренировки оставалась четверть часа.

Зиночка вернулась домой около восьми. В прихожей её встречала вся семья, мама охнула и побежала к телефону, отец хохотнул, сестра ехидно зашипела: «Жизнь с идиотом». Вскоре родительницы договаривались об обмене, который и был совершён в последующий час.

Зиночка так и не могла понять, что произошло. Сеня, к примеру, решил, что он опять очень быстро вырос, потому куртка стала ему мала в плечах и коротка в рукавах. Он так с порога и заявил: «Мать, гляди как я вырос!» А вот у Зиночки совершенно никаких подозрений не возникло. Только когда она опять свою курточку надела, то подумала: «Как же хорошо, что Сеня вырос из своей куртки!» Что подумал Сеня? Что подумал Сеня? Сеня был на седьмом небе от счастья, что ему не придётся как минимум ещё один год донашивать за отцом не только кирзухи, но и шинель, которая угрожающе висела в материнском шкафу. А за лето он так вымахает, что и шинель ему станет мала!

Андрей Бирюков

Автор книги стихотворений «Капля огня». Публиковался в журналах «Воин России» (г. Москва), «Роман-журнал 21 век» (г. Москва), «Светоч», в Литературной газете» (г. Москва). Член союза белгородских литераторов, член литературной студии «Творческий фонарь». Живет в г. Ст. Оскол.

***

Говорят про меня, что горячий.
Это правда, я вам не чета.
Ну зачем с госпожой Неудачей
Подружилась моя доброта?

Представляю порою несмело,
Сидя пьяным на грязном столе,
Сколько мог я прекрасного сделать
На застенчивой русской земле.

Сколько мог посадить я деревьев,
Сколько мудрых взрастить сыновей.
Ты гордишься, людское отребье,
Что сегодня всех мёртвых живей?

Ты гордишься, что выпустил книгу,
Но не лучше ли выпустить пар?
Милый мой, твоё эго как иго,
Ты «Икарус», Андрей, не Икар.

***

Проживи не всерьёз, понарошку,
Куй железо, пока горячо,
Не всегда подставляют подножки
Те, кому подставляешь плечо.

Доверяешь невинности слепо?
Ковыряешься в чистом белье?
Заведи лучше даму «с прицепом»
И права категории «Е».

А потонешь в семье, как в колодце, –
Перейди на режим «всё равно»,
Веселись и живи где придётся,
Где придётся по вкусу вино.

Но не выдохнись сразу на старте,
Осознай: впереди долгий путь,
Если ищешь проверенных партий,
То о сольной тогда не забудь.

Не последуешь «вредным советам» –
На надгробье напишут, увы:
«Был убит он тяжёлым предметом,
Пострадал от своей головы».

Жанна Бондаренко

Родилась в селе Ивановская Лисица Борисовского района Белгородской области. Член Союза писателей России. Поэт, автор семи книг – «Сжигаю боль свою в стихах...», «На краю уходящего лета», «Спасибо за то, что ты есть», «Цветы души моей» и др. Лауреат областной творческой премии «Молодость Белгородчины» (2002).
Живёт в г. Грайвороне Белгородской области.

***

Когда-нибудь после лихих потрясений
Настанет эпоха прекрасных мгновений.
Нам в души прольётся с небес утешенье –
Мы слёзы осушим, вздохнём с облегченьем,
Когда-нибудь реки вернут свои русла,
И больше не будет ни страшно, ни грустно.
Вдруг солнце сквозь тучи угрюмые брызнет –
Дав снова почувствовать радость от жизни.
Когда-нибудь в прошлое канут потери –
Нам нужно лишь в лучшее истово верить,
И не обмельчать, и с дороги не сбиться.
Спасение наше – терпеть и молиться.
Когда-нибудь… Это, уверена, скоро!
Не стоит к судьбе обращаться с укором!
Всё схлынет – невзгоды, отчаянье, беды.
Всё сбудется – счастье, мечты и победы!

***

Укрепи мой дух смятенный,
Господи благой!
Я во всём несовершенна,
Не в ладу с собой.
Что-то давит – тяжко бремя,
Не даёт вздохнуть.
И безвременье – не время,
И в ухабах путь.
Вся любовь – любви не знаю,
Зябну в летний зной.
И о радуге мечтаю
В серости земной.
Жду чего-то... То надеюсь,
То судьбы страшусь.
У костра иллюзий греюсь,
У икон молюсь.
Укрепи мой дух смятенный,
Господи благой!
Я во всём несовершенна,
Но душа – с Тобой…

***

Совокупность разных обстоятельств –
Неудач, тревожности, предательств
И плохой погоды за окном…
Всё с утра гнетёт, всё стало серым.
Боже мой, как счастья я хотела!
Как его ждала я день за днём!
Мне казалось, веры в мире мало…
Вот я и молилась – как дышала…
И всходило солнце для меня.
А сейчас так много накопилось,
Но ненастной осени на милость
Не сдаюсь, мечту в душе храня….

***

Вместо снега – замёрзшие лужи.
Мы прорвёмся – бывало и хуже!
Всё не вечно, печаль эта тоже.
Лучше в сердце любовь приумножим!
Вместо солнца – угрюмые тучи.
Завтра будет всё проще и лучше.
Ни к чему эти слёзы, упрёки –
В своих бедах мы не одиноки.
Вместо красок – гнетущая серость…
И пускай всё не так, как хотелось,
Одному только Богу известно,
Что нас к счастью ведёт, что полезно…

Виталий БУХАНОВ

16 июня 2021 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Виталия Степановича Буханова (1926 – 1965), поэта, члена Союза писателей России, уроженца села Беловское Белгородской области.
Подростком, в июне 1942 г., не успев с семьёй эвакуироваться, перешёл линию фронта. Работал в Саратове и Куйбышеве слесарем, затем актёром.
В начале 1944 г. был призван в действующую армию, принимал участие в освобождении Белоруссии и Польши. После окончания войны служил связистом на Кавказе и на Сахалине.
В 1955 г. окончил Московский Литературный институт имени М. Горького.
В 1955 – 1956 гг. работал литературным сотрудником отдела культуры газеты «Белгородская правда», затем заведующим отделом художественной литературы в Курском книжном издательстве.
Первые стихи были опубликованы во фронтовой печати. В 1957 г. в альманахе «Родной край» (г. Калинин) была напечатана поэма «Алёшка – сын солдата». В этом же году в Харькове издана книга «Северский Донец» – стихи и одноимённая поэма. В 1958 г. в Курском книжном издательстве вышла вторая книга «Крутые берега».
Первым из белгородцев в 1962 г. стал членом Союза писателей СССР. Виталий Буханов – один из литераторов, стоявших у истоков создания Белгородской писательской организации.

СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

Отрывки из поэмы

ВЗРЫВ

– Уходят наши… –
Андрейка шепнул.
Глянул на школу.
– Прощай, тридцать пятая.
Надо и мне уходить с ребятами...
Белгород замер.
Над городом – гул.
Тронул яблоньку он.
Словно в чём виноватый,
Глаза паренька налились тоской.
С досады в землю вогнал лопату.
– Сад пришкольный,
Идут к нам каты.
Неужто будешь под вражьей пятой?...

Рокот и гул
Всё ближе и ближе...
Там, на горе,
Треск чужих автоматов,
Пламя белые домики лижет,
По склону к Донцу
Дым сползает косматый.

А внизу,
У Волчанского моста,
Где синела сталь рельсов,
Лейтенант проводил последний состав,
Взрывчатку – под мост,
Стал,
Глазами
В танки ползущие въелся.
Закушены губы
От горя и злости.
Над городом – пламя.
Взрывы и выстрелы...
А ветер швырял,
Словно горсть за горстью,
В лицо ему
Дымом и искрами.

Андрейка налево нырнул, в кусты,
В камыш,
Окутанный дымом густым.
Саженками плыл и видел:
На горе
Город дымился, горел...
Потом, притаясь в ракитах,
Слыхал: громыхали танки с крестами.
Вот, скрежеща, у моста они стали...
Гранату швырнул лейтенант молодой.
Дым заклубился у вражьей стали...
А лейтенант,
Пулемётом прошитый,
Упал на закат головой.
В ту же минуту
Грохнул над бродом
Взрыв.
И стальные фермы моста
Сгорбились,
Скрючась, обрушились в воду,
Хлестнули обломками по кустам.

БЕЛГОРОД – ЗА ХОЛМОМ!

Наводчик глядит:
Степь – как жёлтый ожог.
И за пушкой противотанковой
Чуть ерошит чуприну леска
ветерок –
Лес набряк
Тишиной и атакою.

Андрей оглянулся,
Брови вскинул:
Глядит – медсестра...
Она?
Марина?
– Я попросила сейчас комбата.
Послал к тебе,
То есть к вам в батарею.
«Жарко теперь, – говорит, – ребятам.
Беги, – говорит, – скорее».
Схватила я сумку.
Бинты сложила...
Скажи что-нибудь,
Андрюша,
Милый!
Просяще взглянула
В глаза Андрея.
Взял руку, пожал.
– Хорошо. Иди.
Скоро начнётся.
И словно повеял
Тревожный холод в груди...

О Белгород наш!
Ты уже за холмом.
Марина, помнишь
К Донцу тропинку?
Помнишь, ходили к реке вдвоём?
А за Донцом —
Наша школа, Маринка.
Сажали там яблоньки мы весной,
Провожали клин журавлиный,
Вместе бродили в прохладе лесной
С тобою, Марина.
Там воздух полнится
Птичьим свистом.
Глянь на степные барвинки.
Хатки... Донник душистый.
Слышишь меня, Маринка?
Теперь бы не ждать атаки,
Не ждать
Команды «огонь»,
Не бросать бы в пламя,
Не пыль бы,
Не дым вонючий глотать –
Сесть у Донца.
Луга со стогами...
Какая кругом благодать!

Степь задрожала
От грома, от гуда –
Огонь и железо катились в атаке.
Андрей обернулся:
– Да где же?
Откуда?
Пушку к лесу развернувши круто,
Наводчик почувствовал:
Танки!
Губу закусил.
Словно мукой
Щёки осыпало.
Под ноги глянул.
Донник.
Сорвал.
Пахучий какой!
Терпкий.
Медвяный.

– Орудие к бою!
Прямой наводкой!
И лязг прозвучал –
Отрывисто, чётко.
Кладёт наводчик
На спуск ладонь.
– Огонь!

Гул и скрежет.
И в дымном угаре
На танке – крест
И оскал звериный.
Взрыв хлестнул по ушам,
Сталью в пушку ударил.
Как подкошен,
На гильзы свалился парень,
И на доннике пряном
Он руки раскинул.

И отпылали
В лощине «тигры».
Дым растаял,
Поля затихли.
Гарью пахнуло,
Степь опустела...
Тяжестью странной
Придавлено тело...

– Что ж это, братцы?
Конец нам, братцы? –
Метался староста у переправы.
– Русские – близко!
Как перебраться?
Как перебраться
На берег правый?
А «братцы»,
Те, что в мундирах чёрных,

Вдруг скопом – к мосту,
Растеряны,
Смяты.
– Затор! –
И в минуту
Борзую их свору
Остригли фашистские автоматы.
Зелёные толпы
Вражьей пехоты.
Танки.
Орудия.
Пулемёты...

А мостовая –
В душной пыли.
А сверху –
Палило.
Ну и жара!

Здесь
Егеря
Бежали и шли,
А сзади
Гремело:
– Ура!..

И староста шепчет:
– Конец!
Конец.
Конец...
Куда там! –
Не переправиться.
Жарища!
Вот-вот
Мостовая расплавится
И потечёт в Донец.

Вера ВИССАРОВА (КОЛОЧКО)

Родилась и проживает в Белгороде. Член Союза журналистов России. Занимается литературно-публицистической деятельностью многие годы.

АНГЕЛ ВАСЯ

– Что за ангел у меня? Совсем охранять не умеет! Зачем так жить, если я не нужен собственному ангелу? – в отчаянии подумал Василий и… умер.

Попал Василий на небо. А там рай – полянки, цветочки всякие, птички поют.

Встретил его на полянке святой Пётр, говорит:

– Работёнка, Вася, для тебя имеется. Нужно ангелом-хранителем для одной особы потрудиться. Возьмёшься? Работа не пыльная, офисная.

– А что по деньгам? – автоматически спросил Василий, забыв, что уже умер и находится на том свете.

– Денег не будет, тут их просто нет, – ответил Пётр, – но вот если хорошо работу исполнишь, выделим тебе приличное местечко в раю. Ну что, по рукам?

– По рукам.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Пётр. – А правила такие: следить нужно за девушкой двадцать четыре часа в сутки, помогать, оберегать, наставлять на путь истинный, подталкивать к хорошим делам.

– Ну, это я сумею, – заверил апостола Вася, – уж поверьте, я буду не таким беспечным, как мой ангел.

– Не торопись своего ангела винить, – загадочно ответил апостол Петр, – он тоже так считал, когда был ещё человеком.

Дальше всё как и на Земле, заключили трудовой договор на год, показали Василию его рабочее место – что-то напоминающее кабинет с компьютером и огромным экраном, на котором всю землю как на ладони видать. Пётр пощёлкал какие-то кнопки, и на экране появилась спящая девушка.

– Смотри, это и есть твоя подопечная, – сообщил новоиспечённому ангелу-хранителю апостол Пётр, – этой кнопкой будешь поощрять её, а вот этой наказывать, этой подталкивать к тому или иному пути, а вот этой защищать. Всё понял?

– Да понял, понял, что ж тут непонятного, – вздохнул ангел Вася, – как в обычной игре компьютерной. Мы для вас просто игра, а у нас там целая жизнь проходит.

Анжела проснулась от того, что в её окно клювом стучал белый голубь. Просто ангел Вася решил: «Сколько можно спать!» – и нажал нужную кнопку. Анжела выглянула в окно, долго смотрела на улетающего голубя и думала: «Это знак свыше. Значит, сегодня всё решится. Сегодня я сама заговорю о нашей свадьбе».

Девятнадцатилетняя Анжела очень любила Серёжу. Он был галантен, умён и умел ухаживать за женщинами. Анжела просто с ума по нему сходила.

Встречались молодые всего лишь три месяца. И хотя мужчина ничего серьёзного не предлагал, Анжела чуть ли не с первых дней их знакомства мечтала выйти замуж за Сергея. И вот, после того как девушка увидела стучащего в окно голубя, она решилась сама предложить Сергею «руку и сердце».

Вася, как порядочный ангел, поспешил разузнать всё о любимом его подопечной. Ну не может же он отдать Анжелу кому попало. Нажав на нужные кнопки, Вася на экране развернул всю биографию Сергея.

Родился мужчина в Москве у неблагополучных пьющих алкоголь родителей. Поэтому и оказался в интернате. Уже в пятнадцать лет он состоял на учёте в милиции. Когда подрос, выбрал жизнь альфонса. Влюблял в себя женщин среднего возраста и жил за их счёт. Так было до того времени, пока одна обиженная и брошенная им дамочка не пожаловалась на Сергея своему «криминальному» родственнику. За Сергеем устроили настоящую охоту. Зная, что эти люди его не пощадят, он быстренько продал квартиру и сбежал в провинциальный городок Свердловской области. Прокутил все денежки, а нужно было как-то жить. Тогда тридцатилетний ловелас прибегнул к своим талантам. Влюбил в себя женщину на семь лет его старше. Она не была богатой дамой, но квартира имелась. Вот в эту квартиру Серёжа и прописался после бракосочетания.

Сначала у мужчины были мысли отравить жену какими-нибудь грибочками и, продав жильё, уехать на море. Но любящая Света настолько окружила его теплом и лаской, что он стал привыкать к семейной жизни. Даже ребёнка попросил родить. И та родила. Хотя делать это врачи ей запрещали из-за серьёзной болезни сердца. Ребёнок родился с церебральным параличом. Серёжа стал всё чаще пропадать на работе или с друзьями. Бедная Светлана старалась сама справиться и с больным сыном, и с домашними делами. Не напрягала мужа. Боялась, что он уйдёт и оставит её совсем одну с этими проблемами.

Сергей же по-своему любил Сашеньку, да и жену ему было иногда жалко. Но больше всего он жалел и любил себя. В последнее время он не высыпался. Сын плакал, не давал спать ночами. А утром на работу. Да и жена в постели совсем не радовала. Не хватало страсти.

И вот оно спасение – молоденькая красивая длинноногая брюнеточка Анжела. Три месяца романтики и страстного секса. О чём ещё можно мечтать мужику? Девушке о своей семье Сергей, естественно, говорить не спешил. А зачем ей знать? Ведь Анжела для него так... несерьёзно. Поматросит и бросит. Это не раз уже было в его прошлой жизни.

Но вечером, когда Сергей и Анжела встретились, девушка вдруг повела разговор именно о замужестве. Она признавалась мужчине, что любит его и не хочет просто так встречаться. Слушая красивые фантазии юной леди о том, как они будут хорошо жить вместе, Сергей вдруг подумал: «Почему бы нет? Бросить стареющую неухоженную жену и махнуть с Анжелой куда-нибудь на море. Зажить там, в маленьком домике на берегу. И пусть весь мир подождёт. А сын... ну что сын? Ему можно будет раз в месяц алименты посылать. А можно и не посылать. Не он первый без отца будет расти, и не последний. Понятно, что Светке одной с больным ребёнком тяжко придётся. Но сама виновата. Нечего было такого рожать. У других вон здоровые детишки с отцами в футбол играют, а мой...»

– Чёртов голубь! – думал ангел Вася, слушая разговор Анжелы с Сергеем и читая их мысли. – И дёрнуло же меня разбудить её таким способом.

Ночью Анжела лежала в своей постели и молилась ангелу хранителю. Просила, чтобы тот помог ей выйти замуж за Сергея. «Ты же меня любишь, ангел, я верю, что ты добрый и понимающий. Серёжа моя судьба, мой мир. Большего счастья мне не надо», – говорила она мысленно Васе.

А в это время в другом конце города у себя на кухне тихо плакала от безысходности Светлана, супруга Сергея. Сын снова приболел, а муж до сих пор не вернулся домой и на телефонные звонки не отвечает. Света не может бросить больного ребёнка, но в аптеку за лекарствами сходить нужно срочно. Сергей же от Анжелы поехал в первый попавшийся клуб. Домой ему совсем не хотелось.

Василий решительно направился искать ангела, охраняющего Сергея. В одном из кабинетов он таки нашёл рыжеволосого всё время что-то жующего молодого паренька, который и курировал возлюбленного Анжелы.

– Почему ты ничего не делаешь? – возмутился Вася. – Как твой подопечный дошёл до такой жизни?

– Стоп! – возразил рыжеволосый. – Как это ничего не делаю? Я его хранитель. Кирпичи на него с неба не падают? Нет! Под машины и другой транспорт он не попадает. В самолётах не разбивается. Цел и невредим, даже кашля нет. Значит, я свои обязанности соблюдаю. А как он там любовные дела ведёт,

меня не касается. Ты лучше за своей подопечной следи. У неё, между прочим, по судьбе жизнь короткая. Так иди и продлевай.

Вася вернулся злой к себе в кабинет и сел к компьютеру. Нажал на кнопку, и на голову Сергея с крыши полетел красный кирпич. Но хранитель мужчины действительно следил за безопасностью своего подопечного. Кирпич аккуратно спланировал на три метра левее от Сергея. А рыжий ангел тут же накатал на Васю жалобу в небесную канцелярию.

В тоске Вася смотрел, как Анжела аккуратно красит глаза и всё время поглядывает на часы, ждёт возлюбленного. И зачем Вася вообще согласился на эту авантюру быть ангелом? Он мысленно попросил прощения у своего собственного ангела. Вспоминал, как сам молил его о какой-либо услуге, но тот будто бы не слышал.

– Теперь-то я понимаю, почему ты не выполнял мои желания, – думал Вася, – просто ты всегда знал намного больше, чем я.

Но делать нечего, теперь он сам ангел, и его подопечная Анжела уже готова наделать глупостей. Ангел Вася вспомнил слова рыжеволосого и заглянул в судьбу девушки. В ней было всего лишь два пути. По одному пути Анжела сбегает с Сергеем на моря. А его жена Светлана сходит с ума от горя и, закрывшись на кухне с сыном, включает газовую конфорку. Их хоронят рядом друг с другом, но ни Сергей, ни Анжела на похороны не приедут.

Во втором жизненном пути Анжелы Сергей остаётся в семье и объясняет глупой девушке, что она ему больше не нужна. Заводит новую любовницу и забывает об Анжеле. И тут уже Анжела выпрыгивает из окна многоэтажки.

Как её ангел-хранитель Вася по идее должен выбрать путь, где Анжела цела и невредима. Но Васе искренне жаль Светлану с сыном. Да и вообще, подталкивая Анжелу на любой из этих путей, он понимает, что будет считать себя убийцей.

Вася решает познакомить Анжелу со Светой. Возможно, увидев женщину с больным ребёнком и пообщавшись с ней, Анжела не наделает глупостей.

На следующий день Анжела, возвращаясь из института, вдруг решила пройтись по парку. Там, среди аллей, девушка присела на скамейке и закурила. Она любовалась клёнами и не сразу заметила мимо проходящую женщину. Бедная Света в одной руке тащила большую сумку с продуктами, другой толкала перед собой коляску, в которой сидел больной малыш.

Внезапно подул ветер. Он сорвал с головы малыша панамку, отнёс и кинул прямо под ноги Анжеле. Та подняла её и поспешила отдать женщине.

– Спасибо вам, – улыбнулась ей Света. – Можно я рядом присяду? Сумки такие тяжёлые.

Анжела смотрела на больного ребёнка, и жалость к нему переполняла её сердце.

– Как его зовут?

– Сашенька, – ответила Света и погладила малыша по розовой щёчке, – Это его папка так назвал. Саша очень любит гулять на улице. Вот сейчас посидим тут, нашего папочку с работы дождёмся да и пойдём все вместе домой обедать.

Как-то так получилось, что женщины разговорились. Света разоткровенничалась и рассказала совсем незнакомой девушке о своей нелёгкой жизни, о том, как её первый муж погиб в аварии. Как она долго лежала в клинике неврологии, где врачи помогали женщине не сойти с ума. Кто знает, чем бы закончилась тогда жизнь Светы, если б ей ангел не послал Серёжу. Мужчина смог возвратить ей вкус к жизни. Ради Сергея она пошла на такой поступок, как рождение сына. И не жалеет об этом.

– Серёжа и Сашенька – это моя жизнь, это всё, что у меня есть, без них я не смогу, – закончила свой рассказ женщина.

Тут вдруг она обернулась и крикнула кому-то:

– Эй, Серёженька, мы тут.

Подходя к Светлане с сыном, Сергей заметил рядом с ними ещё одну женщину. Не сразу признал в ней Анжелу. А когда признал, было уже поздно. Анжела во все глаза смотрела на любимого. А тот холодно поздоровался с ней как с чужой, взял в руки сумку с продуктами и, сказав жене «пошли», молча стал уходить из парка.

Дома Анжела плакала навзрыд. Гневила Бога, проклиная свою судьбу. Ругала ангела, что он её не слышит. Вдруг прозвенел звонок. Звонил Сергей.

– Да я женат, но принял решение разойтись, – сказал он девушке. – Если любишь меня, то жду тебя через час на железнодорожном вокзале. Хочешь быть со мной? Это твой последний шанс. Мы уедем далеко к морю. Но если тебя в течение часа не будет в указанном месте, значит, между нами всё кончено, и тогда уже не надо искать меня. Решай.

Анжела, немного подумав, бросилась собирать вещи.

– Что же ты, дурочка, делаешь? – закричал ангел Вася и нажал на кнопку. Девушка, пробегая по коридору к выходу, споткнулась, упала и сильно ударила ногу. Боль была невыносимая. Анжела разрыдалась. Стала набирать номер любимого, но его телефон оказался отключён. Нога же сильно опухала и покраснела. Пришлось вызывать «скорую помощь». Дозвонилась девушка до любимого лишь через неделю.

– Уже поздно, – холодно ответил ей Сергей. – Я больше не хочу из-за тебя уходить из семьи. Слишком много всего произошло у меня за эту неделю. Например, появилась любовница. Между нами всё кончено, Анжела. Не ищи встречи со мной.

Анжела сидела на подоконнике, курила и смотрела на звёздное небо.

– Где же ты, мой ангел-хранитель? Почему же ты меня не слышишь? Почему ты меня бросил? – шептала девушка небу.

– Я тут, дурочка, я же как лучше хочу, – кричал ей в ответ ангел Вася. – Я просто хочу, чтоб все были живы, понимаешь? Ну что хорошего в этом Сергее? Я тебе сто таких мужиков подыщу. Ты главное не вздумай что-то с собой сделать. Надо жить и радоваться этому миру!

Вася всё говорил и нажимал разные кнопки. Но Анжела его не слышала. В компьютере Анжелиной жизни произошёл сбой программы. Компьютер завис. Пока Вася перезагружал его, сам молился Богу, чтобы эта дурочка ничего с собой не сделала.

– Скорее, скорее, включайся уже, – торопил он компьютер.

И вот, наконец, экран замерцал, появилась долгожданная картинка. Но эта картинка оказалась печальной...

Широко раскинув руки, Анжела летела из окна многоэтажки головой вниз. Вася прочитал последние мысли своей подопечной: «Зачем так жить, если я не нужна даже собственному ангелу?»

Так и закончилась карьера Василия в статусе ангела.

Виталий ВОЛОБУЕВ

Родился 20 мая 1956 года. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор многих поэтических книг. Лауреат премии «Прохоровское поле» в 2019 году за книгу «На берегу Вселенной».
Живёт в Белгороде.

***

Первую любовь не береги,
От неё подальше убеги,
Обходи кустами, стороной,
Не встречайся больше с ней одной.
Первая любовь – и мёд, и яд,
От неё все клеточки болят,
От неё всю жизнь колотит дрожь,
От неё вся будущая ложь.
А в глубинах, в недрах этой лжи
Первая, весенняя лежит,
Первая, невинная любовь,
Отравившая младенческую кровь.
Первую любовь не береги,
От неё подальше убеги,
Если всё проходит – не жалей...

Милый друг, за первую – налей!

1976

***

Шумно корова вздыхает,
Куры кудахчут во сне,
На сеновале стихами
Пахнет, и чудится мне –
Это не кончится лето.
Эта не кончится жизнь.
За полчаса до рассвета
Ты от меня убежишь.

1978

***

Отрава, ох, отрава,
Отрава ты моя,
В лугах растет отава,
А в ней валяюсь я.

Не мило даже это
Валяние в траве,
Когда проходит лето
И мутно в голове.

Принёс тебе травинку,
С цветочком полевым
И насмерть отравился
Вниманием твоим.

Валяюсь, мну отаву,
Шепнула ты: – Приду!
Кляну свою отраву
И жаркой ночи жду.
1979

***

Уходила в платье подвенечном,
Не смотрела, в память уходя.
И осталась небом бесконечным,
Полосою серою дождя,
И осенним неприглядным садом,
Без листвы, без цвета, без прикрас.
Может быть, и я с тобою рядом
Где-то там остался
Про запас.

1982

***

Нынче Троица – пол в траве,
Ветки клёна висят по углам,
И такой кавардак в голове,
И такой в душе тарарам.

Мы на Троицу вышли в лес,
Развели небольшой костёр
И орали песни окрест,
И кричал нам в ответ простор.

А под вечер такая тишь,
Ни души кругом, я да ты
Далеко-далеко грустишь,
И вокруг все твои цветы.

1982

Николай ГРИЩЕНКО

Родился 11 декабря 1949 года в селе Орехово Валуйского района Белгородской области. Автор книг стихотворений «Опять звонят колокола», «Дождь на плацу», «В плену соловьиного лада»,«Сентябрь покинутых полей» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

***

Иду на одинокий зов
Просёлка,
К солнцу уходящему,
Из мглы оставленных лесов,
Из городов, во тьме гудящих...
Мне нужен только этот свет,
Что тихо льётся над просёлком,
Ни дней, ни далей больше нет,
Одни потухшие осколки...
Из тупиков, из тьмы минут,
Мельканий в бесконечном круге,
Я возвращаюсь по нему
В свой добрый
Деревенский угол,
Где был всему первоисток,
Где первый луч душа впитала,
Где лёгкий материнский ток,
Питающий моё начало...
И только здесь,
В тиши угла
И света над моим просёлком
Могу я больше не играть,
А просто быть собой и только...

ТРАВА ЗАБВЕНИЯ

Трава забвения, жестокая трава
Она растёт, не ведая печали.
Она не помнит горькие слова
И ни за что уже не отвечает...
Она права, по-своему права,
Когда растёт над отшумевшим миром.
Когда опять по-новому жива,
И мы остановить её не в силах...
Она укрыла старые кресты,
Она укрыла старые могилы
И скоро образует здесь пустырь...
И мы остановить её не в силах...

БРОШЕННАЯ ЯБЛОНЯ

О, как она неистово цвела...
Кипел нектар
в соцветиях медовых,
И пчёлы нашего села
Теряли головы
от запаха хмельного.
Задиристый, горластый соловей
Всю ночь, хмелея,
пел своей подруге
О том, как хорошо среди ветвей

Таких зелёных
и таких упругих...
А влага звёзд – волшебная роса –
Питала корни и поила ветви,
Чтоб захмелели даже небеса
От запаха бушующих соцветий.
Но лопнул ствол
под тяжестью ветвей,
В траву упали яблоки литые,
Чтоб заманить
играющих детей, –
Они сияют, словно золотые...
Но детский смех
уже не слышен здесь,
Весь сад зарос крапивой
и бурьяном,
И брошен навсегда...
и лишь окрест
Струится дух забытого
медвяный...
Ушли жильцы из дома в никуда –
Кто в города,
кто на погост навеки,
Оборванные стынут провода
На сломанном столбе,
как на калеке.

Нет связи с миром
отшумевших дней,
И только воробьи
ещё мелькают
У сгнившей крыши
и у тех ветвей,
Что зря плоды
на землю просыпают.
Симфония окончена уже,
Плоды не нужны никому
и вянут...
И больно так,
и грустно на душе
Средь зелени,
у яблони медвяной...

ТРОИЦА

Святая Троица ликует в небесах,
И чистый свет на землю снова льётся,
Шумят вокруг намокшие леса,
И радуга над озером смеётся.
От колоколен льётся благовест,
И тихий звон легко волнует травы,
И синева на сотни вёрст окрест
Сияет над землёй
в лучах всевышней славы.

Наталья ДАРОВАННАЯ

Родилась в г. Шебекино Белгородской обл. Окончила Белгородский Университет потребительской кооперации по специальности экономист.
В 2017 году вышел первый сборник стихотворений «В потоке яблочного ветра», а в 2019 вышла вторая книга стихов «Любовь между строк». Публиковалась в альманахах «Молодёжный», «Пересвет» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Шебекино.

***

Если ты вдруг однажды уйдёшь, то не смей возвращаться.
Невозможно открыть все замки на двери, что закрою.
Слишком мутный осадок в стакане оставит мне счастье,
И сотрутся из памяти чувства, уйдя за тобою.
Просто знай: я воздвигну высокие прочные стены,
Мне за ними спокойно, тебе ж не помогут тараны.
Через них не проникнут предательство, боль и измены,
Стрелы горькой тоски, что наносят смертельные раны.
Понимаешь, я несколько раз не умею прощаться
И делить своё сердце на горькие ноты разлуки.
Если ты вдруг однажды уйдёшь, то не смей возвращаться.
Я скорее сломаю, чем вновь протяну тебе руки.

***

Вкус сквозняка – вечерней прохладою на губах,
Ночь обнимает за плечи, баюкает, нежит, лечит.
Больше всех я, наверное, знаю толк в сквозняках,
Пронизывающих насквозь, уносящих в вечность.

Не вздумай спорить, я звёздам – почти своя.
Выдохнешь дым и сплюнешь: «Ты невыносима!»
Я руки к небу тяну, там светит лунный маяк,
Там бродят ночные тайны – и так красиво!

«Оденься, простудишься…» – Бросишь на плечи плед. –
«Сколько можно не спать и дружить со сквозняками?
От меня лунным бабочкам передавай привет...»
Выключишь свет... превратишься в бесстрастный камень...

Вкус сквозняка, терпкость ночи на языке...
Мне так хорошо, жаль, ты этого не разделяешь.
Я хочу раствориться в лунной прозрачной реке
И слегка прикоснуться к небесному тонкому краю...

***

Небо кисейное серое снег рассыпает,
Словно в тиски, зажимает мой город зима.
Кружится в вихре пушистая белая стая.
Мысли мои о тебе – я так сильно скучаю...
Ночь гасит окна в уставших и сонных домах.

Звёзды за тучами спрятались, как в колыбели,
Всё засыпает вокруг, знать, не сплю только я.
Вновь на измятой бессонницей мягкой постели,
Словно корабль, что во тьме отклонился от цели,
Ищет спасительный яркий, зовущий маяк.

Буря уляжется завтра, все страхи растают,
Стихнет метель, превратятся снега в облака.
Бог тех, кто любит, в беде никогда не бросает.
Мысли мои о тебе – я так сильно скучаю,
Я без тебя потерялась в бесстрастных веках.

Михаил Дьяченко

Родился в 1958 году в Белгороде.
Окончил филологический факультет Белгородского педагогического института.
Работал корреспондентом в многотиражных газетах. Автор стихотворных сборников «Облака» (1991), «Степной сад» (1993), «Межень» (1996), «Стихотворения» (2001). Живёт в Белгороде.

ЗОЛОТО

День, я вижу, не наш, больно зол! Но зато
Вечер, утро и ночь – золото, золото.

Дом какой-то не наш, так себе... Но зато
Там, за домом, в полях – золото, золото.

Там овраг и ручей, перелески – всё то,
Что так нежно зову – золото, золото!

***

Чу, гитара! Юности огонь.
Звонкое томленье, дело прошлое...
Где ты, радость, мой весёлый конь?
Мчит – почти сквозь детское, киношное!

С нами – балалайка и гармонь,
С нами – несуразица чудесная…
Я целую родины ладонь –
Оживает музыка небесная.

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО ДНЕЙ

1
Томительный полуденный покой.
Сестра, трава да меловые кручи...
Я трогаю младенческой рукой
Тот день – один из самых лучших.

И золотое яблоко дрожит в моей руке –
Прозрачное, подёрнутое дымкой...
Мы шли к реке, мы шли и шли к реке,
Пока не стал я снова невидимкой.

2
Эта птица – синица в оконце
Средь парящих пушистых ветвей!
Это зимнее утро и солнце –
На домах, на дымах, в синеве!

Так и хочется выкрикнуть звонко
В эту сладко сопящую тишь...
Вся во льду – дремлет водоколонка,
Ты – идёшь и ведёрком звенишь.

3
Ребёнок сидит на дороге.
Теплынь. Где-то рядом сестра.
Дом – рядом. В разгаре игра.
Тихонько проехали дроги...
Ребёнок, что был на дороге,
Как будто бы даже не я,
А весь этот мир и земля,
Текущая прямо под ноги...

Когда ты идёшь по дороге.

***

Мир этот – горький каравай,
Живи хоть в холе и тепле...
Не знай, душа моя, не знай:
На небе ты иль на земле!

Пускай вокруг твердят – пускай! –
Что этот мир лежит во зле...
Не знай, душа моя, не знай:
На небе ты иль на земле.

***

Мне старец говорил:
«Запомни, чадо, строго –
Так не живи, как жил,
Позабывая Бога!

Здоровье береги
Своё – для покаянья.
Все отдавай долги,
К чужим – утрать вниманье.

Постись – до худобы.
Среди духовной битвы
День – лучше для борьбы,
Ночь – благо для молитвы.

Поклонами встречай
Своё и Божье утро!
На зло – не отвечай,
Но преграждай – так мудро.

Усердствуй, возлюби
Других, хотя немного...
Беги от всех, терпи.
Спасайся! Ради Бога!».

Валерий ИГИН

Родился 1 сентября 1946 года в селе Великомихайловка Белгородской области.
Член Союза писателей России.
Автор семи книг стихов, печатался в коллективных сборниках поэтов Центрального Черноземья, в журналах «Наш современник», «Роман-журнал – XXI век», «Светоч» и др.
Живёт в городе Строитель Белгородской области.

СТИХИ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Она не пришла к нам как гостья
На званый и чинный обед.
Она избавленьем от горя
Зажгла свой спасительный свет.

В родстве она близком с Мессией —
Воочию святость видна.
И Знамя её Россия
Возносит на все времена!

ИДУТ ВЕТЕРАНЫ...

Идут ветераны последней,
Последней войны мировой,
Оставив потомкам в наследье
И мир, и победный покой.

Идут ветераны, бодрятся,
В их честь – и поющая медь.
Дай Бог им в строю оставаться
И вдаль беспечально смотреть.

Уходят солдаты столетья,
Сжимается сердце в комок.
Как будто из битвы последней
Вернуться я им не помог...

***

Соловья сразила пуля на рассвете
В крошечном гнезде и наповал.
Это было летом в грозном сорок третьем.
Кто стрелял, историк не сказал.

ВЕТЕРАН

Сидит ветеран у глухого окопа,
Приехал по зову погибших друзей.
Пред ним, как слезами, наполнена стопка,
По кругу пошли вспоминания с ней.

Не слышит никто, лишь морщинится пашня,
Да память звенит в борозде за холмом,
Чтоб каждой травинкою, зёрнышком каждым
Всем людям поведать о встрече потом...

***

Танковое поле – пядь, не боле,
Точечка на карте полевой,
Где победной радует судьбою
Всех живущих в стороне родной.

Я горжусь, что к той судьбе причастен.
Здесь живу, и, волею дыша,
Каждый миг мне наполняет счастьем
Всех полей спасённая душа!

***

Юбилеев памятные даты
И с трибун звучащие слова
Принимают Родины солдаты
Со слезой счастливой торжества.

Я согрет их непогасшим взглядом,
С ним заветно слышатся слова
И отца, бывалого солдата:
«Выше мира нету торжества!»

Анна ИСТОМИНА

Член Союза писателей РФ. С 1993 по 2005 г. работала главным редактором детского журнала «Силькан». С 2004 по 2007 г. была председателем Коми-Пермяцкой окружной писательской организации. А. Ю. Истомина – автор поэтических сборников «День рождения» (1986), «Корни и крылья» (1991), «Белые птицы» (1994), «Они придут...» (2003), книг для детей «Страна Абу» (1997), «Мальчик из зеркала» (2008) и др.

СВЕТЛЫЕ СНЫ

Перевод с коми-пермяцкого Виталия Волобуева

1
Я не помню – во сне или нет
Бог мои затуманил глаза,
А потом их промыла слеза,
И открылся божественный свет.

Мне Любовь подарила крыла,
Чтобы я вольной птицей была
И без страха стремилась вперёд –
Там Господь меня любит и ждёт!

2
Упал на лицо мое утренний блик.
Он поцеловал меня, в сердце проник.
Растаял, остыл среди облачных круч,
Но сердце запомнило солнечный луч.
Расту, поднимаюсь, тянусь в высоту,
А лучик горит, освещает мечту.

3
Приснись – я тебя поцелую,
Прижмусь к долгожданной груди.
Останься и не уходи.
Я столько страдала, ревнуя.

Наутро я к солнцу шагну.
И сон этот в сердце возьму я,
Чтоб вкус твоего поцелуя
Напомнил былую весну.

4
Вот и солнце умылось в реке,
Охватило всё небо светом.
Я ждала тебя каждым летом,
Даже видела вдалеке.

Вот и сердце моё теперь
Занялось огнём, запылало.
Мне рассветного солнца мало,
Распахнула я настежь дверь.

Кто же ты? Себя назови!
Мне не выжить одной, без света,
А в груди сердце ждёт ответа,
Полыхая огнём любви.

5
Сияет огонёк в твоём окне,
Издалека он согревает сердце,
И никуда мне от него не деться,
И не судьба с ним быть наедине.

Гори, сияй, далекий огонёк,
Ласкай теплом и светом мою душу.
Я этой хрупкой связи не нарушу,
Ты тьму ночную пережить помог.

6
Душа моя трепещет, словно птица,
Где жизнь и смерть сошлись –
не разойтись,
Взлетает, опускается, боится
Разбиться и опять взмывает ввысь.

Лети вперёд, крылатая душа,
Тебе уже даровано так много,
Никто тебе не в силах помешать:
Ты в небе – дома, ты под сенью Бога!

7
Незваный, нежданный,
уставший, без сил,
Вошёл на закате дня,
Улыбкой нежданной меня осветил,
И очаровал меня.

Печален и нежен, родной, земной –
Ждала тебя столько лет!
Впущу тебя в сердце – побудь
со мной,
Мой тихий вечерний свет!

8
В дорогу меня ветра увели.
И в холод я шла, и в зной.
Дожди поливали, метели мели.
А мне хорошо одной.

В дороге моей не боюсь никого.
И пусть я иду одна,
Навстречу она мне ведёт того,
Кому только я нужна.

9
Мою душу твоя всколыхнула душа,
Словно ветер, причёску мою вороша.

Моё сердце в обнимку с твоею душой
Тает свечкою – ей с огоньком
хорошо!

А когда на двоих станет общей душа,
Горний свет засияет, единство верша.

10
Вечернего солнца багрянец не вечен.
Закат полыхает холодным огнём.
А ты так и не был в пути этом
встречен,
В пути, по которому шли мы вдвоём.

Шли рядом, но слов не звучало
меж нами,
И в том виноваты, наверно, мы сами.

Немыслимый холод в озябшей душе,
Вечерний закат не согреет уже...

11
Дряхлый стоит домишко,
Крышей к земле приник.
Взгляд как у старой мышки –
Подслеповатый лик.

Смотрит на мир с надеждой,
Птичке случайной рад,
Был же хозяин прежде,
Вырастил этот сад.

Выйдет божья старушка,
Глянет на первый снег
И заползёт в избушку —
В прошлый привычный век.

12
Все ветры мне были навстречу.
Секли меня дождь и град.
А я всё шагала беспечно,
Ни разу не глянув назад.

Вперёд, будто точно знала –
Пройдут и град, и дожди.
Пусть будет преград немало,
Но ты меня ждёшь впереди.

Ирина КАРАГОДИНА (КОВАЛЁВА)

Родилась в посёлке Вейделевка Белгородской области. Окончила Белгородский государственный университет. Работает главным специалистом архивного отдела администрации Вейделевского района Белгородской области. Является автором поэтических книг «Сиреневое лето», «Узоры», «Осенний разговор». Победитель конкурса «Новые имена – 2019». Публиковалась во многих газетах и журналах. Член Союза писателей России.

Без обещаний встреч

Мысли рождает светлые
Этот дождливый май.
Нежно шепчу заветное:
Только не пропадай.

Счастье моё – с горошину –
Я научусь беречь...
Как же мне жить, хороший мой,
Без обещаний встреч?..

Ночью душа, как горлица,
В дом прилетает твой,
Тихо о встрече молится,
Плохо ей жить одной.

Будет весной таинственно
Мир, как обычно, цвесть...
Милый ты мой, единственный,
Радостно, что ты есть!

Тебе

Круты у реки излучины,
И брода в помине нет.
Стихи о любви заучены,
В них пишут полнейший бред.
Но май говорит обратное:
Коль можешь цвести – цвети!
И я иду на попятную
И счастье держу в горсти!
Не веришь? Поверь, я требую!
И верю в любовь сама...
Черёмухой пахнет небо
И сводит меня с ума...

Скоро лето

В кронах тоненьких деревьев –
Облака – кусочки ваты,
Задержались на мгновенье,
Чтобы снова плыть куда-то...
Небосвод ветра качают,
Словно море голубое.
Гуси громко прокричали
У меня над головою.

Солнце блещет на восходе,
Греет мир целебным светом,
И уже поёт природа:
– Скоро лето! Скоро лето!

Гаврилыч

Бессмертный полк шагает свято
По всей стране который год,
Чеканят шаг в строю солдаты,
А вот Гаврилыч – не идёт.
Он ранен был и не однажды,
Но рвался в бой, не пасовал.
Детишек он своих не нажил,
На фронте ногу потерял...
И мне теперь, бывает, снится –
Высокий, строгий наш сосед.
Как будто палкою грозится,
И кажется, что он – мой дед...
Найду портрет, поставлю в рамку.
Достойно жизнь свою прожив,
Пройдет Гаврилыч под «Славянку» –
Он это право заслужил!

Тепло души

Дорогие украшенья
Покупать мне не спеши.
Подари мне вдохновенье
И ещё тепло души.
Я давно поймать мечтала
Нежный взгляд лучистых глаз.
Для кого-то это мало,
А по мне так в самый раз.
Я подарку буду рада,
Не запру его в сундук,
Мне надежда и отрада
Сердца трепетного стук.
Пусть не гаснут на планете,
А летят во все концы
Светлой радости приметы –
Доброты твоей гонцы.
Возвращаются обратно,
И поют в ночной тиши...
Как же всё-таки приятно,
Получать тепло души!

Вячеслав КОЛЕСНИК

Родился в селе Новая Ивановка Ровеньского района Белгородской области. Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, художник. Автор книг прозы и поэзии «Семь сказок», «Юность генерала Ватутина» и других. Лауреат Всероссийской литературно-патриотической премии «Прохоровское поле». Живёт в Белгороде.

МОРСКОЙ СПОСОБ

«Путешествия!». Так загадочно называлась школьная тетрадка, которую перед выходными днями мы с младшей дочерью Линой доставали из шкафа. Происходило это обычно в пятницу вечером.

– Так, так, – открывая тетрадку, говорил я, – и куда мы завтра с тобой отправимся?

Лине в то время было около шести лет, и мы с ней почти каждый выходной любили побродить по окрестностям своего села. Готовились заранее, с вечера. Рисовали маршрут, составляли список – что необходимо с собой взять: воду, продукты, спички, бумагу для разведения костра, топорик и много чего ещё. Обсуждение предстоящего похода занимало почти весь вечер. Во многом мы соглашались друг с другом, но не обходилось и без оживлённых споров. Споры возникали обычно из-за маршрутов.

– Зачем туда идти? Мы там уже были!

– Ну и что! А мы чуть дальше пройдём!

– Так там же встречаются бездомные собаки!

– Ну и пусть. Мы же с палками пойдём.

Кстати, палки мы брали с собой всегда. На всякий случай. Мало ли кто мог повстречаться в зарослях лесной полосы, на заброшенных дачах, возле глубоких, глухих яров. Правда, выходить из дома на улицу с палками мы не решались – вдруг увидят соседи, начнут любопытствовать: «Куда вы? Зачем?» – да ещё и похихикают вслед. Палки свои мы прятали на окраине села, а там забирали их и шли дальше. Ходили мы в походы в основном осенью и зимой, так как в другое время года сельским жителям было не до походов. Расстояния мы преодолевали не очень большие, от силы километров пять в одну сторону – дочке ведь было всего шесть лет, и я боялся, что она устанет и мне придётся тащить её домой на себе.

Возвратившись домой, мы записывали в тетрадь свои впечатления: что видели, кто встречался по пути, какая была погода. А вот с погодой иногда нам не везло. С утра вроде бы всё ладно: солнце выглянуло, денёк обещает быть хорошим, а пройдёт час-другой, и всё поменяется – подует промозглый ветер, затянется небо хмурыми тучами, начнётся нудный мелкий дождик. А что ещё можно ждать от осени? Не зря про неё говорится: «Осень – на дню погод восемь». Но мы планов своих не меняли. Хоть ненадолго, а из дома уходили, даже костерок успевали развести в ближней лесополосе.

В зимние месяцы погода бывает более предсказуемой, устойчивой. Но только не в феврале! Февраль переменчив, у него тоже за день погода не раз поменяется.

Так случилось и в этот раз. Собрали мы с Линой рюкзак, вышли во двор, смотрим: с неба начали падать крупные, хотя и редкие, хлопья снега. Жена, которая никогда в наши затеи не вмешивалась, тут не смолчала:

– Сидели б вы лучше дома. Видите, что начинается?

– Обычное дело, – ответили мы. – Не лето же. – И вышли со двора.

План на этот раз у нас был такой: дойти до речки Везёлки, перейти её по мосту, затем подняться в гору, пройти по окраине села, а дальше – прямо, по голому полю добраться до лесополосы. Там развести костёр, поджарить нанизанные на палочки кусочки сала и, подкрепившись, тем же путём возвратиться домой.

Но едва мы дошли до речки, как погода начала резко портиться. Мокрый снег повалил всё сильнее, становился всё гуще. У берега образовалась серовато-белая, чавкающая под ногами снежная каша. Хорошо, что мы были обуты в резиновые сапоги.

– Может, вернёмся? – спросил я.

Дочь возвращаться не согласилась.

Перешли по мосту на другой берег, с трудом преодолели дорогу, ведущую в гору. Вот и закончилось село. Ещё чуть пройти, и будет лесополоса – конечная точка нашего путешествия. Она совсем рядом, но её почти не видно из-за снегопада.

– С дровами будет напряжёнка, – сказал я. – Всё кругом отсырело.

– А как же костёр? – растерянно посмотрела на меня дочь.

– Будет костёр! – обнадёжил я её. – Какой же поход без костра?

– Ну, тогда за дело! – совсем по-взрослому распорядилась она.

Для начала мы утоптали среди сугроба небольшую полянку, затем натаскали туда бурьяна и веток. С первого раза костёр нам развести не удалось – газета сгорела, но от сырых веток лишь слегка поднялся парок. Взятые с собой газеты мы предусмотрительно разделили на несколько частей. Попробовали ещё раз – снова неудача. И в третий раз снова ничего не получилось. Спички одна за одной гасли на ветру, отсыревшая бумага не загоралась.

– Ну вот, – сказал я, – осталось всего три спички.

– Что же делать? – спросила дочь. – А если и они потухнут?

– Не потухнут! – решительно заявил я. – Есть способ. Испытанный.

– Какой ещё способ? – с надеждой посмотрела на меня дочь.

– Морской! – торжественно объявил я. – Бумага сухая ещё осталась? Давай-ка её сюда!

Я вынул из коробки последние три спички, сложил их в пучок, прижал поплотнее друг к другу…

– Дело, конечно, рискованное, – сказал я, – но без риска не бывает удачи. – И тут же с силой чиркнул спичками по опустевшей коробке. Спички дружно вспыхнули ярким пламенем, пламя тут же охватило сухую бумагу, за ней загорелись тонкие былинки бурьяна, а вслед за бурьяном пламя набросилось и на ветки.

Дочь обрадовалась, принялась нанизывать на палочки кусочки сала, жарить их.

– А почему способ называется морской? – поинтересовалась она.

– Когда моряку нужен огонь, чтобы, к примеру, прикурить или сварить себе еду на необитаемом острове, а в это время разбушуется ветер, то этот способ как раз и выручает, – объяснил я. – По одной спичке можно всю коробку истратить, а толку – ноль, гасит их ветер. А возьми три-четыре штуки да собери их в пучок – совсем другое дело. Да ты сама это только что видела.

– Видела, – сказала дочь. – А откуда ты этот способ узнал?

– Так я ж моряком был! – с гордостью ответил я. – Потому и скажу тебе, что даже спички, если дружно, а не поодиночке, возьмутся за дело, всего добьются!

Надежда КОРОЛЬКОВА

Родилась в городе Кемерово. Автор поэтических книг «Рябиновое сердце» и «Бессмертник в ладонях».
Живёт в селе Графовка Белгородской области.

ДАЛЬНОБОЙЩИК

Старик привычно и терпеливо пережидал полуденный зной.

Он возлежал на широкой кровати, которая занимала почти все пространство крохотной спальни.

Когда-то он сделал эту кровать своими руками. Кровати, купленные в магазине, не выдерживали его могучего, богатырского телосложения: скрипели, стонали и – в итоге – ломались. Особенно после нежных, неутомимых ночей с любимой Дуней. Однажды он проснулся обозлённый на ложе любви и дал слово жене, что непременно сделает большую, добротную кровать.

И сделал. Из лучших дубовых досок. Отполировал, приладил, подогнал, собрал – и обрёл ложе, о котором мечтал. Кровать и теперь, сорок лет спустя, не скрипела, не ходила ходуном, а радовала сердце старика. Он находил здесь утешение от одиночества и боли.

Старик лежал на спине, подпирая грустным взглядом потолок, широко раскинув одутловатые ноги-столбы, прижав к груди большие кулаки. Он полюбил лежать на спине ещё смолоду.

Иван всю жизнь проработал шофёром: сначала в колхозе, затем на фронте, а после войны устроился дальнобойщиком. И так до самой пенсии. Тело уставало от сидения, досаждало ломотой, и он любил шутить, что лечится «горизонтальной гимнастикой».

Окно спальни выходило в сад, и даже в жаркие дни здесь всегда было прохладно. Теперь он лежал подолгу, подгоняя под свою хворобу ритм жизни.

Вставал после обеда и доживал половину дня в нехитрых хлопотах: приёме лекарств, маленьких посильных делах.

Но сегодня Иван Иванович залежался особенно долго, всё не решался перекантовывать громоздкое тело к краю кровати. Немощь его придавила к слежавшейся постели.

Старик поохал, потёр кулаком щетинистый подбородок и вяло проронил:

– Пора вставать.

Но встать не смог. Недоставало сил. Пришлось снова уложить поудобнее свои кулачищи на широкой груди, допустить к себе дрёму, забыться.

Прошёл час, другой... Он всё так же лежал, не имея сил разорвать путы своей немощи.

Вот уже солнце обошло его дом с южной стороны и добралось до вишен под окном спальни, позолотило их солнечной пыльцой, лизнуло сквозь густую пену листвы краешек окна. Свежий ветерок через приоткрытые створки раздул парус ситцевой занавески. А Иван Иванович всё лежал, не ощущая ни времени, ни пространства.

– Надо встать, – призвал он, наконец, себя. Заворочался, запыхтел, забормотал что-то...

Эти малые хитрости оживили, и старик пододвинулся-таки к краю кровати. Дотянулся правой рукой до сыромятной петли, прилаженной к большущему гвоздю на стене. Всунул в эту приспособу непослушные пальцы и уцепился за неё что было сил. Уже несколько месяцев он вставал с постели при помощи этих вожжей. Сегодня поднялся тяжелее обычного.

Уселся неуклюже и мешковато, нашарил за изголовьем узловатую палку-подпиралку, сделал попытку встать. С первого раза это ему не удалось: не успев приподняться на ноги, он тут же уселся обратно. Ноги не держали.

– Рассыпался... – подытожил старик. – Видать, и капремонт не поможет.

Он опять отважился встать на ноги. На этот раз получилось: постоял, разглядывая пол, и, тяжело ступая и переваливаясь, двинулся в путь.

Это был его каждодневный маршрут: в зал, в кухню, к умывальнику... Проделав его, старик с чувством исполненного долга возвращался назад – в спальню, на свою любимую кровать.

Сегодня «привычный рейс» задержался. И путь до первой остановки дальнобойщик преодолел с бóльшим усилием, чем всегда.

В напряжении постоял перед порогом, как перед непреодолимым препятствием, отдышался, перевалился через него в небольшой залец: с диваном, сервантом, круглым столом под плюшевой скатертью, фотографическими рамками по стенам и пыльным облысевшим ковром на полу.

Зал остался позади после двух десятков черепашьих шагов. Старик закачался на очередном пороге.

– Перекур, – скомандовал он себе и привалился спиной к косяку.

Ноги дрожали, будто он целую вечность не отрывал горячих ступней от послушных педалей. Рука нервно втыкала костыль в скользкий линолеумный настил. Казалось, что старый водитель силится и никак не может переключить скорость. Вынужденную остановку он употребил на то, чтобы отереть бисер пота с крупной головы и шеи.

Кое-как проделал несколько шагов и взгромоздился на табурет в крошечной для такого большого человека кухне. Раньше, когда была жива Дуня, а старик был молодым и сильным, он не раз и не два грозился расширить кухню, но у него на это не хватило времени. А может, и желания. Кто знает...

Но теперь он радовался столь малому пространству, которое пока ещё покорялось ему.

Сидя на табурете, старик извлёк из-за шкафа майонезное ведёрко и неловко, путаясь непослушными руками в ширинке, пристроил его к плоти. Отрешённо уставился на бессильную струю и терпеливо дождался конца действа.

– Порядок, – подытожил старик и вылил душную жидкость в раковину. Под холодной струёй вымыл ведёрко и вернул на прежнее место за шкаф.

С мыльцем вымыл руки, намылил тряпицу и промыл ею раковину. Сделал всё тщательно, но всё равно при этом брезгливо морщился.

– Пакость... дожился... до туалета не доезжаю... тьфу... – сердился на немощность Иван Иванович.

Достал из холодильника нехитрую снедь. Нарезал тонкими ломтиками сало, «придавил» для сочности луковичку, раздел её, заварил душистый чай, выложил из кулёчка сухари...

Но ни приготовления, ни аромат чая не возбудили аппетита. Он равнодушно скользнул взглядом вдоль стола с едой, тяжело вздохнул и отвернулся.

В глотке ожил «краб». От ожидания мучений, причиняемых кашлем, больной задержал дыхание и втянул в плечи голову. Но «краба» это нисколько не остановило, он настырно начал скоблить клешнями и драть его горло, перекрывая дыхание, заставляя трястись от кашля всем телом и вытирать льющиеся из выпученных глаз слёзы.

Старик раскашлялся не на шутку. Сотрясаясь огромным телом, он охал и ахал, хватался пятернёй за грудь, сипел, плевался, силясь выплюнуть проклятого «краба», но тот в последний миг нырял опять поглубже и вновь начинал карабкаться вверх, выворачивая душу наизнанку. Казалось, что этой муке не будет конца. Но облегчение всё же наступило. Об этом можно было судить по тому, что старик между кашлем стал выговаривать сипло и зло слова:

– Собака... одолел, зараза... сладу нету... смерть не иначе... – ворчал он и дубасил себя по груди кулачищем, выколачивая, изгоняя из гулкого нутра хворобу.

Кашель отступил, а он, взмокший от бессилия, обречённо сидел на своём «троне». Сил достало только на то, чтоб матюкнуться вполголоса и высморкаться.

– Собака, – подытожил чуть погодя Иван Иванович и отправился в обратный рейс.

Впереди была знакомая дорога через зал, мимо любимых глаз, безучастно наблюдающих с фотографий за его возвращением. Впереди были многократно знакомые пороги-перевалы, а в конце пути его ждала награда – желанная кровать.

– Только б добраться, – ёжась от душевной непогоды, подумал старик то ли об уютном ложе, то ли о пристанище для мёртвой плоти...

Желание добраться до кровати, до маленькой спальни, где его глазам были милы и знакомы даже самые крошечные трещинки на давно небелёном потолке, придало сил.

– Поехали. – Зашаркал на непослушных ногах дальнобойщик и крепко сжал в руках рычаг коробки передач – палку-подпиралку.

«Проезжая» залец, он ненароком зацепился взглядом за увеличенное фото на стене, с которого на него ласково взглянула Дуня. Угораздило же его поднять взгляд! И случилось то, что должно было рано или поздно случиться.

– Авария.

Острая боль вошла в сердце. Старик зашатался и кулём свалился на диван у стены. Обвинив в своем крушении покойную жену, отмявшись от «аварии», сказал Дуне с укором:

– Вот видишь, что ты наделала?! Бросила меня... одного...

Иван Иванович ворочался на диване, как медведь. Пели, стонали и впивались в тело пружины. Кое-как он устроился.

Вынужденная остановка грозила затянуться на полпути к конечной цели.

Закинув голову на мягкую спинку, он уставился в простенок, силясь дышать глубже и ровнее. Боль разрасталась. По всему телу растекалась слабость, холодила руки и душу, пыталась остаться в его богатырской плоти навсегда. К слабости добавился страх, скорее похожий на ясную догадку:

– Видать, и взаправду помру... – Мотнул головой, стряхивая накатившиеся слёзы и обронил вздох, похожий на всхлипывание.

– Движок... того!

Так он полулежал, полусидел, не в силах что-либо изменить. Полумрак входил в дом непрошено.

За окнами проносилась жизнь. Проехала машина, промчались пацаны на велосипедах, слышались голоса...

Скаженная Манька прогнала свою Зорьку, оглашая улицу визгливой бранью. Старику показалось, что он крикнул:

– Манька!

Но крика не получилось. Сипло и больно звук завяз в глотке и разбудил «краба».

Старик закашлялся, сердце покатилось с горы... Больной пытался выпростать душу из тесной рубахи: рванул так, что пуговицы упали к ногам. Не помогло.

Когда он немного пришёл в себя, в доме было совсем сумеречно. Фотографии стали невидимы. Напрасно Иван Иванович вглядывался в очертания рам. Все те, кто любили его и кого любил он, ради кого прожил долгую жизнь, в разное время покинули землю. Осталась одна внучка – Маринка. Непутёвая, несчастная. Нарожавшая детей Бог весть от кого. Пьющая горькую. Растерянная и жалкая. Грабящая старика по поводу и без повода. Но так как любить было больше некого, старик продолжал любить внучку покорно и верно: отдавал ей всё, что просила, и не ничего жалел.

Вот и сейчас, нахлобучив, как поношенную шапку, взгляд на дверь в спальню, он думал о Маринке, о её детях. Особенно о старшенькой – Дуняше. Она как две капли воды похожа на умершую жену в далекой молодости. При воспоминании о жене стало совсем горько, и старик, не стесняясь, разрыдался.

Слёзы текли и текли, не принося облегчения.

– Хрен старый... сломался... Подождать бы до завтра... завтра ведь должна быть пенсия. Всё б легче Маринке было... А после ещё одна положена... знаю точно, положена... Две пенсии – не одна... Похороны нынче как свадьба, – старик шевелил губами, но цифры не хотели складываться в единый добыток, рассыпались в глазах на сотни ярких огоньков, превращались в золотые монеты и падали к ногам, засыпали по щиколотки, проникли в старые вязаные носки и холодили ступни.

Дальнобойщик попробовал стряхнуть золотую тяжесть и заработал ногами, будто нажимал на педали. Но педали «запали», и машина жизни двигаться не хотела.

А золотой дождь всё сыпался и сыпался. Гора монет достигла колен и стала растекаться по полу. Иван Иванович страшно обрадовался деньгам. Теперь не надо было цепляться сознанием за жизнь ради какой-то жалкой пенсии. Можно спокойно помирать.

Старик потянулся к золотой горке и попытался схватить в обе руки побольше монет. Ноги расползлись на ковре, и он упал.

В видении он успел схватить монеты, потому что лицо после смерти выражало спокойную радость. Старик лежал на боку. Правый кулак «со спрятанными монетками» он подложил под голову, а левую руку вытянул к двери, будто протягивая входящим гостинец. Так доверчиво и безмятежно он укладывался только в детстве.

На похоронах так и говорили: «Лежит как живой, прямо-таки улыбается. Прожил достойно, вот Господь и дал ему в проводники ангела».

Почтальонка – соседка Таня – пришла в дом Ивана Ивановича к вечеру. Пенсию стали выдавать вовремя, и она разносила деньги допоздна. К концу дня в её сумке осталось две пенсии, самых ближних соседей. Одна из них предназначалась старику.

В его доме было всегда в этот час темно. Татьяна часто забегала к старику. Наглядывала. Поддерживала, чем могла. Злилась на Маринкину бессовестность, а соседа жалела. Хороший старик, добрый, красивый, приветливый, неунывающий – он всегда радовался её приходу. Выросшая без отца, она дорого ценила обращённое к ней:

– А, дочка... проходи, проходи.

И в этот час она крикнула с порога:

– Иван Иванович...

Никто не ответил.

Молодая женщина почувствовала щемящую тревогу и, не дожидаясь ответа, привычно потянулась к выключателю.

– Иван Иванович, Иван Иванович, – теребила она его, понимая всю тщетность усилий ...

Переступив через костыль, Татьяна присела к столу и достала пенсионную карточку... Привычно поставила закорючку против фамилии Помилуйко, как это делала последние несколько лет, написала сумму, отсчитала деньги и положила их под плюшевую скатерть.

Старый дальнобойщик всегда просил почтальонку расписываться за него, а мелочь оставлял ей «на шоколадку».

В этот вечер Татьяна поступила как всегда... Затем перекрестилась на образ, висящий в святом углу, и сказала:

– Прости, Господи, прегрешения наши.

Вышла в темень, оставив за спиной ярко освещённый дом соседа.

Затем пошла к бабульке, чтобы выдать пенсию, позвать на омовение соседа и позвонить в город Маринке, сообщить о смерти деда.

Анатолий КРЯЖЕНКОВ

Родился 16 августа 1943 г. в посёлке Алексеевка Воронежской области. Краевед, журналист, член Союза журналистов, член Союза писателей России. Автор многих книг, в том числе «Алексеевка: историческая хроника» (1992, 1997), «Оправдан историей» (2000), «Соловей Украины» (2002; совместно с В. Канунником), «Корни родства» (2003), «Верой и правдой» (2004), «Алексеевка – город на Тихой Сосне» (2005; совместно с А. Лукьяновым) и др.

«ПЕРЕЦЕЛУЙТЕ ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ И НЕ ХОЧЕТ...»

В гостиную тихо вошёл слуга с отливающим бронзой подносом, на котором белел конверт. Извлекли письмо со знакомым почерком.

«Любезные дети и друзья Николай Михайлович и Александра Владимировна.

Большое вам спасибо за ваше письмо, а то мы со старухой начали уже скучать, не зная об вас ничего. Но, слава Богу, вы уже на месте, в кругу любящих вас, здоровы, чего же лучше. Пользуйтесь жизнью и, хотя изредка, извещайте нас о себе и о детях. И мы, несмотря на это расстояние, будем сочувствовать вашим удовольствиям. Перецелуйте всех, кто хочет и не хочет...».

Письмо прочитали вслух. Потом каждый про себя. Читавшие при этом улыбались, вспоминая Михаила Семёновича Щепкина, имевшего слабость всякий раз целовать родных и близких и напоминавшего об этом в своём послании. Строки, написанные рукой 67-летнего актёра, отправлены из Москвы 1 июня 1855 года. Они адресовались сыну Николаю и невестке Александре Владимировне, которые в начале лета оказались в Удеревке (ныне Алексеевский район).

Между тем на сельском приволье дни летели незаметно.

Через месяц с небольшим Михаил Семёнович прислал ещё одно письмо: «Добрые и милые дети. Я возвратился в Москву потому, что срок отпуска кончился (...). Нет, дети, без вас скучно. Мы отжили свою жизнь, теперь наша жизнь в вас, только вы своею жизнию бросаете нам сладкие минуты (...). Всем

Станкевичам мой стариковский привет. Всем, от большого до малого, желаю от души, чтобы они и равно вы все были здоровы и веселы. Обнимаю вас много раз, а детей наповал целую. Весь ваш отец и друг Михайло Щепкин».

Эти весточки-послания великого актёра в дальнее село на берегу Тихой Сосны, в общем-то, известны, как и вся его переписка. Тем не менее, вспоминая их сегодня, мы ещё раз оказываемся в кругу семейных отношений Щепкиных, где добрые родительские чувства воспринимались с сыновним почтением, а глава рода в череде актёрских забот и обязанностей не забывал отписать приветливое слово сыну и невестке.

А вот жизненные пути супругов Николая Михайловича и Александры Владимировны, а также их детей, внуков великого актёра, известны далеко не в полной мере, поэтому некоторые дополнительные сведения позволяют нам ближе познакомиться с семейством нашего славного земляка.

Чета Щепкиных летом 1855 года оказалась в Удеревке неслучайно. Известно, что Александра Владимировна была родной сестрой Николая Владимировича Станкевича. Поэтому их приезд в родовое имение был не только естественным, но и желанным, поскольку их пригласили погостить в деревенской тиши, где обширный сад, Тихая Сосна и зелень заречных лугов – всё располагало к отдыху. Правда, первый владелец Удеревки Владимир Иванович Станкевич и его старший сын Николай уже покоились на сельском кладбище. Однако и новый хозяин имения – Иван Владимирович – питал к сестре и зятю приязненные чувства, как, впрочем, и другие братья – Александр и Иосиф, с которыми Николай Михайлович был знаком ещё по Воронежу...

Судьба Щепкина-младшего (1820–1886) напрямик не выстраивалась. В 1844 году он окончил Московский университет со степенью кандидата, но по разным обстоятельствам попал на военную службу и оказался в драгунском полку, который квартировал в Воронеже. Здесь-то и встретил братьев Станкевичей, а через них познакомился с будущей женой. Три года тянул армейскую лямку и вышел в отставку поручиком.

Сменив мундир на фрак, Николай Михайлович на рубеже 1850-х годов становится деятельным членом кружка московского профессора Т.Н. Грановского, куда входили интеллигенты-единомышленники. Они были противниками деспотизма, крепостного права и размышляли о путях социального переустройства России. Осенью 1856 года сын артиста побывал за границей, несколько раз встречался с издателем и публицистом А.И. Герценом, которому московский кружок поставлял нелегальную корреспонденцию.

Николай Михайлович живо интересовался издательским делом. В 1850-е годы вместе с компаньоном К.Т. Солдатёнковым в течение семи лет выпускал сочинения современных русских поэтов и прозаиков, а в 1864 году он впервые отпечатал дорогие ему отцовские «Записки актёра Щепкина». Совместные издательство и книготорговля преследовали не столько коммерческие

цели, сколько просветительские. Книжная лавка предлагала читателям издания по доступной цене, что современники называли «предприятием честным и полезным».

Праправнучка Николая Михайловича Х.П. Луповская, живущая в Москве, сообщила, что впоследствии Николай Михайлович занимал высокие выборные должности. С 1860-х годов – гласный Московской городской думы и Московского губернского земства, член Московской губернской земской управы первого состава, потом – столичный мировой судья, директор городского кредитного общества.

На Александре Владимировне Станкевич (1824–1917) сын Щепкина женился 10 ноября 1848 года. А за два года перед этим будущая невестка великого актёра сообщала сестре Марии: «Я была в доме М.С. Щепкина, видела всё его семейство, это прекраснейшее семейство, какая добрая старушка – жена его!»

Свадьба состоялась в Воронеже. Именно туда Михаил Семёнович Щепкин направил своё поздравление:

«Любезные друзья, добрые и милые дети Николай Михайлович и Александра Владимировна. От всего сердца поздравляю вас, вступивших в законный брак, и дай Бог вам прожить долгие годы в совершенном счастье и здоровье. Пожалуйста, приезжайте как можно скорей, как только дорога позволит, дайте нам полюбоваться на вас, а то мы попробовали заочно выпить за ваше здоровье, а всё как-то не то (...)».

Семейство Щепкиных-младших жило в ладу и согласии. Александра Владимировна внимательно и благосклонно следила за общественными делами мужа. В письмах к родным ласково называла его Колинькой.

У них появилось шестеро сыновей (один умер в раннем возрасте). Все они получили прекрасное домашнее воспитание и образование, окончили Московский университет. И, как говорится, яблоко упало недалеко от яблони. Но дарования проявились в самых разных направлениях. Прослеживая их судьбы, мы оказываемся на драматических распутьях России конца XIX – начала XX столетия.

Самый старший сын Владимир Николаевич Щепкин (1849–1884) пошёл по протестному пути. Он служил секретарём Московского губернского земского собрания, примкнул к движению разночинной интеллигенции, к «хождению в народ». Вместе с тысячами молодых людей 25-летний внук великого актёра отправился в деревню на склоне весны 1874 года, чтобы разъяснить крестьянам пагубность режима и побудить их выступить против самодержавной власти. Наивным было это стремление: сельчане в основном отнеслись с недоверием к речам, как говорили в правительстве, «ходебщиков в народ».

Начались массовые (более четырёх тысяч человек) задержания по обвинению в антигосударственном заговоре. В каземат заключили и Владимира

Николаевича. Расследование продолжалось три года. Число проходивших по делу сократилось до 193-х человек, среди которых был и Владимир Николаевич. На показательном судебном процессе в октябре 1877 года ни один из заключённых не подал прошения о помиловании. Щепкин был осуждён на два года, но с учётом пребывания в следственном изоляторе отпущен на волю под надзор полиции. Три года одиночки и страшный душевный стресс подорвали здоровье Владимира Николаевича, в 35 лет он ушёл из жизни.

Политикой «заразился» и Николай Николаевич Щепкин (1854–1919), что в конце концов привело к трагической развязке. В молодости участвовал вольноопределяющимся в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, сражался на передовых позициях, награждён Георгиевским крестом. Был убеждённым сторонником развития муниципального управления в Москве, содействовал развитию городского хозяйства, созданию трамвайной сети. Входил в партию кадетов, представителем которой избирался в Государственную думу III и IV созывов. Один из близких знакомых Щепкина о нём отзывался так: «В работе с другими, подавая яркие реплики, схватывая чужую полезную мысль и отбрасывая острой шуткой или саркастическим замечанием вредную, путаную чужую мысль, он на глазах у собеседников или членов совещания творил и создавал, приводил к точному разрешению иногда очень сложный вопрос».

В ноябре 1917 года Николай Николаевич стал одним из организаторов антибольшевистских организаций, в апреле 1919 года возглавил «Всероссийский национальный центр», который активно поддерживал Белое движение. В августе того же года арестован сотрудниками московской ЧК. Георгиевский кавалер мужественно и достойно вёл себя в тюремной камере и на допросах не выдал тайн своей организации. Его казнили в подвалах Лубянки вместе с десятками единомышленников. «После устранения Щепкина больше не встречается таких крупных фигур», – отмечал большевистский историк М.Н. Покровский.

Народному образованию посвятил свою деятельность Александр Николаевич Щепкин (1858–1917), сведения о нём расширить не удалось.

Два младших внука великого актёра ушли в область «сухой учёности».

Евгений Николаевич Щепкин (1860–1920) стал известным историком, преподавал в Московском университете, возглавлял кафедру всеобщей истории Новороссийского (Одесского) университета. При жизни опубликовал диковинные для непосвящённых исследования, однако широту диапазона их могут оценить специалисты, – «Ассиды Иерусалимского королевства», «Афинские партии в эпоху Македонского завоевания», «Скандинавский обряд погребения с кораблём» и другие.

Но вирус политики его не миновал. Принцип «истинности», то есть объективности, из научной сферы он перенёс в общественные беспокойства, был

избран членом 1-й Государственной думы, а потом стал первым «красным профессором» в Одессе. В городе у моря он так прижился, что, сообщая Александре Владимировне о своём самочувствии, писал: «Дорогая мама! Я жив и здоров, назло чуме, пожарам, диспутам и другим бедствиям нашей жизни... Весенняя погода зимой – это лучшее, что есть в Одессе».

Если брат посвятил себя изучению общеевропейской истории, то Вячеслав Николаевич Щепкин (1863–1920) отличился на ниве отечественной филологии. В политику не вмешивался. Его интерес сосредоточился на старинных письменных источниках, чтобы понять смысл которых, пришлось приобрести навык по «расшифровке» букв, слов и предложений. Он заведовал собранием древних славянских рукописей Исторического музея, по его настоянию было создано Отделение рукописей и книг старой печати. Знание древнерусской культуры легло в основу его учёных трудов и вдохновений: «Памятники золотого шитья XV в.», «Золотой перстень, найденный на Куликовом поле», «Новгородская школа иконописи по данным миниатюры» и других.

Целых 20 лет с кафедры Московского университета учёный излагал студентам тонкости лингвистической науки: введение в славяноведение, старославянский язык, славянские литературы. В это время в учёном мире Вячеслава Николаевича считали лучшим в России знатоком болгарского языка, его истории и диалектологии. В среде студентов, изучающих древние рукописи, по сей день наиболее авторитетным является «Учебник русской палеографии», подготовленный Щепкиным, изданный в 1918 году и повторно отпечатанный в 1967 году.

Самой Александре Владимировне Щепкиной-Станкевич передалась фамильная склонность к беллетристике. Её перу принадлежат исторические романы «На заре» (1886) об эпохе императрицы Елизаветы Петровны и «Бояре Стародубские» (1897) о временах царя Алексея Михайловича. Оба повествования не устарели, московское издательство «Современник» перепечатало их в 1996 году. В аннотации подчёркивается: «В романах широко показаны быт, нравы поместного дворянства и столичного барства, во все века являющегося сколком с эпохи, создаваемой личностью того или иного правителя». Любителям истории без труда выдадут их даже в провинциальной библиотеке.

Помимо этого перу Александры Владимировны принадлежат «Заметки о воспитании», повесть из помещичьего быта, рассказы для детей «Родные места», отличающиеся знанием сельского быта.

Почему несколько изданий этих незамысловатых и назидательных деревенских историй назывались «Родные места»? Думаем, по той простой причине, что они навеяны удеревскими наблюдениями. Александра Владимировна, наделённая пытливым умом, в детстве замечала деревенскую обстановку и крестьянские привычки, потому она дотошно описывает устройство плотины и мельницы на реке, снасти и саму ловлю рыбы, ухватки садовника, характеры сельских жителей. А вот явные приметы родной усадьбы Удеревки в рассказике «Маленький садовник»:

«На горе, над рекой стоял большой барский дом с колоннами, с террасой и с оранжереями, пристроенными к дому с южной стороны».

Как говорится, один к одному в сравнении с родными местами.

Сегодняшнего читателя больше всего привлекают «Воспоминания» (1915 г.) Александры Владимировны. Этот дневник её господствующих дум и чаяний содержит ценнейшие сведения о семействах Станкевичей и Щепкиных, о литературно-общественной жизни в России во второй половине девятнадцатого столетия.

Вчитываемся в строки о Михаиле Семёновиче и отмечаем, как пером водит сердечная рука. Вот хотя бы первая встреча.

«...Ему было тогда уже около шестидесяти лет, но он был бодр, полон и свеж лицом, с живыми, добрыми глазами, и разговор его был жив и интересен. Вполне отдаваясь искусству, он при первой встрече нашей много говорил на свою любимую тему – о развитии взглядов на театральное искусство артистами Москвы и Петрограда, припоминая при этом прежние их понятия о сценической игре и приёмы, которые он помнил в театрах из своей молодости. Как теперь, вижу перед собой его небольшую полную фигуру и умное доброе лицо; он сидел спокойно в кресле у стола, с сигарой, дымившейся в его полной небольшой руке, со стаканом чая перед ним на столе. Говорил он горячо, одушевлённо, и мы слушали его, совершенно увлечённые его речами».

На склоне лет, уходя от суеты повседневной жизни, Александра Владимировна поддалась беспокойной памяти и связала воедино наплывавшие из прошлого имена и события. И оставила нам записки о своём времени, которое воспринимала чуткой душой и разумным сердцем.

Максим КУКОБА

Студент Литературного института.
Член студии «Творческий фонарь». Автор поэтического сборника «Сегодняшнее завтра».
Живёт в Старом Осколе.

***

Давай, как будто нас тут не было,
Начнём по-новому мечтать.
Ты будешь заливать мне небыли,
Я буду душу заливать.

Курить, курить, мотивчик вальсовый
Проигрывать десятки раз,
Чтоб сердце жжёною пластмассою
Дохнуло к полночи на нас.

Нас не было... Ты помнишь? Не было.
Здесь были прочие – не мы.
К земле ли к этой, к небу, к небу ли
Наш шёпот плыл из полутьмы...

Но только выгляни из омута:
Окно, январская метель,
Вот наша маленькая комната,
Комод, два стула и постель,

Десятки книг, дыра за зеркалом,
Светильник – даже запах наш:
Там всё, что память наковеркала,
Там всё, за что ты жизнь отдашь.

А значит – к чёрту эти небыли!..
Мы были. Жили. Падал снег.
Но ты одно твердишь: «Нас не было!
Нас точно не было. Нас не...»

***

Я – грунт. Я – гром, упавший наземь;
билет с маршрутом «город – град».
Я тот, кому ты всем обязан,
несын, небог мой, мой небрат.

Я – слюни сна и слюни лени;
день, повторяющийся вспять.
Я – незажившие колени,
с которых мы не в силах встать.

Я – книга, где на первых главах
читатель бросился в окно.
Я – крест на принципах и нравах.
Я – всё разрушившее «но».

Фитиль. Дверной проём до ада.
Хоть автостоп до райских врат.
Я тот, которого не надо.
Я тот, с которым не хотят.

Я – ухо под ногой медведя;
поломанная трость слепца.
Я – тот, кем женщины не бредят;
седьмой, девятый из ларца.

Я – одинокий грязный волос
на лысом солнце старика.
Ещё не речь, уже не голос –
стишок какого-то М.К.

***

А в окне моём город снежно-наг.
Я смотрю сквозь очки, избегая трещин.
Я вчера держал тут огромный флаг,
На котором сегодня и был повешен.

Под балконом клён анашой пропах.
Слава Богу, я знаю – и он не вечен.
Двое брюк, кроссовки и пять рубах –
Всё как будто бы есть, а упиться нечем.

Подкури мне, братец. Постой со мной,
Улыбайся искусно беседы ради.
Я во сне сегодня ходил к Сенной,
Но на Невском проснулся в своей кровати.

На подушке пятна от чьих-то слёз,
Но глазам моим так противны слёзы,
Что скорее, ко мне заглянул Христос
И прилёг, чтоб послушать ночные грёзы.

Я Ему перед смертью цветов нарву.
Но ромашек – не роз. Он их любит, да ведь?..
И стихов прочту, и нырну в траву.
И рубашку забуду в штаны заправить.

***

Елизавете Годуновой

Мне почему-то очень холодно...
Слова смолкают, отзвеня,
и жмусь щекой к большому городу,
в котором больше нет меня.

Ночь шепчет, исподлобья зыркая,
эпиграф из черновика,
где только осень безъязыкая
ко мне пришла издалека.

Мне почему-то очень боязно...
На кромке сердца стихла смерть,
сбежав от часового пояса,
в котором дóлжно – умереть.

В котором вечер, кроя улицу
огромным облачным пальто,
во тьме над окнами сутулится,
оставив звёзды на потом.

И я молчу, ни капли райского
не видя в ангеле дождя,
что слёзы тихие утаскивал,
у наших взглядов проходя.

И снова очень, очень холодно...
О, кто, всё счастье променяв
на боль, щекой прижмётся к городу,
в котором больше нет меня!..

***

Мише Боровских

А ночь ведь – дура та ещё,
что полюбила нас,
навеки умирающих,
смолкающих подчас,

стоящих под балконами
у ангелов и тех,
которых пред иконами
назвать – и рай, и грех.

А ночь ведь – дура та ещё,
что любит нас таких,
дрожащих, но мечтающих,
живущих вопреки,

стихами бледно-нежными
на тёмном языке
стремящихся в безбрежное,
но с пальцем на курке.

Играющих, сдающихся,
бегущих в никуда,
где смерть одна – подручница,
где боль и пустота,

переплетясь, язвительно
нам давят на курки...
Ах, ночь не дура, видимо!..
Мы, видно, дураки...

Михаил КУЛИЖНИКОВ

Родился 14 декабря 1958 г. в Белгороде. Окончил физико-математический факультет Белгородского педагогического института, Воронежское музыкальное училище по классу классической гитары. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле», международного поэтического конкурса «Звезда полей». Автор нескольких книг стихотворений и прозы. Член Союза писателей России.

ПРО СЧАСТЬЕ

Мимо фраз
пустых ненужных,
грязных дрязг
и будней скучных
шло огромное такое,
шло красивое такое,
неземное.
Крикнул я ему:
– Куда ты,
заходи,
все будут рады
появлению большого
и красивого такого,
неземного!
А оно остановилось,
улыбнулось как-то строго
и... пошло своей дорогой.

ЭТЮДЫ ДОЖДЯ

*

По щеке скатилась слезинка,
за ней другая.
Над землёй
от края до края
небо рыдает.

*

Как в каменном мешке –
в полупустой квартире.
Портвейн и пачка сигарет.
И хлещет дождь в окно.
Стекают
струйки
грусти.

*

Шептались листья деревьев.
Это чья-то душа
дождём пролилась на землю.

*

Город уснул.
Покрывало дождя
согревает уставшие души.

***

Сосулька грустит о зиме,
хрустальные капли роняет.
Не грусти, сосулька,
что за беда.
На земле
не только зима бывает,
и лето не навсегда.
Улыбается сосулька,
сверкает
и... тает.

***

Отчаянно боролся с ночью
уличный фонарь.
Ему сдавила горло темнота,
рвал ветер провода,
сбить с ног его пытался.
Фонарь качался,
но светил.
Дождь розгами лицо ему хлестал,

фонарь лица не укрывал,
фонарь светил
и из последних сил
от ночи защищал
маленькое
пространство
света.

***

Горького горя –
глубокое море.
Счастья осталось
всего на глоток.
Сколько ни бейся –
не вычерпать моря.
Счастье прольётся
само на песок.

***

Никто не знает,
быль это иль небыль.
За линией,
где сходятся земля и небо,
с хрустальным озером
есть изумрудный лес.
Невиданной красы
две птицы в нём живут.
Опасен путь до сказочных тех мест.
Вход в чудо-лес
несчастья стерегут.
Тому, кто дивных птиц увидит даже раз,
бродить по лесу до скончания времён,
ни днём, ни ночью не смыкая глаз –
взгляд отвести от птиц не сможет он.
В легенду эту верит человек
из века в век,
и беспокойная душа
зовёт нас в путь,
несчастий не страшась.

И мы идём,
сбивая ноги в кровь,
в волшебный лес,
который создала Любовь.

ПЕЙЗАЖ С ВЕЧЕРНИМ ГОРОДОМ

День устало уходит из города.
Краски и звуки
прячутся в тёплые сумерки.
В окнах загорается свет.
Это дома открывают глаза.
Лохматая туча
зацепилась за телевизионные антенны
и тихо плачет.
В мокрый асфальт глядятся витрины.
Девушке,
босиком бредущей по лужам,
сигналят машины...

***

Мой стол накрыт. Вино в бокалах,
и свечи трепетно горят,
и Баха стерео хоралы
звучат в тиши, покой даря.
Гудел бы дом, как сотня ульев,
но одинок я, нет гостей.
Развешаны по спинкам стульев
любимых имена, друзей.
Я пью по очереди с каждым,
в который раз замкнулся круг,
средь сотрапезников бумажных
не различить, кто враг, кто друг.
За свечкой свечку грусть задула.
Звенел в руке пустой бокал.
И на свободной спинке стула
я
своё имя
написал.

ГРОБОВЩИК

Гробовщик на старом стуле
в одиночестве сидит.
Свежей стружкой пол усыпан,
новый гроб
в углу стоит.

Старина, ну что ж сегодня
ты не пьёшь вино своё?
Не даёт тебе покоя
чёрных мыслей вороньё.

Что печальных глаз не сводишь
ты со стружки на полу?
Не тебя ли ожидая,
этот гроб стоит в углу.

***

От критиков-друзей совсем нет спасу:
мол, больно уж грустны в моих стихах слова.
Для бодрости хватив две стопки квасу,
я засучил повыше рукава.
Пусть никогда я и не слыл бездельником,
да трудолюбием похвастаться не мог,
и отложил, как водится, до понедельника
я написание весёлых строк.
А в понедельник вдруг стряслось такое,
хоть волком вой, но виду не подал,
тут даже критик оказался бы в запое,
а я лишь квасу стопки две поддал.
Неделями опять хожу бездельником
и квас не пить даю себе зарок,
и снова жду такого понедельника –
чтоб написать хоть парочку весёлых строк!

РУССКОЕ БИСТРО

Я устал. Ноги промокли. Идти никуда неохота, а до поезда ещё целый час. Я захожу в вокзал. Курский вокзал. Что ж, на командировке можно поставить точку. Всё что надо – сделано, куда хотел, зашёл, что хотел, посмотрел, только кроме усталости, противной сырости в туфлях и мутности на душе никаких ощущений, разве что чувство исполненного служебного долга. У меня есть билет, потому беспрепятственно прохожу в зал ожидания. Свободных мест много, не то что раньше, оно и понятно, сейчас не разъездишься, да к тому ж пропускают только по билетам. Сажусь на ближайшее место, оглядываюсь. Ни одного подходящего лица, а компания не помешала бы: у меня в портфеле чекушка и вчерашние бутерброды с сыром и колбасой. Колбаса сырокопчёная, я за неё не боюсь, да и с сыром ничего не сталось, так, подплавился чуток. Нет, положительно, ни одной подходящей личности. Либо слишком интеллигентен, либо... Целый час сидеть без какого-либо занятия, голодным, с промокшими ногами, с чекушкой и закуской в портфеле!.. Ну и перспектива. Я, кисло улыбаясь, ещё раз оглядываюсь по сторонам. По всему периметру зала натыканы всяческие кафушки, буфетики, ларёчки. Ага, «Русское бистро». Это уже что-то. За весь день я съел пару беляшей и выпил кружку пива – Москва гостеприимна! Рядом со мной садится подходящий, как мне кажется, мужичок. Я, как бы ненавязчиво, спрашиваю:

– Далеко ехать?

– До Курска, – устало отвечает он.

Лихорадочно перебираю в уме возможные темы дальнейшего разговора. Пауза затягивается. Я боюсь, что разговор оборвётся, путаюсь ещё больше и рублю с плеча:

– Может, выпьем, у меня и закусить есть.

Мужичок заинтересованно смотрит на меня и кивком указывает на стену. Надпись была более чем категоричной.

– Жаль, – мямлю я.

Разговор умирал в зародыше.

– Что ж, пойду в кафе, а то ноги промокли, простужусь, неровён час.

Я поднимаюсь, теряя последнюю надежду на компанию.

– Там водки нет, – отрезает мужичок, – только пиво, и дорого, а своё нельзя, – и достаёт газету.

– Тогда пойду закушу.

Я даже рад, что ушёл. Мужичка можно понять: какой-то тип с портфелем, в очках, в костюме, в галстуке предлагает выпить незнакомому человеку, прямо напротив запрещающей надписи – это слишком.

Захожу в «Русское бистро». Обычная забегаловка – пиво, сигареты, сосиски в булке, плов, котлеты, картошка и т. д. Всего три стола, у каждого по два

стула и один стол высокий, без стульев, для любителей закусывать настояка. За одним из столов сидит лицо кавказской национальности, на столе нарды. Буфетчица русская, официантка похожа на армянку, больше никого. Над прилавком угрожающая надпись – категорически запрещено курить и распивать спиртные напитки. Я беру бутылку пива, сосиску в булке, сажусь за свободный стол.

Говорят, «бистро» – слово русское. Когда наши казаки заняли Париж, они подгоняли гарсонов в кафе – быстро, быстро. Так и пошло на французский манер – бистро. Представляю, залетает в кафе русский бородач с нагайкой и с порога – водки, закуски на стол! Быстро! И щёлк нагайкой по сапогу. Перепуганный хозяин прогоняет ещё более перепуганного гарсона, тащит на стол лучшую еду, лучшие вина, а бородач опять нагайкой по сапогу щёлк – а водки? Хозяин глядит непонимающе, что-то лопочет себе в оправдание и тащит бутылку самого лучшего вина...

А интересно, была тогда у французов водка или что-нибудь крепкое?.. Да что я всё о водке... Всё-таки здорово ноги промокли. Осень началась. Дожди. А я целый день по лужам в летних туфельках щеголял. Нет, московская осень неправильная. Ни тебе листьев на улицах, а откуда им взяться, деревьев-то нет, ни тебе... О!.. Вот и развлечение, есть за что глазу зацепиться. Какие красавицы, а сумки какие прут, такие сумки на тележках возить надо, ага, есть и на тележках, в уголок поставили, чтоб никто не уволок. Посмотрим, что они делать будут. Так, полненькая в обтягивающих лосинах, полногрудая, в облегающей кофточке, коса рыжая, глазки востренькие, носик вздёрнут – симпатяга какая – идёт к прилавку. Ну, ну, что же она возьмёт? Так, бутылка пива, два стакана, плов, чипсы. Неплохой набор. А вторая?.. Понятно. Заняла столик, роется в сумках, волосы русые, стрижка, тоже в облегающих джинсах, в свитере... Да хороша и всё тут! Таким девахам не сумки по вокзалам таскать, а жить в хоромах, детишек растить, мужей ублажать, за домом следить...

Рыженькая села за стол, поставила пиво, открыла чипсы, налила по полстакана. Отпили по глотку, огляделись. Я для них не интересен, хотя на мой счёт они как бы переглянулись, и на том спасибо, не пустое место всё же, кавказец их совсем не заинтересовал, да и он ими не очень-то интересуется или делает вид...

Эх, сейчас бы разуться. Нельзя, место почти присутственное, как говорили в старину. Кстати, о старине, как там мой бородач поживает? Зашёл он, значит, в кафе, ему принесли всё необходимое: вино (наверное, не было тогда у французишки-хозяина ничего покрепче), баранину тушёную (я где-то читал, что тушёную баранину казаки жаловали), рябчика жареного, судачка заливного... А это ещё что такое?! Что это мои раскрасавицы из сумки достают? Водка! Так они уже и разуться успели! Хо-хо! Поглядим, поглядим. Ух, как они, даже не поморщились. То ли к ним подсесть? А ловко они с пловом

управляются, и бутерброды достали свои, и не стесняются вовсе, и никто на них внимания не обращает. Нет, я к ним подсаживаться не буду, как-то не с руки, как говорится – стрёмно...

А что ж мой бородач? Выпил, закусил – это понятно, а вот заплатил ли он? Наверное, полез за пазуху за полновесным царским рублём, а хозяин ему на своём французском наречии: что вы сир-мусьё, что вы, победителей кормим бесплатно, рады стараться...

А вот и победитель идёт. Костюм не с иголочки, обувка потёрта, да и сам изрядно помят. Зато орден Красной звезды на груди, в руках две бутылки, наверное, с зажигательной смесью. Сейчас как фуганёт по прилавку, по девицам, по мне, по всей нашей непутёвой действительности, и займётся «Русское бистро» красным пламенем. Тут-то мои туфли и просохнут... Нет, это всего лишь бутылки из-под пива, он сдавать пришёл. А благородный дядечка! Вон как изящно волосы пригладил... был благородный. Так... взял бутылку пива, идёт к лицу кавказской национальности.

– Иди, иди, тут занято, мы играть будем.

Не очень-то почтительно.

Старик идёт к высокому столу. Достает из кармана бутерброд, завёрнутый в салфетку.

А теперь и мои бутербродики пригодятся.

– Идите сюда, здесь свободно, – приглашаю я.

Как красиво улыбается, догадывается, поди, про чекушечку в портфеле. Вот и компания, как отлично всё складывается, и профилактику от простуды проведём, и закусим, и поговорим, и старика уважим...

А вот и страж порядка.

– Что ты всё шляешься здесь? Иди домой!

– Квартира не есть дом, – бормочет старик, суёт бутерброд в карман и шаркает к выходу.

Страница творческих союзов

Андрей Кулабухов

Родился 16 июля 1941 года на хуторе Подхорошем, близ села Подольхи Прохоровского района Белгородской области. Окончил Белгородский государственный педагогический институт имени Ольминского. Работал преподавателем в Пестуновской восьмилетней школе Прохоровского района. После службы в рядах Советской армии работал в школах Корочанского и Губкинского районов, заместителем председателя Корочанского районного исполнительного комитета Совета народных депутатов. С 1985 года в течение 23 лет занимал пост начальника областного управления культуры. В настоящее время возглавляет в управлении культуры Белгородской области группу по охране памятников.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ БЕЛГОРОДСКОГО МУЗЕЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Я убеждён, каждый человек независимо от национальности должен хорошо знать традиционную культуру своего народа. При этом человек уверенно идёт по жизни, настроен патриотично. Народная мудрость помогает человеку не оступиться, не скатиться в пропасть.

Традиционная культура ещё с детства прочно вошла в моё сознание, стала основой моей жизни и деятельности. Поэтому всё, что связано с народной культурой, я всегда поддерживал и поддерживаю. Я хочу, чтобы каждая крупица, составляющая традиционную русскую культуру, была бережно сохранена, чтобы мы ничего не растеряли на трудном историческом пути.

Наша область известна в стране как заповедник южнорусского фольклора. Учёные Московской консерватории и специалисты Белгородской области тщательно обследовали Алексеевский, Красненский, Красногвардейский, Новооскольский и другие районы и собрали богатейший песенный, инструментально-музыкальный и хореографический фольклор, который опубликован и доступен специалистам.

В июне 1995 года мне удалось поехать в Канаду с фольклорным ансамблем «Мила-Лада» из Грайворона на международный фольклорный фестиваль. Чтобы не опоздать на открытие фестиваля, мы прилетели в Канаду на несколько дней раньше (т. к. другого рейса не было). Нас разместили в семьях русских иммигрантов. Встретили нас русские очень радушно и показали нам свой музей русской народной культуры. Музей разместился в одной комнате, но оказался очень содержательным и произвёл на меня большое впечатление. В музее бережно хранятся предметы русского народного быта, традиционная одежда, всё, чем богата народная культура. Нас поразило то, с каким трепетом они относятся к русской народной культуре, православной вере. Семьями ходят на службу в храм, празднуют православные и народные праздники, после службы проводят коллективную трапезу. Увиденное в Канаде пробудило во мне огромное желание создать на Белгородчине, в крае, богатом песенными и фольклорными традициями, сохранившем прекрасные образцы традиционной одежды, музей народной культуры.

Эта идея укрепилась в ходе фестиваля. Меня поразила главная идея фестиваля – максимально собрать материал по традиционной культуре разных народов мира. А на фестиваль приехали коллективы из Азии, Европы, Африки, латинской Америки, России и так далее. Из некоторых стран приехали не фольклорные, а профессиональные, эстрадные коллективы. Когда на вечере знакомств коллективы решили показать своё профессиональное мастерство, а не фольклор своего народа, хозяева их сразу остановили и потребовали показать песни, танцы, игры своего народа. К моему удивлению, они сразу перестроились и показали то, что от них требуется.

В определённый фестивальный день каждый коллектив проводил мастер-класс. В огромном зале собирались дети до 400 человек, и каждый коллектив по графику показывал танцы, игры, пел песни своего народа. А зрители фестиваля всё это снимали на видео с целью накопления материала для дальнейшего его изучения и использования. Наш коллектив «Мила-Лада» прекрасно справился с поставленной задачей, так как это замечательный фольклорный коллектив. Руководитель коллектива Екатерина Владимировна Алиханова всю свою жизнь посвятила любимому делу, изучению и сохранению фольклора жителей Белгородской области.

На обратном пути из Канады в самолёте мы обсуждали вопрос создания музея традиционной русской культуры с Екатериной Владимировной Алихановой и преподавателем института искусств и культуры Иваном Николаевичем Карачаровым – руководителем фольклорного ансамбля «Пересек» центра народного творчества. Иван Николаевич ездил с нами на фестиваль в Канаду.

На второй день после возвращения из Канады я пошёл к председателю комитета по государственному имуществу администрации области Николаю Викторовичу Незнамову, рассказал ему о поездке в Канаду на фестиваль и увиденном музее традиционной русской культуры и попросил его передать управлению культуры области здание бывшего клуба строительной организации «Белгородпромстрой» по адресу: г. Белгород, ул. Мичурина, дом 43.

Здание было заброшено и требовало больших затрат на ремонт и приспособление под музей. Незнамов Н.В. спросил у меня: «А что ты будешь делать с этой разрухой, за счёт чего будешь ремонтировать здание и приспосабливать под музей?» Я настаивал на своём. Потом он спросил: «Не подведёшь меня?» Я сказал: «Нет». Хотя сам не знал, как буду решать вопросы ремонта здания, приобретения оборудования и создания экспозиции.

Желание создать музей было так велико, что мне совсем не было страшно браться за это дело. Да и время нельзя было терять, так как стремительно шла приватизация, и можно было не успеть получить здание под музей. В конце встречи Николай Викторович сказал: «Ну оформляй необходимые документы по передаче здания управлению культуры».

Мы стремительно оформили документы, и здание нам было передано в мае 1996 года. Идею создания музея традиционной народной культуры поддержал глава администрации Е.С. Савченко и всемерно помогал решать вопросы по созданию музея. Сама идея, особенно её осуществление в те годы, когда не хватало денег даже на зарплату бюджетникам, многим могла показаться нереальной. Требовались большие материальные вложения в реконструкцию здания и приведение его в надлежащий вид. Началась трудная и кропотливая работа. Для оплаты ремонтных работ и работ по созданию экспозиции использовались все виды финансовых расчётов, существовавших в те годы: взаимозачёты, векселя, бартер.

Чтобы создать музей, необходимо было иметь не только здание, но и нужны были экспонаты, отражающие во всей полноте историю народной культуры Белгородчины. Основой экспозиции послужили экспонаты, собранные коллективом центра народного творчества, который возглавлял Иван Денисович Анцибор.

Центр народного творчества размещался в то время в культпросветучилище. В это время при центре народного творчества существовал сектор прикладного и изобразительного искусства, который возглавляла заместитель директора центра Максимчук Галина Петровна. 29 июля 1996 г. в сектор ввели должность старшего научного сотрудника музея народного творчества. Эту дату можно считать началом создания музея народной традиционной культуры. На эту должность была назначена искусствовед Зотова Ираида Павловна, которой было поручено разработать тематико-экспозиционный план будущей экспозиции музея народной культуры, а научные сотрудники под руководством Г.П. Максимчук и И. Д. Анцибора продолжали работу по сбору экспонатов, выезжая в сёла области. За счёт социально-творческого заказа

удавалось закупить экспонаты, которые невозможно было получить в качестве дарения. В этой работе принимали участие Згинникова Марина Ивановна и Зотова Ираида Павловна.

7 апреля 1997 года в музей традиционной народной культуры Белгородского государственного центра народного творчества на должность старшего научного сотрудника назначается Шатерникова Надежда Ивановна – опытный музейный работник. С этого времени руководство работой по созданию музея народной традиционной культуры переходит к ней.

В начале мая 1998 года утверждается первое штатное расписание музея и приказом директора центра народного творчества от 07.05.1998 года утверждается директор музея народной культуры Надежда Ивановна Шатерникова. Под руководством Н.И. Шатерниковой дорабатывается тематико-экспозиционный план, и начинается работа по созданию экспозиции.

Актом передачи № 1 от 24 мая 1998 года из БЦНТ в музей народной культуры были переданы предметы музейного значения в количестве 587 единиц. Основу собрания составляли предметы одежды, около 200 единиц: конопляные домотканые рубахи, шерстяные домотканые понёвы, шерстяные домотканые сарафаны, завески, платки, головные уборы, украшения, также несколько пар кожаной обуви (коты).

Переданы также предметы ткачества: домотканые рушники, настольники, дорожки; инструменты для ткачества: детали для ткацкого станка, самопрялки, прялки донца, челноки, ниты, гребни.

Переданы были предметы быта: утюги, горшки керамические, рубели, ухваты, печные заслонки, а также патефон и патефонные пластинки, предметы декоративно-прикладного искусства.

На оплату специалистам, которые должны создавать экспозицию, денег не было, и я обратился в управление музеев Министерства культуры РФ. Министерство культуры РФ нас поддержало, и мы к оформлению экспозиции привлекли московских художников-дизайнеров, которые вместе с научными сотрудниками музея провели все работы в рекордно короткий срок, работая, без преувеличения, по 20 часов в сутки. Экспозиция получилась профессионально и методически правильно оформленной, исторически обоснованной, логически выстроенной и очень содержательной.

К началу оформления экспозиции ремонтные работы здания были в основном завершены. Это была очень трудная работа. Я постоянно держал под контролем ход ремонтных работ и старался решать все вопросы по финансированию, приобретению материалов и оборудования.

Каждодневную работу организовывали и контролировали Постников Владимир Ильич – заместитель начальника управления культуры области, Кочергина Татьяна Александровна – начальник группы по технадзору управления культуры области и Надежда Ивановна Шатерникова.

Общими усилиями был создан и 29 мая 1999 года открыт в Белгороде музей традиционной народной культуры. Моя мечта осуществилась.

К сожалению, Е.С. Савченко и Н.В. Незнамов не смогли присутствовать на открытии музея, но они посетили музей позже.

Я приглашал их посмотреть музей, и Е.С. Савченко нашёл время в плотном графике, позвонил мне и назначил время выезда в музей. К назначенному времени я подошёл к дому Правительства области, Евгений Степанович вышел из здания, сел за руль автомобиля, и мы поехали с ним в музей. В музее он пробыл около двух часов, всё посмотрел очень внимательно и в конце пребывания в музее задал вопрос Н.И. Шатерниковой: «Какая необходима помощь музею?» Надежда Ивановна попросила машину «Газель» для проведения экспедиционной работы и перевозки экспонатов. «А что ещё?» – «Да на закупку экспонатов надо добавить». В итоге он выделил автомобиль «Газель» и 1 350 000 рублей на приобретение экспонатов.

Позже посетил музей и Н. В. Незнамов. Ему музей очень понравился, и я спросил у него: «Не подвёл я Вас с передачей нам здания?». И он поблагодарил меня за проделанную работу.

После открытия музей продолжал успешно работать, а у меня было постоянное желание перевести музей в центр города Белгорода, в здание по адресу: г. Белгород, Гражданский проспект, дом № 61, в здание, которое является объектом культурного наследия, – «Кинотеатр Орион».

Необходимо отметить, что музей сформировался, начал успешно работать, и назрел вопрос придать ему статус самостоятельного государственного музея. За это боролась Н.И. Шатерникова, и это действительно надо было сделать.

В конце декабря 2004 года музею был придан статус самостоятельного музея традиционной русской культуры, а с 1 января 2005 года Н.И. Шатерникова была назначена директором приказом управления культуры.

Во время поездки нашей делегации работников культуры и искусства (директоров театров, музеев, библиотек, начальников управлений культуры районов и городов области, руководителей творческих союзов) по Москве и Подмосковью мы посетили музеи Кремля, Исторический музей, Третьяковскую галерею, Коломенское, Архангельское, Царицыно, Новый Иерусалим, Троице-Сергиеву лавру и Кусково. Будучи в Кусково, я купил набор буклетов по всем зданиям усадьбы Шереметьева. Меня особо поразил главный усадебный дом с роскошным залом, где снимался бал Наташи Ростовой при создании фильма «Война и мир» по роману Л.Н. Толстого.

С буклетом главного дома после возвращения из Москвы пошёл к Е.С. Савченко с предложением перевести музей народной культуры на Гражданский проспект, 61 и кроме музея создать в этом здании Губернаторский зал приёмов, в котором можно проводить балы для разных возрастных категорий населения. В этом зале могли проводить балы и районы, и различные

организации. Мне хотелось оформить этот зал соответствующим образом, похожим на зал в имении Шереметьева в Кусково.

Выслушав меня, Евгений Степанович пообещал изучить внимательно моё предложение и потом дал поручение разработать проект. Старооскольский проектный институт «Гипрогор» разработал проект, но реализовать его не удалось по разным причинам. Шатерникова Надежда Ивановна готовила предложения по размещению музея, которые были очень интересные.

Время шло, и жизнь диктовала свои правила. В феврале 2008 года я был переведён на другую работу, а на должность начальника управления культуры области был назначен Курганский Сергей Иванович. Он продолжил работу по перемещению музея на Гражданский проспект, 61.

С 1 января 2015 года Надежда Ивановна Шатерникова была переведена на должность главного научного сотрудника музея народной культуры, а директором музея назначена Спиридонова Елена Викторовна.

В итоге было принято решение перевести музей народной культуры на Гражданский проспект, 61. А так как в Белгородской государственной филармонии был сделан на пятом этаже зал приёмов, в музее народной культуры было решено этот зал не создавать.

Музей переехал на Гражданский проспект, 61. Экспозиция открыта для посещения.

Коллектив музея работает с посетителями, ведет научно-исследовательскую работу. На основе собранных материалов проводятся выставки, публикуются материалы в различных печатных изданиях. На базе музея работает клуб «Город мастеров», участниками которого являются мастера народного прикладного творчества и народные мастера.

Музей проводит выставки народных мастеров и коллекционеров из разных регионов России.

Очень важно ещё раз вернуться к первоначальной экспозиции и всё ценное сохранить в новой экспозиции, ведь это не просто музей, а Музей традиционной русской культуры, который должен сохранить многовековые народные традиции. Современность не должна диктовать свои условия, а должна стать частью многовековой истории. Я глубоко в этом убеждён!

Сергей ЛЕБЕДЕВ

Родился в 1970 году. Социолог, преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор книг «Societas» и «Бабочка и мальчик».
Живёт и работает в Белгороде. Пишет стихи и прозу.

Последняя молитва

А.С.

Ревёт ли ветер, гремит ли гром,
Иль солнце радует глаз,
Последняя молитва моя – о том,
Кому хуже всего сейчас.

Короткая – всего лишь несколько слов,
Но – будто за всех за нас:
«Не будь, о Боже, к тому так суров,
Кому хуже всего сейчас.

Прошу, Господь, как мне самому,
Спасённому столько раз,
Подаждь надежду и жизнь тому,
Кому хуже всего сейчас!»

Молодой виноград

Этот трепетно-юный китайский дракон,
Раскрывающий нежно-зелёные крылья,
Чудом жизненной силы за тонким бессильем
И податливой гибкостью весь напоён.

Жив таинственным соком безмолвной земли,
Что неслышимо в каждом прожилке струится,
И силён необорно он тем, что стремится
К ослепительной точке в бездонной дали...

Земля людей

...Земля людей, земля богов!
Лучом пронизана рассветным,
В жемчужной пене облаков
Ты юным утренним цветком,
Росой напоена и ветром,
Летишь во мгле чужих миров.

Быть может, этот хрупкий свет
Мрак беспредельный вдруг однажды
Сожмёт ладонью ледяной
И в пыль, в ничто сотрёт... Но нет –
Лишь только миг полёта каждый
Исполнит сладостная боль.

И дивно, трепетно светла
И так юна самозабвенно,
Она пронзает лёд и тьму –
И отступает мира мгла
Пред откровением Вселенной,
Летящей к Дому своему...

Николай ЛУТЮК

Родился 18 июля 1948 года в селе Чайковка Радомышльского района Житомирской области Украинской ССР. С 2002 года – гражданин России. Живёт в Белгороде. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор нескольких книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле».

СЧАСТЛИВАЯ

– Виленчик, здравствуй! Не виделись целую вечность. Какой браслетик! А серёжки?! – тараторила Алеся. – Ты похудела. Ой, а туфельки! Сознанье потерять!

Подружки обнялись, чмокнув друг дружку, и, словно их холодной водой окатило, отстранились.

– Ах ты мой пончик! Как всегда, пышная! А платьице, платьице-то от Габена! Нет? Стой! От Версаче – точно. На пять кусков баксов! – воскликнула Вилена.

– Что ты, Виленчик, бери выше, – загадочно сказала подруга. – От самого Валентина.

– Да что ты?! – удивилась подруга. – От самого Валентина? Какая прелесть! На десять потянуло?

– Мой в Москве был. Юдашкин в это время презентовал моду очередного сезона. Да ты по «ящику» видела! Помнишь, это платье было на роскошной блондинке? Я своего по «мобиле» поймала, и вот оно, на мне.

– Здравствуйте, веселушки, – к Алесе и Вилене подошла стройная аккуратно одетая брюнетка, жена старшего лейтенанта, офицера местного военного гарнизона.

– О, Светик! Ты как всегда проста и красива, – пропела Алеся.

А Вилена восторженно пролепетала в тон ей:

– Как я тебе завидую, Света, когда вы с мужем под ручку прогуливаетесь по аллеям парка! У моего на это времени нет. То корпоративные вечеринки, бани финские, турецкие, русские.

– Кинь плакаться, – остановила её Алеся. – Что, у меня лучше? Я своего Феофана неделями не вижу. Появится – под ручки охранники доставят,

домработница разденет – и стоит храп на весь второй этаж. Утром пачку баксов кинет – «Алесик, я по делам». Глотнёт виски – и был таков. Светик, рассказывай, как у тебя?

– Всё хорошо, подруги. Муж получку получил – на базар сбегала, мяса, колбасы купила, огурчиков, помидорчиков, лучка. Ещё платьице дочке, шортики сыну. Подружки, какую я купила великолепную картину у местного художника! Пейзаж наш, местный. Я такой красоты не видала! В следующее воскресенье семьёй поедем, обязательно посмотрим натуру. Это, девочки, в Ольховой балке, что на северной окраине города.

– Вот это да! Боже, твой Василий зарабатывает по пятьдесят тысяч баксов точно – и продуктов купила, и детям подарки, пейзаж. Счастливая ты, Светик, – пропела Алеся. – А вчера ты куда вечером со своим ходила?

– В театр. Ой, девочки...

– Нет, ты счастливая Света! – перебила её Вилена. – Конечно, у меня в доме и Пикассо, и Шишкин – оригиналы висят. Телеящики в каждой комнате по стенам развешаны. Хрусталь, фарфор китайский. И продукты куплены, стол накрыт, в доме прислуга убирается, но чего-то такого не хватает.

– Не плачься, – вступила в разговор Алеся. – Что, мне легче?! Домоправительница задолбала. Садовник вчера розы обрезал небрежно. Охрана глаза мозолит. Автомобилей целый парк – выбрать невозможно, на каком поехать. А водители? Это отдельный рассказ. Дверцу молча открыл, молча закрыл. «Куда едем, мадам?» И ни слова больше. Тоска синяя, хочется чего-то необыкновенного. У тебя же, Светик, жи-и-и-знь! Сбегала на работу, убралась в квартире, забрала дочку из садика, встретила сына из школы и своего любимого с работы. Накормила, посуду помыла, детей уложила, и с милым любоваться. А сколько же твой муж получает, если не секрет?

– Да что вы подруги, какой секрет! Василёк получает двадцать восемь, да я шесть.

– Ой, конечно! Тридцать две тысячи баксов! – пролепетала Алеся. – Ты, конечно, можешь позволить себе всё. А тут три, четыре – и мучайся.

– Девочки, нам на работе долларами не платят, рубли дают.

– Как?! Тридцать две тысячи русских рублей – и всё? – удивилась Вилена. – Как же вы живёте?

– Счастливо. Ладно, девочки, я побежала! – улыбнулась Светлана и поспешила в садик за дочуркой.

Да, у каждого своё счастье...

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ МАНУФАКТУРА

– Женечка, спасай! Мой с работы придёт, убьёт-т!

– Ну что ты, Светик, что такого натворила, что... – зная панический характер подруги, спокойно по мобильному ворковала Евгения.

– Тут, тут... – прервала подругу, всхлипывая, Светлана.

– Иду, – недовольно буркнула Евгения.

Дверь открыла растрёпанная, с подтёками краски под глазами, в мокром коротеньком полупрозрачном халатике Светлана.

– Женечка, спасай! – крикнула она и повисла на Евгении.

– Да что случилось? С Красновым что-то?

– Нет. Хуже. Я, я постирала ЕГО генеральские брюки...

– Ну и что!? – удивилась Евгения.

– Они, они вдоль лампас подкрасились в красный цвет.

– Ну и ну. Нашла проблему. Где они?

Светлана трясущимися руками развернула мужнины брюки. На штанинах вдоль лампас проступили розовые тени.

– Где у тебя выварка? – выдернув из рук подруги брюки, спросила Евгения.

– Ты... ты что надумала?

– Выварку тащи... Вылечим их, – тряхнула генеральскими брюками Евгения.

Вскоре на плите в выварке бушевала вода. Евгения засыпала в неё полпачки стирального порошка.

– Тащи уксус, – распорядилась она, – и соль прихвати.

– Да ты что?

– Что, мне самой искать?

Через мгновение полпузырька уксусной эссенции и ложка поваренной соли дружно соединились в выварке.

– Теперь можно и штаны, – уверенно сказала Евгения, – половник дай или чего с длинной ручкой... Пусть поварятся в «бесовой ухе».

Когда брюки оказались в выварке, Евгения распорядилась:

– А теперь, подруга, чай, только не жмись, генеральский давай, вечно скряжничаешь.

– Да я что. Ну, было раз. Злопамятная ты, Женечка, – бегая по кухне, лепетала Светлана. – И сахарок жёлтенький не пожалею. Ты же...

– Вот жёлтенький своему подавай, а мне нормальный.

Пока подруги пили чай, в выварке булькало и пахало уксусом волшебное варево.

– Ой, Женечка, скоро мой при... – взглянув на часы, затараторила Светлана.

– Думаю, готовы, – заглянув в выварку, резюмировала Евгения, – миску большую давай, горячие ведь, ошпаримся.

Когда женщины под холодной водой сполоснули брюки и Светлана их развернула, ноги у неё подкосились, и она без сознания грохнулась на пол. Брюки были светло-розового цвета и сваренные до состояния «варёнки».

Евгения плеснула на подругу холодной водой.

– Нечего тут разлёживаться, твой должен прийти...

– Женя-я, что я ему скажу? – поднимаясь с пола и чуть не плача, промолвила Света.

– Скажи, что такая бестолковая генеральская мануфактура. Полковничья была намного лучше...

– Он меня прибьёт...

– Не прибьёт, – успокоила Евгения, – на меня сошлись, хотели как лучше, генеральские ведь, а получилось...

– Он меня прибьёт...

– Ладно раскисать. Я пошла.

Евгения скрылась за дверью, по пути домой рассуждая: вот теперь отстанет от Светки её генерал, а то задолбал её этими стирками. Каждый месяц брюки в стирку, а ещё эта ежедневная глажка. Подругу жалко. Извелась ещё на его полковничьих штанах, а теперь генеральские. Купит новые, жмот. Денежек, небось, добавили...

Через час в квартире Евгении зазвонил стационарный телефон.

– Вся во внимании, – поднесла к уху трубку Евгения.

– Евгения Аполинариевна, это я, Краснов. Простите. Вот Светлана утверждает, что генеральская мануфактура плохая...

– Да. При мне стирала. Сколько слёз пролила...

– Спасибо, – буркнул Краснов, с досады кинув на аппарат телефонную трубку.

В плохо положенную им телефонную трубку Евгения услышала:

– Прости меня, Светик мой, солнышко моё. Больше никаких стирок. Брюки новые куплю. Если чего, в прачечную будем сдавать...

Затем чмокание и слова подруги:

– Ты мне не верил.

Следом баритон:

– Да что ты, любимая, я тебе верю и люблю, – и обратно чмокание...

– Ну вот... – улыбнулась Евгения, аккуратно положив телефонную трубку.

Леонид МАЛКИН (1954 – 2017)

г. Белгород

Поэты, как, в общем-то, и обычные, люди, бывают разные. И к плодам своего стихотворства относятся по-разному. Один, едва освоившись в сочинительском пространстве, спешит захватить и читательское, и издательское, и прочие, со всеми вытекающими. Другому достаточно, чтоб оценили уважаемые им людьми. Третьему необходимо быть услышанным хоть одним-единственным человеком, но – срочно…

Да, Лёня Малкин мог позвонить среди ночи: «Послушай, что тут у меня получается…» Это было в порыве вдохновения, в состоянии блаженства, пока шёл процесс сотворения. Однако вскоре, остывая, автор заключал, что «никуда это не годится», что работы тут непочатый край. Следовали витиеватые фразы о таланте и мастерстве, философические рассуждения о несовершенстве, о сущности поэзии, литературы и человека-художника вообще...

У него был утончённый вкус, он был завидно начитан, образован, талантлив и очень строг и требователен к пишущим и к себе в том числе. Наверное, эту высокую планку он унаследовал от отца – известного писателя Леонида Григорьевича Малкина. И хотя и не писать не мог, но называть себя писателем тоже не мог себе позволить.

Однажды друзьям и близким почти удалось уговорить Леонида Леонидовича, и он почти согласился, что нужно всё-таки издать сборник стихов, и взялся собирать рукопись.

Не успел.

Не успели.

МАМЕ

Мимоз желтеющие стрелы
легки на тяжести надгробья,
в незащищенный угол белый
геометрическим подобьем
входя, доступною пока мне

судьбой стоять на серой глине,
растущих на гранитном камне
пересекающихся линий.

Как будто детское убранство,
как пропись в клеточной тетради,
вошло извне вовнутрь пространства,
не подчинённого ограде,
и жёлтые цветки растений,
как взгляд от отчего порога,
окрашивают наши тени,
вдруг сопрягаемые с Богом.

ОТЦУ

Ещё в атаке, но когда ты
Доверишься календарю,
Как метроному, дни и даты
Кому подсудны, говорю,
Подняв бокал, когда ты спросишь,
Как вычесть новые века
Из дней, что обратились в осень,
Сорвавшуюся с поводка,
Что явится, как лист, в твоём
Окне, то мы ещё споём.

От февраля к началу марта,
Гранёного, как Колыма,
В чью незатрёпанную карту
Навек вморожена зима,
Которая подспудной болью
Рук, проникающих в апрель,
Под стук машинки, рвущий то ли
Щадящий злую параллель,
Нас ныне греет так, как ране
Грел спирт в захватанном стакане.

Мы чистый грех такого груза
Помянем майским днём, но где
Обветренная нить союза

Писателей, солдат, людей,
Взыскующих друг к другу всуе,
Распалась, и соединить
По воле Бога ли, людскую,
Внезапно порванную нить
Могу я временем, но беды
Да минут ждущих дня Победы.

НЕ ПОКИДАЙ

Любимая, не покидай меня.
То будет боль неустранимая.
Пусть днями поздними!
Но ранними –
Не покидай меня, любимая.

Мы станем жить другими гранями.
Мы перестанем быть впустую.
Как хочешь, милая, карай меня!
Мы любим, эрго, существуем.

Я брёл провалами и ямами.
Везде я был – нигде я не был.
А ты навстречу шла полянами,
К себе притягивая небо.

Встречали гимнами парадными...
Кому пророчили – тебе ли?
Ну хоть на день не покидай меня!
На самый горький день недели...

***

Как бабочка.
Как артефакт
С подпорченным крылом, где радуг
глазами высвеченный знак
бывает ярче на порядок
лица, под серебром стекла
покрытого туманом мути,

как будто это всё желанный образ,
что по сути
вдруг понятая связь времён,
крутой излом зимы на лето,
что порождает сладкий сон,
как бы взаправдашний, но это
всего лишь пустота зеркал,
в которых я тебя искал.

Не найдена, увы.
Зане
Искать приходится вовне.

Но прошлый век как будто прожит,
пусть суетно.
Но не спеша
теперь ты в поисках, быть может.
В антимирах твоя душа
промеж зеркал, за зеркалами...
За Агасфером семеня,
ты Космос меряешь шагами,
как будто в поисках меня.

Проснувшись, я увидел это:
Крыла опущены, но им
хватило б солнечного света,
что Богом дан глазам моим...

Как бабочка в уютный полдень,
качнув крылом, садится на
ладонь, и ею день наполнен,
и ось времен сотворена...

***

Ты помнишь полночь на вокзале,
гудки во тьме?
Ты шла с закрытыми глазами,
и падал снег,
и в сонных стёклах отраженья...
И хоть умри –

Вдыхать морозное движенье
и фонари,
и в паровозной лунной гамме,
и в феврале,
ты шла как будто не ногами,
не по земле.
Ты шла как будто без причины,
а наугад...
А паровозник-мужичина
Пил лимонад.
Вокзал в дыму электросвета –
Рукой подать.
А здесь ни шороха, ни ветра –
И благодать.
Но тихий будущего шорох,
Чуть-чуть метель...
То было всё в незлую пору,
Не так теперь...

***

Опять под лампою звучит...
Ах, эта память, что гитара:
обшарпанная
и святая,
то зазвенит, то помолчит.

Вплетаясь в язычок свечи
глубоко и разноголосо,
гитара – музыка вопроса –
то зазвенит, то помолчит.

Романс затерянный и старый,
как солнца чистая струя,
пронзит пустоты бытия...
Ах, эта память – что гитара!

Виталий МАЛЬКОВ

Родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области (Украинская ССР). Проживает в Белгороде. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг прозы: «Продавец книг», «Срок», «В пекле огненной дуги» и «Звездожитель». Рассказы Виталия Малькова переведены в Сирии на арабский язык.

МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ

Здоровенный, угрюмый парень, явно выращенный в земном Инкубаторе, поигрывая бугрящимися под футболкой мышцами, придирчиво оглядел незнакомца и, наконец, удовлетворённо хмыкнул. Его натренированный взгляд легко вычислил социальный статус посетителя чёрного рынка.

– На копа ты не похож. Пойдём.

Джон Максвелл облегчённо вздохнул и последовал за охранником, внимательно запоминая дорогу... так, на всякий случай. Всё-таки это было одно из самых злачных мест в марсианской столице. Здесь нередко происходили всевозможные криминальные события и прецеденты.

Стероидный громила легко отодвинул от стены массивный железный сейф и пролез в образовавшееся отверстие, за которым оказался потайной коридор. Луч его фонаря заскользил по металлическим стенам, высвечивая нужные двери и люки. Путь был извилистым и проходил по нескольким ярусам. Мрачные, заброшенные и захламлённые помещения действовали на психику угнетающе.

Джон периодически оглядывался, опасаясь засады или ловушки. Ведь именно в таких трущобах частенько исчезают люди. Здесь и искать-то никто не будет, а если и решится, то всё равно не найдёт. Есть десятки верных способов избавиться от трупа бесследно...

К счастью, всё обошлось. Они спустились по вентиляционной шахте и оказались у входа на чёрный рынок. Впрочем, расслабляться было ещё рановато.

Именно сюда давно мечтал попасть Максвелл, собирая долго и упорно деньги на нужную покупку, которая стоила недёшево. И вот наконец-то его

желание сбылось. Он был почти у цели. Оставалось только сделать нужное приобретение.

Рынок представлял собой несколько больших секций заброшенной части одного из самых первых районов города. Чего здесь только не было! Любая редкость со всех концов освоенного людьми космоса, а это добрая половина Галактики...

Подобное стало возможно благодаря тому, что на Марсе была когда-то создана перевалочная база всех звездолётов, возвращающихся домой из далёкого космоса. Каждый месяц (земной) на поверхность красной планеты садились десятки звёздных лайнеров и рейдеров дальнего поиска. И все они везли в Солнечную Систему какие-то диковинки – легально и тайно. Основная масса этих грузов оседала на Марсе и попадала на местный чёрный рынок, поскольку здесь их было легче сбыть. Да и контроль на Земле проводился намного тщательней...

От вида всех этих инопланетных дефицитов разбегались глаза. Но у Джона не было времени рассматривать прилавки и товары, да и денег у него было не густо. Он пришёл сюда, рискуя кошельком и даже своей жизнью, совсем не за этим. Ему нужно было только одно...

Наконец он с радостью обнаружил то, что искал. Вот оно!

– Чем интересуетесь, сэр? – спросил мрачного вида и неопределённого возраста продавец с испещрённым шрамами лицом.

За его спиной стоял плотный китаец среднего роста и, казалось, дремал, напоминая гигантского ленивца. Неуклюжий такой с виду человечек. Но Джон уже однажды видел подобного типа за работой, когда такой вот неказистый мужичок за считанные секунды прикончил двух грабителей-неудачников. Прикончил голыми руками! Так что внешний вид китайца был весьма обманчив. Максвелл не раз слышал рассказы бывалых звёздных волков о некой загадочной планете, откуда и появлялись эти китайцы. Поговаривали, что там находится какой-то таинственный храм или монастырь, в котором происходят всякие невероятные чудеса...

– Мне нужен пушистик.

Продавец пристально взглянул на Джона и, утвердительно кивнув головой, приподнял часть стойки.

– Входите. У нас есть пара особей. Последние из завоза. Считайте, вам повезло.

Максвелл прошёл внутрь ларька, чувствуя затылком чей-то тяжёлый, сверлящий взгляд. Казалось, кто-то пытается влезть к нему под черепную коробку. Несомненно, это всё были проделки китайца. Они ведь способны ещё и не на такое!

Продавец подвёл покупателя к небольшому пластиковому контейнеру, в стенках которого были просверлены дырочки. Китаец, вошедший следом,

осторожно поднял крышку контейнера и застыл с лицом, лишённым всяких эмоций.

– Выбирайте, – предложил угрюмый продавец.

Джон заглянул внутрь ящика и ощутил прилив радости. Вот они, знаменитые пушистики с планеты Пандора! Те самые пушистики, за которыми охотятся многие земные контрабандисты! За одного такого зверька некоторые люди отдавали целые состояния. Но это было давно, когда пушистики ещё только появились на рынках Галактики, и слава об их уникальных целительских способностях лишь начинала распространяться. А потом уже начался настоящий бум, и толпы желающих раздобыть для себя диковинного зверя устремились на Пандору в безумной идее продлить свою жизнь на максимально возможный срок. Это напоминало массовое безумие!

И лишь намного позже, благодаря специальной галактической конвенции, вывоз пушистиков с родной планеты был строго регламентирован и ограничен. Но всё же и поныне находились жаждущие волшебного исцеления, потому что земная медицина, к великому сожалению, несмотря на все свои технические чудеса, так и не научилась лечить многие страшные болезни и омолаживать человеческий организм. Поэтому не останавливал контрабандистов даже страх перед длительным тюремным заключением и ссылкой на дальние космические рудники, откуда мало кто возвращался живым.

Максвелл узнал про этих таинственных зверьков около трёх лет назад, когда его друг космобиолог Леонид Сивцев вернулся с Пандоры и рассказал одну удивительную историю о необыкновенных обитателях. Тогда же Джон начал собирать деньги, решив приобрести во что бы то ни стало одного пушистика. Ведь речь шла о жизни сына...

Их было двое. Пушистые комочки размером с кошку. Они спали на дне контейнера, свернувшись клубочками и прижавшись друг к другу боками. Оба серые.

Максвелл просунул в контейнер руки и аккуратно вытащил одного чудо-зверька, напоминающего помесь кошки и белки. Да, похоже. Не хватало только кисточек на ушах. Неужели это маленькое, симпатичное существо способно исцелить человека?! Подобное просто не укладывалось в голове. И всё же дело обстояло именно так!

Пушистик проснулся и, поморгав длинными ресницами, уставился на незнакомого человека большими чёрными глазками. В глазах этих затаились страх и любопытство, и... там было ещё что-то такое, от чего у Джона заныло в груди. Уж не разум ли это?

– Похоже, вы ему понравились. – Продавец ухмыльнулся и сразу же стал Джону отвратителен и мерзок.

– Сколько? – холодно спросил Максвелл.

– Двадцать тысяч кредиток.

– Не сбавите? Ну хоть три тысячи.

Продавец с презрением покачал головой.

– Берёте?

Джон взглянул на китайца, который любезно улыбнулся ему, отчего стал выглядеть ещё более зловеще.

– Да, беру.

– Надеюсь, вам не надо напоминать, что за торговлю пушистиками дают десять лет рудников Арахны, а за нелегальное приобретение грозит большой штраф?

– Да, я в курсе.

Продавец улыбнулся и развёл руками.

– Ну, тогда всё в порядке. Благодарю вас за покупку. Думаю, вы не пожалеете.

Максвелл расплатился и сунул пушистика в сумку, которую держал на груди под курткой. Зверёк вёл себя тихо и не суетился. Обрадованный и довольный Джон распрощался с торговцами и бодро зашагал к выходу из рынка. Настроение было превосходным. Ещё бы, ведь он только что осуществил свою заветную мечту. Он купил легендарного зверька с Пандоры! Из-за этих «кошечек» закрыли свободный доступ на планету, из-за них схлестнулись не на шутку крупные транспланетные корпорации, и, наконец, из-за них погибло много контрабандистов и «интерполовцев»...

Да, пожалуй, это будет самый лучший подарок сынишке на его приближающийся день рождения. Маленький Бил очень сильно обрадуется такому другу. Нет, не то... Он же фактически этой покупкой спас сына от смерти! Если, конечно, всё это не сказки... про свойства этих маленьких зверушек.

***

– Билли, отгадай, что тебе принёс папа.

Джон поставил на стол сумку, в которой происходила активная возня. Девятилетний сынишка уставился на сумку широко открытыми глазами.

– Что там? Кошка? – Он замер, приготовившись увидеть что-то интересное.

– Почти. Это кошка с планеты Пандора. Там их называют пушистиками.

Максвелл открыл сумку и достал оттуда зверька, который тут же недовольно зафыркал и обеспокоенно закрутил своей ушастой головой.

– Ух ты какой! – Бил восхищённо разглядывал подарок.

– Это тебе, Билли, к твоему дню рождения.

– Спасибо. – Глаза мальчика сияли от радости. – Его можно погладить?

– Конечно. Не бойся, он не дикий.

Джон наблюдал за бледным, болезненным лицом сына, размышляя о будущем, которое теперь уже не казалось таким мрачным.

Бил осторожно протянул руку и коснулся пушистика. Тот поёжился, но не испугался. Он пошёл по крышке стола, принюхиваясь к незнакомым запахам и оглядываясь по сторонам.

– Какой пушистый. – Билли погладил зверька. – Он, наверное, хочет есть? Ему нужно будет сделать туалет.

– Да-да, конечно. – Максвелл понюхал сумку и бросил её в стиральный автомат, так как зверёк успел сделать по дороге лужицу.

– Па-а, а он пьёт молочко?

– Не знаю. Наверное, должен.

Джон достал из холодильника пакетик молока, открыл и отлил из него в блюдечко.

– Дай ему, Билли.

Сын поставил посуду на стол.

– Пей, зверюга инопланетная.

Пушистик присел на задние лапы и втянул ноздрями воздух, затем шустро подбежал к блюдцу и стал лакать из него, громко фыркая и урча. Он даже прикрыл от удовольствия глазки.

– Как кошка, – заметил Бил. – Смешной.

– Да, похож. – Максвелл следил за радостным лицом ребёнка и уже представлял, как маленький Бил однажды совсем выздоровеет. Теперь это будет скоро...

Напившись, зверёк облизался и принялся умываться, довольно поглядывая на людей. Билли сел рядом на стул и, опёршись локтями на крышку стола, положил на руки голову, наблюдая за пушистиком.

– Ты как себя чувствуешь, большой Бил?

– Нормально, – вяло ответил мальчик.

Ничего... Главное, появилась надежда. Надежда!

– Теперь пушистик будет твоим маленьким другом. Только... у меня к тебе есть одна небольшая просьба.

– Какая? – Ребёнок вновь погладил зверька, а тот потянулся, выпустил когти и сиганул мальчику на плечо.

Билли от неожиданности вздрогнул и засмеялся, а пушистик уже щекотал его щёку своим беличьим хвостом.

– Бил, ты уже совсем взрослый парень и должен понимать, – продолжил Максвелл-старший, – жизнь – штука сложная и далеко не всегда приятная. Есть много всяких гадостей, от которых иногда просто невозможно уйти. Но лучше всё же не усложнять себе эту самую жизнь дополнительными проблемами. Ты понимаешь меня?

Сынишка задумался и пожал плечами. Да, пожалуй, он был ещё слишком мал для подобных философских размышлений и наблюдений.

– Я это говорю к тому, что... не рассказывай никому про пушистика. Хорошо?

– Почему? – Билли, казалось, несколько расстроился. Очевидно, он уже собирался похвастаться перед приятелями своим новым маленьким другом.

– Ты же не хочешь, чтобы меня вызвали в полицию и арестовали?

– Не-ет. – Мальчик теперь выглядел испуганным.

– Тогда не говори никому. Понимаешь, этот зверёк очень ценный, и на его покупку требуется оформлять всякие бумаги, а у меня таких бумаг нет.

– Почему нет?

Как всё-таки трудно иногда бывает сказать ребёнку правду! Но обман – это ещё хуже, и поэтому надо уметь эту правду говорить.

– Ну... я очень хотел сделать тебе подарок и... немного обошёл закон. Но ведь ты рад, что у тебя теперь есть пушистик?

Билли кивнул, глядя на отца не по-детски серьёзным взглядом, и потрепал зверька по спине.

– Угу.

– И ведь ты не хочешь, чтобы у тебя отобрали маленького друга?

Мальчик отчаянно покачал головой.

– Тогда пусть пушистик будет твоей личной маленькой тайной.

Судя по тому, как загорелись глаза сынишки, Джон понял, что выбрал правильный путь, и мысленно поздравил себя. Что ж, кое-какой талант воспитателя, пожалуй, у него всё же имеется.

– По рукам?

– По рукам. – Билли хлопнул по ладони отца своей ладошкой.

Затем мальчик взял зверюшку на руки и понёс в свою комнату, откуда тотчас раздались возня и смех. Кажется, там всё было в полном порядке.

Джон сел в кресло и закурил, что обычно делал только в минуты сильного волнения. Неужели отныне в их семье начнётся новая жизнь? В это пока что верилось с трудом.

***

Над поверхностью Марса всходило солнце, маленькое и багровое. Да, здесь оно немного не такое, каким видят светило с Земли, но это то же самое Солнце. Оно одно для всех планет системы и для всех представителей человечества, населяющих эту систему. Восход Солнца наблюдают и с Луны, ныне густо населённой и вполне обжитой, и с маленьких колоний Урана и Нептуна, и с баз Плутона, и со всех многочисленных космических поселений, разбросанных по спутникам планет и по пространству.

Солнце видят все, и все видят его по-своему. Оно кажется всем разным, но ведь это одно Солнце! Звезда эта всегда прекрасна, как бы она ни выглядела с разных ракурсов. Потому что это своя родная звезда, и лучше её не найти во всей необъятной Вселенной. Ведь это в её свете зародилась земная жизнь! В её свете возник однажды человек, который вполне повзрослел и, покинув свою

родную Колыбель, разбрёлся по всей Солнечной системе, чтобы наблюдать восход своей звезды. И даже из других звёздных систем люди видят родное светило, хотя оттуда оно уже ничем не отличается от других солнц. И всё же оно лучше их! Оно ведь своё, родное! Да как же его можно не любить за это?..

От мыслей Джона отвлекла хлопнувшая входная дверь. Вернулась с ночной смены жена, работавшая в оранжерее микробиологом. Она тихонько прошла на кухню, держа в руках сумку, полную очередного урожая из лаборатории. Следом вошёл он, радуясь приходу жены, которую сильно любил.

– Ну что? – Элизабет Максвелл озабоченно смотрела на мужа.

– Всё в порядке. – Джон поцеловал жену в щёчку. – Пойдём, и ты сама увидишь.

Они вошли в комнату сына и в тусклом, багровом свете, просачивающемся сюда сквозь иллюминатор жилого блока, увидели Била, спящего на спине в своей постели. А на животе мальчика спал, свернувшись клубочком, пушистик. Зверёк издавал звук, похожий на кошачье мурлыканье.

Родители с минуту наблюдали эту милую картину, затем, растроганные, вернулись на кухню.

– Ты думаешь... – Элиза не закончила вопрос, она словно оцепенела, ожидая, что скажет муж.

– Конечно. – Ты же сама видела. Всё обстоит именно так, как и говорили. Пушистик лёг Билу на живот, значит, он начал лечить.

Жена обессилено опустилась на стул и закрыла глаза.

– Неужели наш малыш поправится?

– Обязательно. Я верю в это.

На глазах Элизы показались слёзы. Это были слёзы радости за своего ребёнка, которому врачи вынесли приговор – недолгая жизнь на гормонах...

«Болезнь Буневича» развивалась обычно очень долго и постепенно убивала организм человека, принося больному страшные мучения. Поражался орган за органом, вызывая сильные боли во всём теле. Со временем человек превращался в живого мертвеца... Эта новая форма рака появилась тогда, когда люди вовсю уже осваивали Солнечную систему. Может быть, на одной из её планет и спал в ожидании гостей этот страшный вирус. А может быть, и нет. Никто теперь уже не мог этого точно сказать. Но болезнь распространилась весьма быстро по всем обжитым планетам, и пока что от неё не придумали панацеи.

Когда супругам Максвеллам врачи объявили, что у Билли рак Буневича (по имени доктора, открывшего эту форму), то они буквально постарели на много-много лет. Да, это очень страшно – знать, что твой ребёнок обречён, видеть его страдания на протяжении многих лет и мучиться от бессилия... Максимум – двадцать лет жизни при регулярном применении гормональных таблеток, тормозящих развитие болезни...

– Интересно, как он это делает?

Жена принялась доставать из сумки овощи и фрукты, выращенные в оранжерее, – яблоки, груши, ананасы, томаты и прочее.

–Ты о пушистике? Не знаю... Учёные изучают этот феномен, поэтому и закрыли Пандору. Там сейчас начал функционировать крупный научный центр. Это мне сказал Сивцев. Он говорил, что якобы пушистики впитывают болезнь в себя... перенимают её, что ли.

– То есть сами становятся больными?

Джон пожал плечами.

– У них вроде бы огромная жизненная сила, и они легко перебарывают те болезни, с которыми мы, люди, не можем справиться.

– А рак?

– Не знаю. Может быть, с такой гадостью он и не совладает, но, главное, Билли точно станет здоров.

Элиза задумалась и потом тихо произнесла:

– Выходит, эти зверьки готовы на самопожертвование ради другого существа? Так, может, это разум?

Джон ошарашенно уставился на жену...

***

– Пушистик, ты где?

Мальчик задрал вверх голову, рассматривая густые кроны деревьев, где пару минут назад затерялся инопланетный зверёк.

– Пушистик, иди ко мне!

Билли побежал по тропинке, уходящей вглубь зоосада. Максвелл-младший тайком принёс сюда своего маленького друга, чтобы тот мог порезвиться среди настоящих растений, поскольку пушистик последние дни стал каким-то вялым и потерял аппетит. Он совершенно не походил на того весёлого и шустрого зверька, каким его принёс папа две недели назад. Две долгих марсианских недели, в течение которых мальчик успел привязаться к пушистику настолько, что теперь просто не мог без него обойтись...

– А, вот ты где! Я тебя вижу!

Билли подбежал к разлапистой голубой ели, в ветвях которой прятался пушистик, и замахал руками.

– Вылезай-вылезай, Чип.

Зверёк уже отлично знал своё имя, среагировал на него и сейчас. Он высунул из хвои мордочку и чихнул – наверное, в нос попали иголки.

– Ну иди же ко мне, малыш.

Чип сделал большой прыжок и оказался на плече у мальчика, потёрся мягким серым мехом о его щёку и замурлыкал, затем принялся умываться, зажмурив глаза. Наблюдать за ним было забавно и интересно.

– Что, нравится тебе в нашем марсианском лесу?

Билли с радостью заметил благоприятную перемену в зверьке, который несколько приободрился, повеселел и стал активнее.

– Теперь мы будем ходить сюда каждое воскресенье, Чип.

Пушистик склонил голову набок и, казалось, внимательно слушал. Его большие миндальные глазки поморгали и прищурились, а уши задвигались, как локаторы.

Мальчик легонько щёлкнул его по уху. Зверёк перескочил на другое плечо и прилёг там.

– А сейчас мы с тобой сходим в наш зоопарк, и ты увидишь земных животных. Они все разные – маленькие и большие.

Тут Билли увидел прогуливающуюся по тропке парочку влюблённых и быстро спрятал Чипа под куртку. Так он и прошёл в следующую сферу, которую занимали вольеры с привезёнными с Земли животными. По пути мальчик купил мороженое, отломил кусочек и сунул его зверьку. Под курткой тут же раздалось чавканье и довольное урчание.

В зоопарке бродили редкие посетители, и Билли не рискнул доставать запретного друга, но слегка отодвинул полу куртки, чтобы пушистик мог всё наблюдать.

Обход вольеров они начали с хищников, которые особенно нравились мальчику. Вид этих грациозных и крупных животных всегда вызывал в нём уважение и восторг. Бил пытался даже представить, как все они ведут себя в природных условиях – в джунглях и в саванне, в прериях и в сельве. Здесь же, в этом маленьком зоомире, хищники да и другие животные казались немного грустными. Наверное, им не хватало той свободы и простора, которые были на Земле.

– Вот это царь зверей лев, – пояснял Максвелл-младший своему маленькому другу. – А это тигр. Он тоже очень сильный хищник.

Мордочка инопланетного зверька высовывалась из-под куртки, с любопытством рассматривая представителей неведомой ему фауны. А когда лев издал грозный царский рык, Чип в ужасе вытаращил глаза и замер на несколько секунд, после чего спрятался во внутреннем кармане. Но вскоре любопытство взяло верх над страхом, и пушистик опять выглядывал из своего укрытия.

Всё это сильно забавляло мальчика, и он от души смеялся над трусливым и не в меру любопытным Чипом.

Таким образом, они побывали возле диких кошек, медведей и волков, потом перешли к травоядным, осмотрели обезьянник и орнитарий, посетили секторы с аквариумами и другие. Судя по всему, пушистику очень нравилось здесь – он уже не прятался и увлечённо разглядывал животных и птиц.

На все эти развлечения незаметно ушёл почти весь марсианский день, который чуть-чуть длиннее земного. Билли был пару раз на Земле и мог сравнивать. Там он посещал калифорнийский Дисней Лэнд, смотрел на Ниагарский водопад, любовался с дирижабля Гималаями, гулял по Красной площади и Кремлю в Москве, видел египетские пирамиды, римский Колизей и много-много других интересных вещей, которыми так богата милая Земля-старушка, родина Человека.

И всё же тогда мальчик не был так счастлив, как теперь здесь, в этом скромном марсианском зоопарке, потому что... тогда Билли был болен и постоянно ощущал это. Его угнетали таблетки, которыми его пичкали родители, ему доставляли неудобства те болезненные процессы, которые шли в желудке. Болезнь временами давала о себе знать, проявляясь каждый раз всё сильнее и сильнее, и от этого у мальчика надолго пропадало настроение. Теперь же Билли чувствовал, что болезнь эта медленно уходит, отпускает из своих цепких лап его детский организм.

Чувство это появилось совсем недавно, буквально несколько дней назад, как раз после появления в доме пушистика. Может быть, маленький друг так подействовал на него? Ведь, играя с ним, забываешь обо всех недугах и невзгодах. И ещё мальчик поймал себя на том, что начал мечтать. Он мечтал о том, как станет взрослым и выучится на штурмана космического рейдера, и будет летать к другим звёздам и открывать в космосе новые миры и обитаемые планеты. Ведь это так здорово и очень интересно!..

***

– Папа, сегодня он ничего не ел. С самого утра.

Билли выглядел сильно расстроенным.

– Что с ним? Он заболел? Они ведь тоже болеют?

– Не знаю, большой Бил. – Максвелл-старший решил пока не говорить сыну всю горькую правду, чтобы не травмировать его детскую психику. – Не забывай, что это внеземной зверь, и мы о нём ничего не знаем. Так что всё может быть.

Они вошли в детскую комнату и подошли к кровати, на которой лежал пушистик.

Зверёк вяло приподнял голову, взглянув на Джона умными (да, именно умными! – Максвелл-старший только сейчас это понял) глазами и вновь спрятал её в свою шубку, свернувшись калачиком. Он явно недомогал.

– Может, покажем его ветеринару?

– Нельзя, Билли, пойми это. Подождём ещё несколько дней и будем надеяться, что всё обойдётся.

Сын понуро пожелал отцу спокойной ночи и стал готовиться ко сну. Он аккуратно сложил свои вещи и нырнул в мягкую гидрокровать.

Пушистик тут же встрепенулся и перебрался к Билли на живот. Глядя на такую преданность, Джон в душе содрогнулся. Он сам уже привык к Чипу

за этот месяц и не хотел думать о том, что этот чудесный зверёк с далёкой и неведомой Пандоры обречён.

Пушистик спасёт его сына! Билли уже перестал принимать таблетки и выглядит намного бодрее. Он явно идёт на поправку. И всё это благодаря пушистику, такому маленькому и смешному на вид. Эта кроха жертвует собой ради... кого? И почему?! Что толкает его на такое самопожертвование? Неужели обычный инстинкт? Или... нечто другое?

Но, чёрт возьми, он спасёт сына! Как бы там ни было...

– Билли, ты как себя чувствуешь?

– Спасибо, папа, намного лучше. Я будто забыл о болезни, и мне уже совсем не нужны таблетки. Боли совсем прошли. Я ведь выздоровею? – Ребёнок с надеждой смотрел на отца.

– Конечно, большой Бил, обязательно выздоровеешь. Ну всё, спи. Цветных и приятных тебе снов.

Джон погасил свет и пошёл на кухню. Там, в шкафу, ещё оставалось немного виски. Нужно было немного выпить, поскольку душу терзали угрызения совести. Только этого ещё не хватало! Неужели из-за какой-то зверюшки?!

***

Мальчик осторожно положил Чипа на мягкую траву зоосада и утёр на щеке слезу.

– Ну, как ты, пушистик?

Билли погладил зверька по тусклой, свалявшейся шерсти. Тот пару минут не двигался и лишь тяжело дышал и посапывал. Затем он с трудом приподнялся и сел, ловя носом окружающие запахи. Взглянул на мальчика мутными глазами, сделал несколько шажков и прилёг, положив голову на передние лапы. Его глазки вновь закрылись.

Билли сел рядом, вспоминая тот день, когда папа принёс пушистика домой. Тогда зверёк был шустрый и жизнерадостный... Что же случилось с маленьким другом? Неужели подхватил какую-то местную болезнь, от которой у него нет... этого... иммунитета?

Последние три дня Чип пил только одно молоко и к еде даже не прикасался. Он заметно похудел и ослаб, большую часть времени спал или просто лежал на пушистом и тёплом мамином платке, задумчиво глядя на людей. Но зато каждую ночь он приходил, а теперь – приползал к Билли в постель и ложился ему на живот, начиная по-кошачьи мурлыкать.

Да, теперь мальчик ясно вспомнил, что пушистик делал так каждую ночь, постоянно. Он всегда спал на животе Билли! Всегда...

Зверёк опять поднялся и тяжело вздохнул, почти как человек. Немножко прошёлся, шатаясь из стороны в сторону, и сел. Попробовал умыться, но потерял равновесие и упал на бок. Беспомощно взглянул на Максвелла-младшего.

Мальчик вновь погладил маленького друга.

– Ничего, Чип, ты обязательно поправишься. Папа обещал достать лекарств. Мы сделаем тебе пару укольчиков, и всё пройдёт. Я уверен.

Пушистик лежал на траве и внимательно слушал Билли, изредка моргая своими умными глазками...

Вечером отец, как и обещал, принёс дефицитные ампулы с витаминами и укрепляющими препаратами. Мама сделала Чипу уколы и завернула его в платок, оставив снаружи одну лишь серую головку с острыми ушками.

Так пушистик и пролежал, не двигаясь, до тех пор, пока Билли не лёг спать. Но через несколько минут после того, как погасили свет в комнате, мальчик услышал возню с пуфика, на котором лежал платок со зверьком. Вскоре Чип заскрёбся по полу, а затем уже карабкался на кровать, чтобы занять там своё ночное место.

Билли приподнял одеяло, и пушистик коснулся живота своим мягким тельцем. Лёг, как всегда, на то же самое место и заурчал.

Мальчик погладил зверька, пытаясь разобраться в своих неясных мыслях и догадках, связанных с Чипом и его привычкой спать на животе. Какая же здесь может быть связь? Что скрывается за болезнью маленького друга?

Мальчик напряжённо размышлял, но ничего вразумительного придумать не смог, а только устал и захотел спать. Тогда он перестал думать и просто лежал, прислушиваясь к урчанию пушистика и голосам родителей, доносившимся из соседней комнаты.

Дверь в детскую оказалась неплотно прикрытой, и слышно всё было очень хорошо, стоило только чуть-чуть напрячь слух.

«О чём они там говорят? Что-то про него, про Чипа, про болезнь... Стоп! Они говорят именно о том, про что сейчас только думал он сам».

Билли почти перестал дышать, чтобы лучше слышать разговор...

– Он вылечил нашего мальчика. Слава Богу!

Это сказала мама. Про кого это она? Про пушистика?!

– Да, этот чудесный зверёк совершил невозможное. Ты счастлива, Элиза?

– Это не то слово. Я... я просто не знаю, как выразить свои чувства. Это гораздо больше, чем счастье. Наш Билли теперь будет жить. Жить! Ты понимаешь, Джон?!

Мальчик замер, поражённый услышанным. Ну конечно же! Да, сейчас всё встало на свои места. Он же лечил! Он ложился на живот, чтобы лечить...

– Я-то прекрасно всё понимаю, – произнёс отец. – Ведь я именно для этого его и купил. Ещё бы мне не понимать. А тебе не жалко Чипа? Он скоро погибнет.

– Он, конечно, славный, но наш мальчик... Он ведь будет жить. Это главное для меня...

Дальше Билли уже не слышал. Он лежал и беззвучно плакал, сжимая в руках своего маленького друга, который сумел сделать то, что не смогла сотворить человеческая медицина.

– Пушистик, – шептали детские губы. – Ну зачем же ты так? Милый пушистик...

Мальчик пытался остановить горькие слёзы жалости к верному Чипу, слёзы обиды на жестокого отца, который обрёк зверька на гибель. Пытался, но не мог, и они катились по щекам, стекая на подушку...

А Чип тихонько урчал на животе маленького человека, которого он лечил. Зверёк чувствовал, что в этом детском организме ещё живут последние остатки болезни, и продолжал борьбу...

Пётр МАЛЬЦЕВ

Родился 9 июля 1956 года в Борисовском районе Белгородской области. Окончил Харьковский авиационный институт. Автор книг «Государева земля», «Витязи борисовского неба», «Это надо живым» и других. Член Союза писателей России.

ЗАПИСКИ С ХУТОРА

Из дневника хуторянина

16 февраля 2021

Наконец-то мороз немножко отступил. Вчера было Сретение, а я и не вспомнил: о Шарике думал, беспокоился.

В детстве бабушка на Сретенье просила меня смотаться на Ямку, посмотреть на борьбу зимы с летом. «Если на буграх, – говорила она, – заметишь проталинку, значит, победило лето». Почему именно на Ямку – рядом были не менее красивые Харитонов и Андрюшин ложки, – ответить даже сейчас не могу, но я с радостью бросался выполнять её поручение. Нёсся на лыжах на всех парусах: уж очень хотелось, чтобы непременно в конце зимы побеждало лето!

На Ямке с дотошностью осматривал живописные холмы и всяческие возвышения, не забывал сбегать и на Лысую гору за Косым ложком в поисках проталин. Бывало, что оттаявших мест не было, и я грустным возвращался домой. Вваливаясь в хату, сообщал бабушке, что облазил все бугры и косогоры, а проталин так нигде и не нашёл. «Ну, что ж, – стоя у своей кровати под висевшей в углу иконой, отвечала она, – значит, внучок, победила зима. Ты покушай блинчиков со сметанкой (к этому времени у нас телилась корова, и в доме всегда было своё молоко) да иди в сад встряхнуть яблоньки, чтобы они в этом году порадовали нас хорошими яблочками». И я, на́скоро макая блины в миску со сметаной, забрасывал их в рот, не всегда прожёвывая до конца, а потом бежал в сад трясти яблоньки, посаженные бабушкой.

20 февраля 2021

Заболела Василиса. Виню в этом себя: стал кормить её сухим кормом, а он, видимо, оказался тяжеловатым для неё. Она корчилась и стонала от боли. Я перешёл на каши из пшеничной крупы и куриные головы. Вроде всё наладилось. Тут как-то сварил свиную рульку, а жир решил добавить кошке в кашу. Да этим свиным жиром кашу-то и испортил, кошка опять заболела. Целую ночь стонала и каталась по полу, я не мог её успокоить. Так было жаль кошечку: она совсем ещё дитё, ей и года нет.

Обратились к ветеринару. Он Василису осмотрел, сделал три укола и сказал, что, если до понедельника не пройдёт, надо будет делать УЗИ.

Сейчас лежит на солнышке, спит, слава Богу.

22 февраля 2021

В выходной пришла соседка Надежда, поделился с ней проблемой с Василисой. Та посмотрела на кошку и выдала: «Да она у тебя до котов хочет! Видишь: хвост трубой».

Вот и весь диагноз. От природы никуда не убежишь.

26 февраля 2021

Ещё вчера озимые поля сверкали снежной белизной, а сегодня потеплело, резко начало таять, по всему двору побежали ручейки от осевшего снега, и белые лоскуты полей на той стороне реки, напитавшись влагой, потеряли блеск, стали мокро-серыми.

Целый день трудился в доме. Только к вечеру свернул работу, растопил печку, взял вёдра и пошёл к колодцу. Там окатил себя родниковой водой и явно ощутил, как со сбегавшими капельками меня оставляла усталость. Холода не чувствовалось совсем, скорее наоборот – по телу растекалась теплота.

27 февраля 2021

Предпоследний день зимы. Глянул из окна дома в сторону реки, и мне нестерпимо захотелось пойти туда, спуститься вниз, к огороду, преодолеть луг с проступившей водой.Там, на реке, на её середине, крепкий лёд уже не выдерживал напора подлёдного течения и на перекатах и отмелях дыбился и ломался. Вода разливалась по всему лугу, и река готовилась на себе тащить на юг появившийся ледяной хребет. Чему же удивляться? Такова неугомонная во всём весна. Везде и всюду вступает она в свои права, и природа оживает прямо на глазах.

1 марта 2021

А у меня в хозяйстве опять не всё ладно. Только разобрался с «болезнью» Василисы, как заболела коза Зайка. И опять себя виню. Она меры в еде

не знает, сколько ей дашь, столько и съест. Я переборщил с кукурузой, и у козы встал желудок. Приходится ночью подниматься, делать ей массаж рубца – другого средства нет, чтобы Зайка поправилась. Вот и встаю каждый час, цепляю на лоб шахтёрский фонарь для освещения помещения и иду лечить животинку. Сначала легонько массирую ей с левой стороны «голодную ямку» и ставлю на задние ноги, чтобы из рубца отходили газы. Потом цепляю поводок, и мы выходим с козой во двор – ей нельзя залёживаться, нужно двигаться. При нашем появлении из дверей сарая Шарик, хозяин двора, теперь совсем не проявляет ревности: не злится, не лает, не рвётся с цепи. Вежливо сопровождает нас светящимися огоньками глаз и услужливо виляет хвостом, словно хочет сказать: «Ну что ж, я всё понимаю».

Такое же понимание выказывают и все обитатели двора. Казалось бы, свет фонаря должен беспокоить мускусных уток Клеопатру и Цезаря, живущих в одном сарае вместе с козой. Но нет, они тоже понимают, что их подруга Зайка заболела, и терпят все мои ночные хождения. Вот луч фонаря осветил индоутака Цезаря, и он не зашипел, не побежал от меня в угол сарая. Молча продолжал сидеть за палочной перегородкой, только взгляд перевёл в сторону Клеопатры.

Видя мое беспокойство, и Василиса неотступно этой ночью следовала за мной. Тихонько, словно лиса, просовывала свою хитрую мордочку в дверной просвет сарая, интересуясь, что стряслось с Зайкой.

Надо сказать, обитатели сарая живут дружно. Коза и утки всегда набирались сил рядом, не разбегаясь по углам на свои отведённые места. Они должны были видеть друг друга: так безопасней и надёжней перевести дыхание. Их разделяла только перегородка из палок орешника. Клеопатра и Цезарь не могли ночью высидеть вдали от Зайки, не видя её добрых глаз.

В первое знакомство с двором и Василиса наведалась в сарай. Вытянувшись в струнку, осторожно обследовала она новое пространство, перезнакомилась с его обитателями. С козой у неё сразу сложились хорошие отношения, они почувствовали необходимость друг в друге.

Василиса никогда не позволяет себе вольности заглядывать в приготовленную для Зайки еду. А вот в кастрюльку Шарика она заглядывает бесцеремонно. Осторожно отодвигая крышечку, таскает из приготовленной для собачки каши лакомые кусочки куриных ножек, а простодушному пёсику оставляет всё остальное. И при этом, хитрюга, крышечку не забывает задвигать!

2 марта 2021

Ну вот, слава Богу, коза потихоньку стала делать жвачку. Но три дня ей придётся есть одно сено да заготовленные веники, пить простую воду и ничего больше. Вот что значит давать корм скотине без меры! Зайка смотрит на меня такими жалостливыми глазами, но лечение нужно довести до конца.

Ежедневно ухаживая за своей живностью, сделал вывод, что животные очень понятливые, но уязвимые и беззащитные. Их не только нельзя обижать – голоса повысить нельзя! Приходится учиться хозяйствовать. Все, кого я приручил, нуждаются в моей постоянной грамотной заботе.

4 марта 2021

Сегодня на утреннем небосводе появилась багрово-розовая полоска. Из-за верхушек деревьев Глубокого леса медленно выкатился огненный шар, и река, ещё покрытая льдом, мгновенно стала розовой. Но хмурые облака, плывущие с юга на север, постепенно заслоняли восходящее багровое солнце, и весенний лёд реки по мере продвижения мглистой хмари принимал серебристый цвет. Вскоре небесное светило, преодолев высоту дымчатой пелены, озарило землю яркими весенними лучами.

Пока наблюдал за восходом солнца, в памяти всплыли слова Павла Флоренского: «Когда будет на душе плохо, смотрите на звёзды или на лазурь днём. Когда грустно, когда вас обидят, когда что-то не будет удаваться, когда придёт на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится». Как точно и как верно сказано мудрым человеком!

5 марта 2021

Продолжаю второй день восстанавливать развалившуюся кровлю сарая. Хотел приступить к этой работе ещё в прошлом году (дрова лежали под открытым небом), но всё не доходили руки. Но вот вчера встал вопрос, куда складировать заготовленные на следующий год дрова: не будут же они и дальше лежать под открытым небом и пропитываться сыростью в непогоду! Пришлось готовить стойки и поперечины для односкатной крыши. Сегодня с утра их ошкуривал и в этой простой и, казалось бы, обыденной работе забывал обо всём на свете. Светлая чистота и ясность мыслей целый день не покидали меня.

8 марта 2021

С утра приподнятое настроение. Поздравил с праздником своих близких, пожелал им радости и счастья. Пожелал, чтобы весна щедро одаривала их теплом и любовью.

Весна... Время пробуждения от зимнего сна. Время с лёгким, бодрящим ещё по утрам морозцем, но когда щёки уже начинает припекать весеннее радушное солнышко. Небо становится светлее, а солнышко взбирается всё выше и выше и с каждым днём греет всё сильнее и сильнее. Длиннее становятся дни, всё вокруг пахнет весной.

Весна несёт с собой радость тепла и солнца. Всё вокруг оживает, всё вокруг преображается. Выползли на солнышко и ветхие хуторские старики. Греясь на завалинках у дома на весеннем благодатном солнышке, судачили, что, если удалось им пережить холодá долгой зимы, теперь непременно они будут жить. О своём здоровье судили старики по умению радоваться розовому, весёлому благостному утру.

Радуется теплу и солнышку и мурлыкающий за окном глупый котёнок. Весело прыгает он под яркими согревающими лучами, льнёт к золотому пятну солнца на подоконнике.

Весна приходит к нам со своим набором примет, красок и звуков. Её песнь возвышенна и триумфальна. С гор бегут говорливые ручейки, с крыш звенят дружные капели, в саду с настроением тенькает синичка, а во дворе оживлённо хлопает крылышками у лужицы чирикающий воробей. Кто управляет всеми этими певучими, мелодичными звуками? Музыка весны, едва зазвучав на первых проталинках с прелью прошлогодней травы, с каждым днём всё более властно заполоняет наши сердца. Всё вокруг на мгновение замирает, и мы наслаждаемся чарующими звуками матушки-природы.

Весна – художница. В её палитре только нежные, чистые краски. Голубой небосвод и голубая вода. Ослепительно белые цветы подснежников и синие, сиреневые, розоватые, словно окрашенные зарёй, цветы сон-травы. А в логу на одиноком бугре весна всегда с розовато-золотистым отсветом. И на всём этом великолепии – золотые искры рассыпавшихся солнечных лучей.

Красота весны проявляется и в разливе реки, и в таянии льда, и в лёгком дуновении весеннего ветерка, и в светлыни родительского дома, тонущего в ярких лучах весеннего солнца, и в буйном цветении яблонь в саду, когда они начинают источать нежный аромат приятного благоухания.

С приходом весны вместе с природой обновляемся и мы, потому что весна-волшебница помимо тепла одаривает нас ещё и чувством любви. Воздух прямо пропитан влюблённостью ко всему земному: к звону капели, к говору ручейков, к разливу рек, к возвращению перелётных птиц с юга, к пробуждению на деревьях почек после зимней спячки. Кто может устоять перед победною силою весны? Даже взрослые с ребячьей неуёмностью готовы пускать по светлому говорливому ручейку бумажные кораблики в надежде открыть для себя неведомые моря и страны.

Весна – время исполнения волнующей и дерзостной мечты.

9 марта 2021

Вчера после обеда позвонила сестра, позвала на блины. А я в этот день заработался на своей усадьбе. На Масленицу заниматься хозяйственными делами можно только первые три дня, вот я и решил, пока не растаял лежавший на дороге снег, вывезти дрова и заложить их в сарай. Набросав поленьев в оцинкованное корыто, по твёрдому насту перевозил их к месту закладки, в дровник. На звонок сестры ответил отказом, сославшись на неотложные дела.

Но через некоторое время моя дорогая сестрица сама принесла мне целую миску пышных блинов, красиво разложенных, золотистых. Чудные блины! Они явно удались ей на славу. И я, с аппетитом наворачивая хорошо пропитанные маслом блинчики, стал вспоминать давние истории на масленичные дни в нашем доме.

Мать очень любила всё мучное, а блины и пуховитые вареники ей удавались особо. В самом начале Масленицы, задабривая Солнышко, она пекла блины, а бабушка, глядя, как она ловкими движениями лихо сбрасывает со сковородки солнечные символы, напоминала ей: «Ты, Нюра, никогда не обделяй просящих куском хлеба. Жалей, Нюра, кормящихся Христовым именем. Дающая рука никогда не оскудеет. Чем больше дашь людям на Масленицу, тем больше нашему дому прибудет в этом году». Поправив платок, добавляла: «Пусть внучок первые блинчики отомчит бабушке Аниске». Мать в эти дни свекрови ни в чём не прекословила, всё делала так, как та велела. Положив в миску большую стопку румяных блинов, отправляла она меня к бабушке Аниске. Эта старушка жила от нас через ложок. Её семья жила бедно, считала каждый кусок. Прямо в хате у них стояла корова, и я, переступая порог дома с миской блинов, всегда продвигался по стеночке с большой осторожностью, боясь, чтобы она меня не боднула.

А ещё в этот день, во второй его половине, мы с бабушкой выходили во двор. Она просила меня открыть сарай и вытащить оттуда беремок соломы. Поднимавшаяся пыль создавала неудобства, но я терпел и молча тащил солому на середину двора. Здесь бабушка скручивала её в пучки, затем два пучка перевязывала в перекрестье и укутывала всякими разноцветными лоскутами, хранившимися под её кроватью. Этот день, насколько я помню, она называла «Встреча».

Бабушка моя Матрёна Ивановна происходила из коммерческой семьи, её отец держал бакалейную лавку. Да и сама она, будучи модисткой, всех обшивала. Слыла по тем временам во всём учёной, просвещала народ на хуторе, к ней часто приходили старушки. Библия была её настольной книгой. Уже став взрослым, я понял, что бабушка была и глубоко верующим человеком.

В детстве, постоянно пребывая с ней рядом, я как губка впитывал все её поступки, все слова. Под влиянием бабушки складывалось моё мироощущение. Душа моя была взлелеяна ею.

10 марта 2021

Сегодня второй день Масленицы, так называемый Заигрыш. В этот день начинались масленичные гуляния.

На градуснике 14 градусов мороза, но солнце прямо брызнуло в окна яркими весенними лучами. Роскошные кусты лозы, разросшиеся по всему пойменному лугу, стоят в белёсых суровых шапках и сверкают искорками снежинок. Проблески кристалликов снега искрят и на низко свисающих за окном веточках старой яблони. Вокруг – ликующий свет и звонкий, жгучий мороз. Зима по-прежнему даёт о себе знать. Только на душе всё равно чувствуется чистота нескрываемой радости приближения многоголосой, праздничной, волнующей весны.

12 марта 2021

Вчера с утра перевозил от колодца дрова. Когда поднимался вверх по склону к дому, меня ослепляло двойное солнце: восходящее на востоке и его отражение на льду реки. Так сильно слепили глаза раскосые солнечные лучи, что я постоянно жмурился и только на обратном пути чувствовал облегчение. Каждый шаг по затверделому, ноздреватому снежному насту издавал сухой, звонкий хруст. Словом, стояла прекрасная погода.

Но как же неуютно на улице сегодня! Всего-то два градуса мороза, но пронизывающий ветер создаёт холодную непогоду. Хотелось сидеть в доме, не было даже внутреннего желания выполнять работу во дворе.

В течение дня сидел за компьютером, писал.

13 марта 2021

Вот тебе и весна – ночью сыпал мягкий пушистый снег! Он засы́пал крыши дома и сарая, засы́пал весь двор. Шарику такая погода явно в радость. Он с такой охотой валялся в мягком снегу, словно это был для него не снег, а мягкая пуховая перина!

Напоил, накормил свою живность, затем зашёл в дровницу, и радостно стало на душе: вовремя восстановил я порушенную здесь кровлю и перенёс сюда все дрова, заготовленные на следующий год.

15 марта 2021

С утра работал на кладбище, вырезáл бензопилой разросшийся клён. Работая, думал о Валентине Распутине – сегодня день его памяти.

Преклоняюсь перед талантом этого человека. Ведь это же недосягаемая писательская вершина! Глубоко русский человек, он болел за свою державу, и боль в его душе была в миллион раз большей силы, чем наша. Бог ему открывал глаза на то, что для нас было невидимым.

Однажды писатель проронил простые слова: «Революция, переворот в государстве чреваты массовым ростом инвалидов». Но это только кажется, что слова эти просты. Люди, не замечающие боль близких, – духовные инвалиды. И это намного страшней инвалидности физической. Зачинщики пе-

реворотов зачастую о человеке-то и не думают. Ради личной наживы готовы они продать и Родину, и мать родную. Им безразлично, где жить – в Испании или на Галапагосских островах. Потому что нет у них родины, нет того неотпускающего места на земле, где должна проявляться человеческая совесть.

Я ценю творчество этого великого писателя, потому что оно заставляет задуматься о человеке, о человечестве, о его прошлом, настоящем и будущем. Над произведениями Валентина Распутина будущие поколения будут размышлять всегда, как и над творениями Пушкина.

22 марта 2021

Из окна хорошо видно, как на речке разгуливают белые цапли. Одна бродила в районе Машечкина луга, а вторая уходила севернее, под Рынино. Вечером цапли улетели в сторону юга. Значит, ещё будут держаться холода.

23 марта 2021 года

Сегодня прилетели дикие утки. После обеда хорошо было слышно, как шумная стая плескалась и крякала на реке. Если утки купаются в воде и подкрякивают, то жди дождя – так гласит народная примета. Но к вечеру посыпал мелкий мокрый снежок. Цапли-то верно предсказали!

27 марта 2021

Я не мог равнодушно проходить мимо могил своих хуторян, которые поросли древостоем тёрна – всегда презирал ива́нов, не помнящих родства. Когда появлялось свободное время, шёл на кладбище и работал.

Расчистил пространство и над могилой своих родителей. Всё вырубил, но завалить вербу, которая мешала поставить памятник, мне одному явно было не под силу: падающее дерево могло повредить соседние надгробия.

А тут поменялась сельская власть, и новая власть нашла бригаду, которая стала очищать кладбище. Я обрадовался, обратился к ним за помощью. Но мужики нашли тысячу причин, по которым помочь не могут: нужен трактор, надо за что-то вербу зачалить, иначе она порушит всё вокруг... Я не стал с ними спорить. Решил, что эти ребята мне не помощники, надо выкручиваться самому. Взял дома ножовку, лестницу и с молитвой полез на дерево – коленки, правда, дрожали, но я молился и просил помощи у Всевышнего. А они, бригада, забеспокоились на земле, стали кричать мне: «Смотри, она трухлая! Рухнет!».

Когда спилил одну нависающую ветку, внизу замолчали. Потихоньку спилил другую, слез и полчаса ходил, думая, как убрать самую главную, чтобы не разбить памятники. И всё у меня получилось: последняя не устояла перед

моей молитвой! Причём ветки ложились таким образом, что образовывался, как ни странно, самый настоящий крест! Вот как Господь помогает нам, если мы его сильно просим.

Ствол решил оставить на следующий день.

28 марта 2021

Незаконченная вчера работа подняла меня в шесть утра. Накормил живность и пошёл на кладбище, захватив отцепленную проволоку, на которую вешается бельё.

Сегодня действовал уже увереннее. Зачалил вербу, подрезал нужным образом со всех сторон бензопилой и завалил её, горемычную, поблагодарив Бога. Срезал оставшиеся ветви, вытащил с кладбища.

Летом, даст Бог, поставим с сёстрами памятник родителям.

29 марта 2021

Утром из окна дома заметил я на реке пару лебедей. Наверное, лебедь-кликун со своей красавицей лебёдушкой решили передохнуть здесь после трудного перелёта.

В стремлении попасть на родину, где они появились на свет, преодолевают лебеди немыслимые расстояния. Их не пугает высота. Потолок их полёта может достигать за облаками восьми километров!

Размышляя об этой удивительной птице, вспомнил я и о лебединой верности: один-единственный раз выбрав себе пару, остаются они вместе до конца своих дней. Преданный всей душой своей лебёдушке оставшийся в одиночестве лебедь, сложив крылья, с любой высоты бросается на землю, ибо без любимой нет жизни.

Встреча с белокрылыми красавцами радует человека: согласно поверью, она обещает исполнение заветных желаний. Вот и мне захотелось взглянуть на этих птиц с близкого расстояния. Несколько раз спускался я по огороду на луг, пытаясь незаметно приблизиться к реке, но всякий раз лебеди, чувствуя моё приближение, уплывали на безопасное расстояние вниз по реке. Когда я после неудачных попыток уходил домой, они опять возвращались и продолжали бороздить весенние полые воды.

До чего же грациозны эти белоснежные симпатяги, просто загляденье! Как хороши собой!

30 марта 2021

С утра в теле почувствовал пробирающую зябкость. Скорей, скорей на улицу – такое солнышко вот уже два дня! Покормил свою живность, взял банку с масляной краской и пошёл обрабатывать срезы на плодовых деревьях

после осветления сада. Целый день работал в саду. Там, где плохо обре́зал деревья осенью, подчищал сейчас, весной. Белил стволы.

А вокруг всё полно звуками. В долине реки слышится гулкий, раздирающий воздушное пространство вскрик коршуна: «Кыр, кыр-ррр!». Вот над моей головой застрекотала пролетающая сорока-белобока, тараторка. Вокруг какие-то шорохи, отзвуки... Весна...

Закончив работу в саду, взял топор и направился к колодцу, чтобы удалить куст лозы, перекрывавший видимый обзор заброшенного сада. Шарик, увязавшийся за мной от самого дома, переполнен энергией и счастьем: всё время прыгает, виляет хвостом, с размаху влетает в пожухлую прошлогоднюю траву, разрывая её, что-то там выискивая.

Рано утром он также увязался за мной, когда я выносил мусор. Оборудованная площадка для его сбора находится на верхней дороге, куда ведёт от моего дома тропинка. На этой самой тропинке обнаружил я двух чёрных кротов, вероятно, задушенных Шариком ещё ночью. Пришлось возвращаться с лопатой, чтобы их закопать. И вот опять он, мой неугомонный пёсик, что-то ищет в прошлогодней траве!

После вырубки лозы мы поднимались с набегавшимся от души Шариком к дому и увидели на перекате реки вчерашнюю пару лебедей. Я уже и не мечтал, что они возвратятся на своё облюбованное место. В розовых лучах вывалившегося из-за леса огненного шара грациозно плыли эти изысканно-величественные птицы по холодной воде в бесконечно безмолвной ночи. Плыли рядом, крылом к крылу. И такой запредельной любовью веяло от этой картины!

Долго провожал я взглядом эту пару, пока в сгущавшихся сумерках не превратились они в белые точки на воде, а потом и вовсе пропали из виду.

31 марта 2021

В нашем доме в пору моего детства бабушка, глядя в этот день в окно, говорила моей матери: «Какие, Нюра, сегодня будут ручьи, такой будет и разлив. Если на Алексея тепло, то и весна тёплой будет». В прошлом году на Алексея Тёплого я сажал картошку, и она уродилась на славу.

Ну а мы, пацанва, в это время были одержимы одной-единственной страстью – гусиными боями, умело стравливая гусаков на хуторе. Большинство гусынь в любом дворе уже сидели в гнезде, на яйцах, высиживая гусят, и от нешуточных гусиных драк на Алексея Тёплого не было большого ущерба хуторским подворьям.

Из своего детства помню такой случай. В хмурый, холодный весенний день гнал я своего гусака Сивого от нашего двора к Павлову колодцу. Там меня ждала ватага гусятников, любителей гусиных боёв. Нас не мог разделить даже возраст, потому как всех, от мала до велика, объединяла укоренившаяся в душе страсть.

Мой Сивый в боях был хват, об этом все знали. Но всем хотелось убедиться в этом своими глазами. Не оробеет ли он, вгонявший не одного забиячливого драчуна в дрожь, на *чужой* воде? Ведь у каждого колодца всегда была своя копанка, где с восхода до заката не смолкало гусиное гоготанье. У Павлова колодца во всех драках задавал копоти гусак Белошей.

И вот мы у чужой копанки, но гогот плавающих на воде гусей вовсе не смутил Сивого. Он, скорее, придал ему дерзостной смелости. Сивый устрашающе зашипел, парусом расправил крылья, и шеи гусаков переплелись в едином порыве, с обеих сторон посыпался град гулких ударов крылом о грудь соперника. Выдержать такой накат Сивого Белошею было не под силу, и он с позором бежал из копанки. А мой Сивый свободно и гордо поплыл по воде в другую сторону, словно бился он у своего колодезя.

1 апреля 2021

Не раз обращал я свой взгляд в сторону реки в надежде увидеть там лебедей, облюбовавших место на реке напротив моих окон. Ждал их и в этот день, но они так и не появились. Вечером, вглядываясь в сгущавшихся сумерках в дальнее поле за рекой, понял, что интуиция умных птиц позвала их в другие места, что надёжности моих светящихся окон птицам стало недостаточно, и они покинули это место.

Ну что ж, значит, лебеди набрались сил и смогли продолжить свой путь. А я благодарен родной реке за то, что она поддержала этих царственных птиц на их трудном, нелёгком пути на свою родину.

2 апреля 2021

На улице холодно. В течение дня было пасмурно, а вечером спустился туман и зарядил моросящий дождь. Но небо беззвёздное, значит, скоро придёт тепло.

Работал в тельняшке и лёгком свитере. Прямо с утра вывез в сад несколько тачек перепревшего навоза, заготовленного в прошлом году, и рассыпал под яблонями, сливами и грецким орехом; взрыхлил вокруг деревьев землю.

Днём собирал рамки ограждения для передвижного птичьего вольера: набирал из кленового материала, заготовленного зимою, делал нужный размер прутьев, скреплял их и отставлял в сторону. Внутреннее пространство каркаса ограждения предстоит потом забрать ивовыми прутьями. Благо, что ивовую лозу я тоже заготовил ещё зимою, когда вырезал разросшиеся на лугу кусты.

За работой вспоминал своё детство. Вспоминал апрельские дни, как с бабушкой ходил за водой к нашему колодцу, заглядывал в него и трижды кричал: «Богатая судьба, встань со дна! Сколько на дне колодца камешков и песка, столько у меня будет денежек и добра». В доме моей второй бабушки, жившей

в Манготне, был косячок, где она хранила стеклянную банку с денежными монетами. Так вот, мне тогда хотелось, чтобы в колодце, куда я заглядывал, песчинок и камешков было намного больше, чем монет в банке у бабушки.

Поднимали полные вёдра, и я умывался колодезной водой, повторяя за бабушкой слова: «Водой из колодца омойся и больше врагов своих не бойся». Умывался с великой радостью, ведь я всегда хотел быть сильным и смелым. А после с полными вёдрами шли мы с бабушкой на её огород окроплять землю, чтобы там летом не было никакой гнили.

Ближе к вечеру вместе со своими сверстниками на просохших проталинах играли в футбол. В конце игры, раскрасневшийся, шёл я к колодцу утолять жажду и опять смотрел в него с глубокой верой, что песчинок и камешков в нём всё-таки намного больше, чем денежек на косячке в банке.

Стемнело, закончился мой трудовой день. Как всегда, вечером взял ведра и пошёл за водой, облился ею прямо у колодца.

Как же хороша ты, колодезная водичка!

3 апреля 2021

На улице сыро, холодно. Ночью прошёл дождь. Спустился на луг, сходил на речку. Полая вода потихоньку спадает, река входит в свои берега.

Долго стоял у реки, смотрел на воду, где ещё совсем недавно плавали лебеди. Стоял и слушал всей своей душой и всем своим сердцем наплывающие трепетные весенние мотивы.

Зацвела ива. Значит, по народным поверьям, скоро придёт тепло: ива зацветёт – тепло придёт. Уже скоро на той стороне реки появится белая кипень колючего терновника. Он белым пояском опояшет дубравный лес, где в глубине ещё полностью не проснувшейся дубравы будет стекать по овражистым склонам скромными синеглазыми подснежниками пролившаяся синева небес.

5 апреля 2021

Столько забот на хуторе весной! Вот срочно надо ставить забор, и стесненные обстоятельства подстегивают меня выполнять ограждение из подручных материалов. Сейчас зашиваю каркасные рамки ограждений ивовыми, липовыми и кленовыми прутьями, потом буду выводить на общий уровень основание забора. В землю вобью хорошо высохшие дубовые колья, по ним пробью липовые балки, на что и будут установлены забранные каркасы.

7 апреля 2021

Сегодня Благовещение Пресвятой Богородицы. Этот праздник всегда любили в нашей семье: он нёс благую весть и о наступлении весны. В этот день сама матушка земля пробуждается от зимнего сна.

«Покров не лето, – любила повторять бабушка, – а Благовещение не зима». В этот праздник она запрещала моей матери выполнять любую работу по дому: «Что ты, Нюра, надумала! Как проведёшь Благовещение, таким и весь год будет. В этот день даже птичка гнезда себе не вьёт!» – и желала всем добра и мира, потому что мир – краеугольный камень во всех наших делах.

Раньше я и не задумывался, по каким законам мы жили. Просто жили, и всё. Только сейчас, в зрелом возрасте переселившись на хутор, понял, что жизнь текла по сложившимся вековым устоям, текла так, как необходимо русскому человеку, чтобы не было в его жизни тяжких падений, ибо только сохраняя накопленный народом опыт, можно выжить, работая на земле.

Мне кажется, что бабушка моя Матрёна Ивановна тоже особо не задумывалась над течением жизни, хотя была человеком грамотным. Жила, как жили её родители. Так жила и семья, куда она переехала после замужества, так жил всякий русский человек. И моя вторая бабушка, Акуловна, которая даже расписаться не могла, тоже жила по веками устоявшимся правилам. По-другому и быть не могло: это заложено в генах.

Вот есть внутри нас что-то такое, чего не смогли уничтожить ни государственные преобразования, ни революции, ни войны. Некий духовный стержень, который помогает народу выстоять, не потеряв при этом своего мироощущения.

Станислав МИНАКОВ

Родился в 1959 году в Харькове (УССР). Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. В 1983-м окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Автор поэтических сборников «Имярек» (1992), «Вервь» (1993), «Листобой» (1997), «Хожение» (2004), «Невма» (2011), «Снить» (2014), а также книг прозы, энциклопедий и альбомов. Лауреат Международной премии Арсения и Андрея Тарковских (2008), Всероссийской премии имени братьев И.В. и П.В. Киреевских (2009), имени Б. Слуцкого (1998) и др. Член Союза писателей России. Живёт в г. Белгороде.

РОМАН-СКАЗКА «НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ» КАК ПРОРОЧЕСТВО И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Воистину, как сказал один литератор, «у нас была великая эпоха», и в песне пелось: «за детство счастливое наше спасибо, родная страна!» У советских детей, свидетельствую о своих 1960–1970-х годах, было счастливое детство. Наполненное не только самыми лучшими и добрыми мультфильмами, кино, песнями в мире, но и изумительной литературой. Умопомрачительными тиражами расходились такие шедевры как «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова с его дивными продолжениями, повести Л. Кассиля, Ю. Коваля, книги А. Гайдара, миниатюры С. Козлова, «Денискины рассказы» В. Драгунского и многое-многое-многое другое! К счастью, эти книги переиздаются и сегодня. Они продолжают свою светлую миссию любви, красоты, радости, просвещения, связующую поколения и делающую нас единым народом.

В этом шедевральном ряду стоит и триптих уроженца Киева прозаика, режиссёра, мультипликатора, сценариста Николая Николаевича Носова (1908–1976) о маленьких человечках, «коротышках», с главным героем – добрым и симпатичным простодушным шалопаем Незнайкой. Это повести «Приключения Незнайки и его друзей» (1953–1954), «Незнайка в Солнечном городе» (1958) и «Незнайка на Луне» (1964–1965).

Писатель Николай Носов, создатель «Незнайки»

Носов был, к слову, лауреатом Сталинской премии третьей степени (1952, за книгу «Витя Малеев в школе и дома»), Государственной премии РСФСР имени Н.К. Крупской (1969, за трилогию о Незнайке). Выпускник ВГИКа, он в годы Великой Отечественной войны занимался режиссурой учебных военно-технических фильмов для РККА. В 2008 году к 100-летию со дня рождения Носова Центробанк Российской Федерации выпустил серебряную монету. Между прочим, в Киеве в апреле 2018 г. в Святошинском районе новая улица получила имя Николая Носова.

В 2020 г. исполнилось 55 лет со времени выхода в свет романа-сказки «Незнайка на Луне».

Мы, детвора, конечно, читали его в восторге чувств и познания, дивясь, будучи советскими детьми, октябрятами-пионерами, порядкам и взаимоотношениям, заведённым «на Луне», но и вообразить себе не могли, сколь мощна гротескная правда носовского полотна, развенчивающая ценности общества абсолютизации прибыли и золотого тельца, оказавшаяся вполне провидческой, увы, и представшая теперь перед нами во всей её горькой «красе» – в новые времена, с распадом нашей огромной страны. Носов исследовал капитализм в мельчайших деталях, сатирически, но и понятно для детворы – автором вспомянуты и акционерные компании, и безработица, и продажная пресса и полиция, и алчность, хитрость и злобность «акул капитализма», и склонность обывателя к жвачному существованию.

Внятно описав «мир власти чистогана», писатель точно предвосхитил реальность, в которой мы оказались после 1991 года. «Олигархия, управляющая куклами власть имущих, – пишет о книге Носова молодой севастопольский прозаик Платон Беседин. – Монополизация бизнеса. Система “откатов” и взяток. Манипуляция сознанием. Преклонение перед рекламой. Культ потребления. “Карманные” правоохранительные органы. Загадочные общества и ложи. И, конечно, Остров дураков – как идеальная и глобальная аллюзия на матрицу, в которой мы существуем, превращаемые или

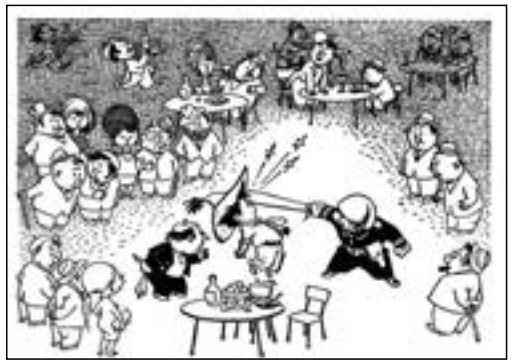


Иллюстрация к роману «Незнайка на Луне». Г. Вальк

уже превращённые в баранов, с трудом находящие силы, чтобы тому сопротивляться. Довольные от отупления и вседозволенности. Мы такие же, как те, кто покупает “Газету для дураков”, дабы узнать, о чём там для дураков пишут. Но сами-то мы не дураки. Угу».

«Дурацкий остров! – пишет в наши дни критик Клим Подкова. – Это нечто гениальное! Свезённые на остров коротышки целыми днями развлекаются, смотрят тупые фильмы, бездельничают, постепенно деградируя и превращаясь в обыкновенных баранов, которых капиталистам так удобно стричь! Не эту ли цель преследуют нынешние многочисленные ток-шоу, развлекательные передачи и вся нынешняя поп-культура, от которой нормального человека просто мутит?»

Также в романе есть биржа (у Носова это «баржа» с маклерами-горлодёриками), удушение мелкого и среднего бизнеса крупным посредством демпингования (так был разорён Пончик, занявшийся продажей соли), штрейкбрехерство, борьба рабочих за свои права («Общество свободных крутильщиков»), похищение человека с целью выкупа и ещё много чего.

Характеристичны красноречивые имена коротышек, с которыми Незнайке пришлось встретиться во время путешествия по лунному капиталистическому миру. Господин Клопс, бандит Красавчик, безработный Козлик, мелкий аферист Мига, мелкий предприниматель и торговец оружием Жулио, крупнейший латифундист и владелец текстильных и сахарных фабрик Спрутс, редактор газеты Гризль, биржевые трейдеры Жмурик, Тефтель и Ханаконда, владелец макаронной фабрики Скуперфильд, владец побережья с соляным сырьём Дракула. А также богачи Тупс, Дубс, Жадинг и Скрягинс, объединившиеся в совет капиталистов «Большой Бредлам», на котором капиталисты договариваются между собой о размере заработной платы рабочим, цене на выпускаемую продукцию, мерах по удушению мелкого бизнеса, и Хапс – владелец гостиницы, а Вригль – судья в Лунном городе.

Кадр из мультфильма «Незнайка на Луне».

Названия других городов, в которых происходят «лунные»

события, тоже запоминаются – Сан-Комарик и Брехенвиль.

Приведу показательный фрагмент из романа-сказки:

«– Вот с деньгами-то будет труднее, – сказал Жулио. – Я знаю многих, которые не отказались бы получить деньги, но не знаю никого, кто согласился бы добровольно расстаться с ними.

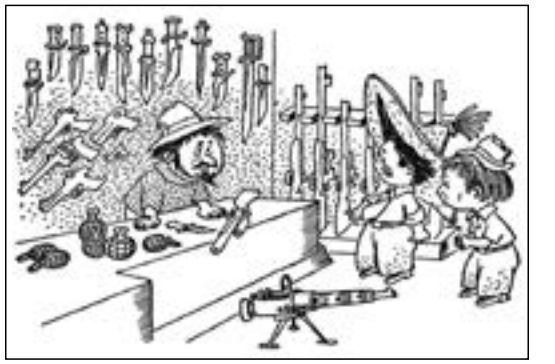


Иллюстрация к роману «Незнайка на Луне». Г. Вальк

– Это действительно верно, – сказал, улыбаясь. Мига. – Но у меня уже созрел замечательный план. Деньги на это дело должны дать сами же бедняки. Ведь это для них мы хотим достать семена с Луны.

– Правильно! – обрадовался Жулио. – Мы учредим акционерное общество. Выпустим акции... Вы знаете, что такое акции? – спросил он Незнайку.

– Нет, мне что-то не приходилось слышать о них, – признался Незнайка.

– Акции – это такие бумажки, вроде денежных знаков. Их можно напечатать в типографии. Каждую акцию мы будем продавать, скажем, по фертингу. Вырученные деньги затратим на постройку летательного аппарата, а когда семена будут доставлены, каждый владелец акций получит свою долю семян. Разумеется, у кого окажется больше акций, тот и семян получит больше.

Весь этот разговор происходил, когда автомобиль уже мчался по улицам города. Увидев по пути ресторан, Мига сказал:

– Я предлагаю отметить рождение нашего акционерного общества хорошим обедом.

Спустя несколько минут наши путники сидели в ресторане и с аппетитом обедали.

– Сейчас самое главное – заставить бедняков раскошелиться и покупать наши акции, – говорил Мига.

– А как их заставишь? Они не поверят, что где-то там на Луне лежат семена. Нужны доказательства, – сказал Жулио.

– Я уже всё продумал, – ответил Мига. – Мы начнём с того, что поднимем шум вокруг этого дела. В первую очередь надо напечатать в газетах, что к нам прибыл коротышка с другой планеты. А когда все поверят, мы напечатаем, что этот космический коротышка привёз семена, и тут же объявим об учреждении акционерного общества».

Впервые роман публиковался по частям в журнале «Семья и школа» в 1964–1966 годах. Отдельным томом книга вышла в издательстве «Детская литература» в 1965 году и была первой книгой, иллюстратором которой стал

Генрих Вальк (предыдущие две были проиллюстрированы Алексеем Лаптевым, который умер в том же году).

Наш известный современник, фантаст Сергей Лукьяненко, автор «Дневного дозора», «Ночного дозора» и других популярных книг, вспоминает: «Незнайка – это было открытием... Мир “коротышек”, таких же детей, как и я, но живущих без взрослых, и у которых ТАКИЕ приключения... Это сейчас я понимаю, что вся “трилогия о Незнайке” является уникальной, редчайшей удачей современной детской сказки. А тогда я только с ужасом смотрел, как тают толстые книги. И впитывал всё, что вложил туда автор. Когда я в первом классе объяснял учительнице, во сколько раз сила тяжести на Луне меньше земной, – это был Незнайка. Когда я популярно объяснял ей же, что такое акции и акционерные общества, – это была заслуга Носова. Приключения, характеры, знания, мораль – всё было вложено в книгу, и так легко и органично – что ни одному ребёнку и в голову не приходило, что его не просто развлекают, его учат... Вот почему я так люблю эту книгу».

Я тоже любил и люблю книги о Незнайке. Мне их, по мере выхода в свет, в конце 1960-х, от семи моих лет, дарила любимая тётушка Оля, совсем молодая мамина сестра. Это были два больших и толстых прекрасно иллюстрированных тома. Причём разница в томах была в несколько лет, и «Незнайку на Луне» я ждал с огромным нетерпением и получил с восторгом и благодарностью, которые помню по сей день. И рад, что и мои дети прочли, уже в начале 1990-х, с огромным удовольствием. Верю и во внука.

Отрадно, что с нами совпадает в суждениях молодой прозаик П. Беседин. Он пишет в 2019 году: «Мои дочери любят книги о Незнайке. Обожают их. Моим дочерям 3,5 года и 6 лет. Они уже знают, кто такие Эльза, Анна и Monster High, но Незнайка накрепко связывает меня с детьми. Им нравится мультфильм о нём, но книгу – и это делает меня счастливым – они любят ещё больше. Такова наша связь. Большая правильная связь. Потому что я сам вырос на Незнайке. Помню ту книгу – с оранжевым, белым, зелёным на обложке. А внутри – чёрно-белые картины. Самое сильное потрясение? Тот момент, когда капиталиста Скуперфильда привязывают к дереву и затыкают ему рот кляпом. Я боялся, что скряга задохнётся. Всё детство я страдал от жуткого насморка. Это уже потом, когда взрослым читал книгу детям, я понял, что история Скуперфильда – бунтаря против капиталистических порядков, чужого среди своих – крайне важна для эсхатологического понимания спасения, описанного Носовым».

И верен вывод этого автора: мы имеем дело с очень русской книгой, о великой борьбе за правду, которая в нашей традиции всегда понималась как истина и справедливость. За них-то и боролись герои книги. Боролись с теми, кто кошмарил их жизнь тогда и кошмарит нас сегодня. Можно дискутировать, действительно ли роман Носова «ярче, мощнее, точнее», чем антиутопии Оруэлла, Замятина, Хаксли и других, но следует признать проницательную силу и художественную убедительность носовской книги.

Иллюстрация к роману «Незнайка на Луне». Г. Вальк

Мы разобщились в начале 1990-х и стали создавать, каждый в своём закутке, отломившемся от большой страны, «лунную» модель, наивно уверовав, что вступаем в мир правильной жизни, мы сами идиотически радостно заглотили искусительную наживку и посулы ушлых и дошлых проходимцев, однако нас «развели», «ваучеризировали» и облапошили, присвоив попутно чуть ли не все недра, которые должны бы принадлежать всему народу, как это реализовано, скажем, в Норвегии и Кувейте.

По носовскому шедевру на основе иллюстраций Г. Валька режиссёрами-постановщиками Александром Люткевичем, Юрием Бутыриным и Андреем Игнатенко (консультант Фёдор Хитрук) снят анимационный 12-серийный фильм, длящийся в целом два с половиной часа – «Незнайка на Луне» (1997–1999).

Пора, ой как пора всей семьёй перечитать «Незнайку на Луне» и посмотреть мультик. Актуально.

Сергей МИЛЬШИН

Родился 21 февраля 1969 года в Узбекистане, но вырос под Новосибирском. С 1992 года живёт в Белгороде. Публиковался в журналах «Литературный факел», «Звонница», «Воин России», «Пограничник», «Роман-журнал XXI век», «Наш Современник». Автор книг прозы «Тяжёлый Афган», «Атаман», «Пластуны», «Тишка», «И была война», «Ворота Сурожского моря», «День всех святых», «В полосе огня», «Азов. Поход на Кубань» и других. Член Союза писателей России.

РОДНОЕ СЕРДЦЕ

– Всё собрала? Ничего не забыла? – склонив голову, доктор тепло глянул на пациентку – девятнадцатилетнюю Олесю с зелёными глазами на милом изрядно похудевшем личике. – Возвращаться сюда я тебе не рекомендую.

Поправив на плече ремень дорожной сумки, Олеся медленно поднялась с кровати:

– Вроде ничего.

– Ну и славно. Кто-нибудь встречает?

Она тряхнула короткой стрижкой:

– Я на такси. Кому меня встречать?

– Да, – доктор прикусил язык. – Извини, что-то не подумал.

– Да ладно. Я привыкшая, – уже у дверей она обернулась. Немного помявшись, подняла неуверенный взгляд. – Доктор, скажите, а кто была эта... ну, чьё сердце у меня теперь?

Врач давно привык к тому, что рано или поздно все его пациенты, получившие новые сердца, пытались хоть что-нибудь вызнать об их бывших владельцах. Конечно, врачебная этика не позволяла раскрывать тайну. Да он и не интересовался особо личными делами доноров. Ни к чему это. Но здесь он изменил себе, разок всё-таки заглянув в дело погибшей девушки. К тому же городок у них маленький, кое-что и сарафанное радио донесло. А доктор прислушался. Очень уж ему зеленоглазка симпатична. Нет, конечно, ничего лишнего. Он – глубокий женатик и на чужих женщин смотрит глазами специалиста и немножко ценителя прекрасного. Но Олеся – это чудо! Даже когда она синела, задыхаясь, и казалось, уже не дотянет до появления донора, девушка ни словом, ни полсловом не упрекнула врачей. А в его практике такие

пациенты встречались, хоть покойников выноси! Поколебавшись несколько секунд, он сдался:

– Девушка твоего возраста. Автоавария. По слухам, вроде как заявление в загс только что подала с парнем каким-то.

Слёзы заблестели в уголках зелёных Олесиных глаз:

– Надо же. Несчастье какое.

Доктор опустил голову, не выдерживая грустного и немного наивного взгляда девушки.

– Да, несчастье. Так что тебе за двоих жить надо. Но помни, – эскулап нравоучительно поднял указательный палец, – никаких излишеств. Солёного, жирного, жареного, копчёного. Не бегать и, желательно, не волноваться.

– Я помню, – она улыбнулась, вытирая слезу. – Ладно, доктор, спасибо вам за всё. Пошла я, машина ждёт, наверное.

– Иди, иди. Не спеша. Через две недельки жду на осмотр. И препараты принимай.

Дверь поддалась легко. Олеся, как и советовал доктор, неторопливо спустилась на первый этаж. Лето на дворе встретило мягким ветерком, доносящим ароматы цветов от клумбы во дворе больницы. Как же она соскучилась по таким маленьким, незамечаемым раньше радостям! Улыбаясь прозрачному небу, группке незнакомых женщин у выхода, выстроившимся в рядок берёзкам, она по-прежнему медленно прошествовала по горячей асфальтовой дорожке к металлическим воротам.

Такси уже ожидало на стоянке.

Пустая однокомнатная квартирка на втором этаже хрущёвки, которую ей дали после детдома, встретила запахом пыли и неухоженности. Больше месяца Олеся не заходила сюда. А бывали моменты, когда и вообще не чаяла вернуться. Многие сердечники по несколько лет ждали подходящего донора. Некоторые так и уходили, не дождавшись. Ещё чуть, и она бы ушла. Слава Богу, подоспело сердце этой незнакомки. Хотя можно ли так говорить: «подоспело»? Погибла молодая девушка, готовящаяся выйти замуж, создать семью. Она погибла, а вот Олеся, наоборот, осталась жить. Благодаря смерти другого человека. Как странно и страшно! А ведь тоже могла... В лицо не говорили, но чувствовала – прощались с ней. Если бы не эта автоавария... Непонятно, благодарить ли судьбу или жалеть несчастную девушку, чьё сердце сейчас бьётся в Олесиной груди. Впрочем, лучше не думать ни о чём, а то мысли заведут неизвестно куда. Правильно сказал доктор, надо жить. За себя и за неё.

Неспешно переодевшись, Олеся извлекла из кладовки в коридоре пылесос.

Запала хватило минут на пять. Одышка заставила девушку присесть, чтобы переждать тяжесть в груди. Да, теперь надо беречься, а на радостях, что дома и жива, забыла. «В таком состоянии и работать не смогу, наверное. Пока дома посижу. Ну и что, что звонили, спрашивая, смогу ли выйти. Смогу. Но

попозже. А пока и без меня справятся. Можно подумать, в магазин одежды очереди выстраиваются, как за окорочками по скидке». Немного посидела, прислушиваясь к успокаивающемуся сердцу. «Вроде отпустило». И снова потянулась к пылесосу. Но теперь уже двигалась размеренно, стараясь не нагружать пока ещё не родной моторчик.

Наведя порядок, достала из шифоньера полотенце.

Душ! Как же хорошо постоять под согревающими тело и, кажется, душу упругими струями! Вытиралась аккуратно, стараясь не потревожить огромный шов, идущий от шеи до середины живота. Загнав грустные мысли по поводу своей внешности в дальние уголки мозга, отправилась на кухню. Пора и перекусить.

Холодильник пустой уже второй месяц. Как ушла в больницу, так и выключила. В шкафу нашла пачку гречки, ею и питалась целый день. Конечно, пища здоровая, полезная, но хотелось чего-нибудь более праздничного, чем каша на воде. Денег немного ещё оставалось, поэтому на второй день Олеся, наконец, решилась дойти до ближайшего магазина.

За порогом подъезда пахнуло разгорячённым асфальтом и цветущей сиренью. Старый куст, будто приветствуя Олесю, покачивал ветками под окнами дома, и девушка постояла рядом с ним, с наслаждением вдыхая терпкий аромат сиреневых свечек. Надышавшись, Олеся радостно вздохнула, и низенькие каблучки мягко застучали по разогретому тротуару.

Тёплый день, казалось, улыбался, Олесе. И люди, попадавшиеся навстречу, тоже, казалось, мысленно радовались её возвращению к жизни.

Небольшой магазин с утра почти пустой. Продавщицы, скучая, болтали у кассы. На неё никто не обращал внимания, и девушка, оттягивая момент покупки, долго шаталась между стеллажами. Никогда не любившая магазины, она вдруг поняла, что ей и это действо в радость. Расслабляясь душой, привыкая к биению здорового сердца, она долго стояла у прилавка со сладостями. В итоге набрала с полкило конфет. Немного подумав, взяла и курицу. Сегодня сварит её в бульоне. Устроит маленький пир для себя одной. Отметит возвращение к жизни.

На тротуаре между магазином и пятиэтажкой невысокий парень с разлохмаченной причёской близоруко щурился, что-то разглядывая в телефоне. Олеся почувствовала, как внезапно зашлось чужое сердце. Удивляясь, почему из глаз льются слёзы, она остановилась, прижимая к груди пакет с покупками. Девушка вдруг поняла, что этот парень родной. Остатками разума она, кажется, осознавала, что не видела его раньше. Или видела? Как же так, родной, а не видела. Не зная, что и думать, Олеся сделала шаг к парню, ещё один. Он оторвался от телефона, с удивлением разглядывая плачущую девушку.

– Вы чего? Что-то случилось?

Она кивнула, как-то по-детски всхлипывая и растирая ладошкой слёзы по щекам:

– Мне сердце пересадили.

– Как пересадили? Какое сердце? Чьё?..

– Не знаю, – она улыбнулась сквозь слёзы. – Но это сердце говорит, что ты мой самый близкий человек.

Парень открыл рот, собираясь ответить, но тут же, догадываясь, побледнел:

– Наташа?.. Ты? – Рванул к незнакомке, остановившись, махнув рукой, покраснел. – То есть не Наташа, конечно... Она погибла недавно, в машине разбилась. А её сердце взяли для кого-то, чтобы пересадить. Так это, значит...

– Да, да... Это теперь моё сердце.

Олеся тоже смутилась, чувствуя, как радостно вздрагивает сердечко в груди.

– А ты... вы кто?

– В смысле?

– Звать тебя как?

– Андрей я.

– Андрей? Красиво... – Олеся последний раз шмыгнула, виновато улыбаясь. – А пойдём я тебя курицей накормлю.

Андрей взъерошил и без того похожие на птичье гнездо волосы:

– А пойдём! Наташа готовила такую обалденную курицу!.. – Он вдруг испугался, что сказал что-то неловкое, бестактное. И сейчас девушка обидится и уйдёт. Парень хотел извиниться, но, встретившись взглядом со светящимися радостью изумрудными глазами, только сказал:

– А тебя как звать?

– Олеся. Я тут рядом живу.

Андрей слегка сжал протянутую ладошку. И две фигурки – парня и девушки – зашагали рядом, навстречу будущему – будущему, которое приготовили им два родных сердца.

Владимир МОЛЧАНОВ

Родился 9 февраля 1947 года в станице Ильской на Кубани. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор многих книг стихотворений, поэм и переводов, двух юмористических сборников литературных баек, трёх сборников песен и романсов. Лауреат многих премий. Член Союза писателей России и член Союза журналистов России. С 1992 г. по 2020 г. – председатель БРО ООО «Союз писателей России».

***

Только так и не иначе
На земле я проживу:
От обиды – не заплачу,
От беды – не зареву.

Только так… Я – гордый, братцы,
Не прильну к чужим ногам.
Лишний повод для злорадства
Недругам своим не дам.

Что сломаюсь – думать бросьте! –
Маясь белкой в колесе.
И пускай враги от злости
Хоть полопаются все…

***

Стихом лукавым, песнею
Играемся с судьбой.
Давайте будем честными
Хоть сами пред собой.

Коль главным станет прочее,
То в жизни, милый мой,
Остаться на обочине
Рискуем мы с тобой.

Словами неуместными
Мы гасим жар любви.
Давайте будем честными
Пред Богом и людьми…

СТАНЦИЯ «СВОБОДА»

Поборов в себе зевоту,
Еду третий час подряд.
Слышу: – Станция «Свобода», –
Пассажиры говорят.

Обнадёжить нас несложно,
Как и голову вскружить.
Только как, скажите, можно
От себя свободным быть?

Быть в плену ума – забота,
Хоть и воля – кутерьма.
Здравствуй, станция «Свобода»,
Чувств и разума тюрьма…

***

Дружбу в жизни превратили в службу,
И «друзей» в прислугах – до фига.
Кто играл всю жизнь в большую дружбу –
Превратился в мелкого врага.

Не способны видеть да и слушать
Те, чьи слух и зренье – суррогат.
Жалкие предательские души,
Алчущие премий и наград.

Тот, кто дружбу превращает в службу,
Сам себе в итоге навредит.
Ведь за службу всех, кто предал дружбу,
Бог – ох! – по заслугам наградит…

***

В стремленье стать взрослыми дерзком
(Живут с малолетства все с ним)
Мы рано прощаемся с детством,
Так толком не встретившись с ним.

Но взрослость – опасная веха.
Чтоб в жизни заметными быть,
Как часто мы ради успеха
Готовы душою кривить.

Нужна ли такая заметность,
Лукаво плетущая нить?
Бесхитростно честную детскость
Хочу я в себе сохранить.

Снимая с души своей маску,
К добру повернувшись лицом,
Я детство читаю, как сказку
С печально-счастливым концом.

Татьяна НОСОВА

Родилась в Украине, в г. Запорожье, где окончила среднюю школу, затем философский факультет и аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Десять лет преподавала логику и философию в Чечено-Ингушском государственном университете. Работала доцентом кафедры философии в БелГУ. Автор четырёх поэтических сборников.
Живёт в Белгороде.

Таврида

Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах…
М. Волошин

Прибой, с песком и галькой споря,
играет, плещется у ног.
Вверху – луны янтарный рог,
а звёзды опустились в море –
блестят, сверкают на волнах,
как очи древней Таиах.
А может быть, другой царицы:
глазасто море, а вот ли́ца
не разглядеть, как ни смотри…

Здесь вечность видишь изнутри.
Не верится, что жизнь конечна,
гармония столь безупречна,
попробуй что-то убери –
всё рухнет, кажется.
Увы!

Мир был до нас и после будет,
сплетенье человечьих судеб –
узор на ткани бытия,
в нём несущественны детали,
лишь общий контур – ты ли, я ли…

Осеннее цветение

И вновь каштаны осенью цветут,
как будто говорят: – Цветение
и тленье –
всё одно. –
Цветки не лгут,
белея средь листвы потухшей.
Придёт мороз – в мгновенье опадут,
умрут цветы…
Их жизнь напрасна?..
Возможно…
Но бесстрашно,
наперекор и вопреки –
цветут!..

***

Как заведённая, погода
по кругу ходит пятый день:
с утра улыбку небосвода
не омрачает тучек тень,
и солнце ласково и ярко…

К обеду дело – облака,
как за добычею овчарки,
снуют по небу. Свысока
на них поглядывает хмуро
светило днéвное. И вот
оно за серым абажуром
исчезло, как чеширский кот,
оставив в памяти улыбку.

Всё гуще-гуще темнота,
от света – тоненькая штрипка,
ажуром чёрным увита.

Закапало. Осенне-нудно.
По подоконнику – дин-дин…
Как в темечко ежесекундно
осточертевший карантин.

В троллейбусе

Запорхнул лист кленовый в окно,
приземлился ко мне на колени.
«И откуда тебя занесло?
Ну, дружочек, теперь ты мой пленник».

Неслучайно ты выбрал меня
в это ветреное воскресенье,
увильнул, и легла пятерня
чья-то мимо: ведь я – спасенье.

Сохраню, знал, не брошу тебя,
принесу домой – нарисую.
Так у тлена, у небытия,
лист осенний, тебя украду я.

***

Ветер гонит медные грошики –
уронила липа листву –
до реки и далее, может быть,
в ту бескрайнюю синеву,
где сливаются небо и море,
различим едва горизонт,
где вальсируют волны на воле,
солнцу радуясь, без забот.

Вслед за листьями полечу я,
поплыву по бурной реке.
Будет ветер свистеть, бушуя,
и трепать косынку в руке...

***

А замёрзшему сердцу
довольно толики тепла,
чтобы снова парить,
словно бабочка, над цветами.
И лететь на огонь,
и сгорать в нём дотла…
Возрождаться и плыть
под рассветными парусами.

***

В. Ч.

Неведомы пути земные,
но верю: встречи неслучайны,
непознанное счастье-тайна
открыто для меня отныне.

И пусть не пылкость юной страсти
с тобою нас соединила,
пусть одиночество застыло
в глазах осколками ненастья.

Оно растаяло, как льдинка,
когда рука руки коснулась,
когда надежда-паутинка
под солнцем осени блеснула.

И неприютных ливней проседь
вдруг превратилась в тёплый дождик,
как будто бы добавил просинь
на чёрно-серый холст художник.

***

В беспросветности дня
все границы нечётки,
«да» и «нет» растеклись
водой по стеклу…
Капли жизни прошедшей,
как бусины чёток,
сами в руку упали –
их благословлю.

Солнца нет сколько дней…
Что ж, и раньше бывало!
За туманною млечностью –
призрак беды.
Только штурману
верить в него не пристало,
даже если не видно
путеводной звезды.
Всё проходит, увы… Может быть –
слава Богу!
Хоть и жалко порою,
что и это пройдёт.
Жизнь опять
приглашает меня к диалогу.

Верю, знаю: когда-нибудь
солнце взойдёт!

Алевтина ОВЧАРОВА

Хранитель Белгородского государственного литературного музея, исследователь творчества белгородских писателей.

«ТО ПЕСНЯ СЕРДЦА МОЕГО...»

Дмитрий Акимович Маматов родился 22 апреля 1931 года в селе Призначное Прохоровского района Курской (ныне Белгородской) области в крестьянской семье. Детские годы пришлись на непростое время для нашей страны. Вот как пишет сам писатель, обращаясь к читателю, в книге «Добро»: «Детство до краёв было наполнено душистыми логовыми ягодами, шёпотом цветущих ржаных колосьев с перепелиными перекличками, сумерками со сверчком и ржанием пасущихся в ночном лошадей. Также полно оно было и горем. Горем (...) страшной Великой Отечественной войны, послевоенной разрухи и неотступного, беспощадного голода».

В своём рассказе «Татуировка» он говорит о том, что: «Нас, детей войны, трудно было чем-либо испугать или удивить. Закопать чью-то оторванную снарядом руку, ногу, голову и не оглянуться – было делом частым и обыденным. (...) Вороны, кружащие над сбитым самолётом и выклёвывающие глаза лётчику, собака, выгрызающая ягодицы занесённому метелями мадьяру, – всё это было неотъемлемой и привычной картиной того ужасного времени».

«В моей родной школе немцы заживо сожгли около семисот русских военнопленных. Над их братской могилой теперь шумит уже больше полувека тополиная роща, посаженная нашими детскими руками...» – пишет Дмитрий Акимович в своей автобиографии. Строкам о войне будет место в каждой книге писателя.

Когда смыкает сон ресницы
И ночь встаёт над головой,
Мне неотступно часто снится
Овчаркой лающий конвой.

.....
Вы здесь сражались и спасались,
Вы славны будете в веках,
Что в жизнь из пламени бросались
И повисали на штыках!
(Из сборника «На острие судьбы», 1996 г.)

Военное и послевоенное детство навсегда осталось в памяти Д.А. Маматова. Война и после Победы ещё долго напоминала о себе. В стихотворении «На роду» Дмитрий Акимович вспоминает трагический случай, когда любопытные мальчишки решили разрядить артиллерийский снаряд. И только случайность спасла от гибели юного Диму Маматова.

На роду

Что нет судьбы – неправду говорят,
А человек живёт в особых метах.
Мы «на попа» поставили снаряд,
Нас было восемь сорванцов отпетых.
Ребят познанья пробирала дрожь:
Расковырять находку было в моде,
Но в самый миг моя корова в рожь
Воткнулась на соседнем огороде.
Я побежал, кнутишком шевеля,
Согнал бурёнку, словно с пьедестала.
Вдруг подо мною вздрогнула земля,
И семерых друзей моих не стало.
Семь холмиков могильных на селе,
Семь матерей до срока поседели,
Лишь на бессмертной, горестной земле
Живёт судьба,
И это в самом деле.
(Из сборника «На острие судьбы», 1996 г.)

В эти годы Дмитрий Маматов взрослел, учился в средней школе. Затем работал в колхозе, пока отец не перевёз семью в село Петропавловка Белгородского района. Здесь он устроился грузчиком в меловую артель. И всё же в то непростое время, несмотря ни на какие беды, мама обращала внимание юного Дмитрия Маматова на красоту окружающего мира, об этом он позже напишет: «Моя мать Анастасия Фёдоровна привила мне любовь ко всему прекрасному на земле. Была ли то грусть полевого чеснока или колышащийся в полнеба парус журавлей, на всём заостряла она моё внимание. Да будет ей пухом земля за

героическое материнство и за всё то, что сделала она для живущей во мне поэзии». Отец – Аким Кузьмич – был участником Великой Отечественной войны. Родители для Дмитрия Маматова стали хорошим примером трудолюбия и любви. О них поэтом были написаны проникновенные строки.

Лампы

Не умрут на Руси чудаки и таланты.
В суть мирскую свободен им вход или въезд.
Я в серванте храню две шахтёрские лампы
На одном из престижных почётнейших мест.

Неподвластны они ни забвенью, ни шторам,
Лучше пусть весь хрусталь зарастёт муравой.
Мой отец был в Донбассе известным шахтёром,
Мать работала сменщицей там в ламповой.

И однажды свела на кругу их гармошка,
Губы в губы, как водится, очи к очам.
Засветилось в шахтёрском бараке окошко,
И две лампы горели с тех пор по ночам.

Были русские люди судьбою довольны,
Незаметно растили двоих сыновей.
Эти лампы прошли все невзгоды и войны,
Тусклым светом мерцая над жизнью моей.

...Есть за тихим селом две могилки простые,
Два креста родословной наметили ряд.
Зажигаю те лампы я в даты святые,
И они, как сердца дорогие, горят.
(Из сборника «На острие судьбы», 1996 г.)

Первые стихи Д.А. Маматова были опубликованы в 1949 году в областной газете «Курская правда», затем их печатали в армейских, районных, областных, а также центральных газетах, в альманахе «Начало пути», журнале «Подъём».

В 1950 году он был призван в армию, попал в авиацию и после курса молодого бойца окончил школу младших авиаспециалистов (ШМАС) в городе Нежине. Летал на тяжёлых бомбардировщиках стрелком-радистом и за безупречную службу и отличное знание техники был направлен в Рязанское

лётное училище. Оно находилось недалеко от села Константиново – родины великого русского поэта Сергея Есенина. При первой же возможности курсанты уговорили командиров организовать встречу с матерью великого русского поэта. Это стало незабываемым событием для начинающего стихотворца.

Дмитрий Маматов писал: «Там я и познакомился с творчеством Сергея Есенина, которое повлияло на всю мою творческую жизнь». Сергей Есенин стал не только любимым поэтом, его Д.А. Маматов считает своим учителем, благодаря которому в стихах появляется светлая лиричная грусть. В ответ на критику и обвинения в подражании С. Есенину Д. А. Маматов говорил, что сложно и невозможно было оторваться от стихов великого поэта, и возвращался к ним снова и снова. И был рад такому учителю.

Дорога в березняк

Дочери Наташе

Ликовал я, как малый ребёнок,
Трижды чуден был ночью покой:
За телегой бежал жеребёнок
По дороге над сонной рекой.
Подбегал к бережочку напиться,
Где излуки тихи и кривы,
И его золотые копытца
Чуть касались медвяной травы.
Мать-кобыла, глаза, словно сливы –
Каждый шаг ей красавца знаком.
Он бежал, молодой и счастливый,
Через детство моё прямиком.
Тонких ножек шальная чечётка,
Как над злом и враждой торжество.
Лишь закрою глаза я – и чётко
Слышу лёгкую поступь его.
(Из сборника «На острие судьбы», 1996 г.)

Спустя годы Д.А. Маматов вместе с Е.Ф. Дубравным организовал в Белгороде Есенинское общество «Радуница». Именно Д.А. Маматов настоял на создании литературной страницы для публикации стихов участников «Радуницы». Его настырность покорила ответственного секретаря «Белгородской правды» Людмилу Федюнину, и вскоре в областной газете появилась есенинская страница «Радуница». Она выходила в октябре каждого года.

Маматов Д. А. получил и навыки художника, обучаясь в художественной студии на отделении живописи в Приморском военном округе при Доме офицеров, куда был направлен на службу по окончании Рязанского лётного училища. Позднее навыки художника пригодились Дмитрию Акимовичу Маматову во время работы в редакциях газет «Белгородская правда» и «Знамя» Белгородского района. Несколько десятилетий газета «Знамя» выходила с заголовком, который создал для неё Д.А. Маматов. В одной из публикаций в газете «Знамя» (18 октября 1997 года) Дмитрий Маматов отметил, что каждая страница его книг, каждое слово прежде были опубликованы именно в «Знамени». Её он называл родной газетой.

Главный редактор этого издания Юрий Алексеевич Чубуков стихи Маматова всегда принимал с радостью. В фондах Белгородского государственного литературного музея хранится книга Дмитрия Маматова «Раздолье». В своё время он подарил её Ю. Чубукову с такой дарственной надписью:

Нынче злые все вокруг –
Видно, век таков.
Лишь один мой добрый друг –
Юрий Чубуков.
Исчезают хворь и грусть,
Коль иду к нему.
И «Раздолью» рад он пусть
Будет моему!
Братски. Дмитрий Маматов. 15 июня 1993 года.

Первый поэтический сборник Д.А. Маматова «Солёный камень» вышел в Приморском издательстве в 1955 году.

В 1959 году в Белгородском книжном издательстве вышел сборник басен «Вечерний разговор». В него вошли более двадцати басен.

Критики хранители

Однажды вздумалось
Сороке,
Как говорится,
душу вылить
в строки.
И вот высокой
музою окрылена,
Во всю сорочью
прыть
скрипит пером она.

Сидит в своём гнезде
с лирической тоскою,
Текут чернила
бурною рекою,
И каждый день
до вечера с утра
Летит по сто стихов
Из-под пера!
Потом с мешком своих творений
Критических
Сорока ищет мнений.
Летит к Дроздам,
спешит к Клестам...
И критики,
скользя глазами по
листам,
В стихах не видят проку,
Однако ж не желают
огорчить Сороку:
– Ну что сказать...
Вот здесь
не так чуть-чуть,
Вот тут «дожать»,
вот это «дотянуть»,
Вот эта строчка –
чтобы не кричала,
А здесь вот так –
и всё... опять сначала.
Я этой басней шлю упреки
.....
Совсем не пишущей Сороке,
А тем Дроздам, Клестам,
Что, истину тая,
Зубрят бессмысленные строки
И не советуют Сороке
Пойти на курсы...
Кройки и шитья.
(Из сборника «Вечерний разговор», 1959 г.)

Особенно плодотворно Д.А. Маматов работал в 1990-е годы и в начале 2000-х годов. В это время вышли сборники стихов «Добро» (1991), «Раздолье»

(1992), «На острие судьбы» (1996), «Родная чужбина» (2001). Его стихи о селе и сельчанах, о военном детстве. Коллеги по достоинству оценили его талант. В 1993 году Дмитрий Акимович был принят в Союз писателей России.

Все, кто знал Дмитрия Акимовича лично, сходятся во мнении: память об этом талантливом человеке, внешне неторопливом, добром, как многие «большие» люди, – это не только публикации в сборниках, журналах, газетах и книги с его произведениями. В воспоминаниях друзей, которых у Д.А. Маматова было много, он остался «Народным поэтом Петропавловки», «Поэтом-самородком», «Мастером поэтической огранки», а порою просто «Акимычем», и сам он с удовольствием принимал это имя-отчество.

Акимыч

Любят все стихи его такими,
Ясными, как солнечный денёк,
Нёс по роще грусть свою Акимыч
И присел на моховой пенёк.
Птичьи голоса нежны и тонки
Оглашали клеверный лужок.
И достал Акимыч из котомки
Золотой с малиной пирожок.
Ароматный дух летел к овину.
Пирожок весь в сахарной крупе.
Отломить бы другу половину,
Только нету друга на тропе.
Но оттуда, где заря лизала
Отдалённый тихий бережок
Прилетела Муза и сказала:
– Ты не ешь, Акимыч, пирожок.
Ворковала фея, слух лаская,
До забвенья сумерки любя.
В пирожке начинка колдовская
И погубит грешного тебя.
Будешь ты как голова на блюде,
Попадёшь в недобрую струю.
Могут даже праведные люди
Разлюбить поэзию твою.
Будет грусть скитаться по страницам,
Выбиваясь из последних сил.
И тогда Акимыч божьим птицам
Пирожок волшебный раскрошил.

Поутру в рассветной канители
Лишь запел пастушеский рожок,
Хороводом птицы прилетели
И до крошки съели пирожок.
Благодарность вынесли поэту,
Этот пир устроив у ольхи,
И несут теперь они по свету
Вечные Акимыча стихи!
(Из сборника «Родная чужбина», 2001 г.)

Один из его друзей журналист и писатель Евгений Фёдорович Дубравный снял фильм о Дмитрии Маматове «Душою радостен и чист» и посвятил ему цикл стихотворений, который назвал «Маматиада».

Волшебник

Сорок первый домик на окраине
У прохладных заливных лугов...
Человек живёт здесь очень правильный
И стихами радует богов...

Радует синичек щедрой жменею,
Добрым сердцем радует людей,
По ночам страдая тем не менее
От бездарных рыночных идей.

Его любят птички поднебесные,
Обожает всякое зверьё,
Даже кошку, шкодницу известную,
Глашею он ласково зовёт...

Хоть и ходит вечно озадаченный,
Он душою радостен и чист...
И стихами нежными прозрачными
Соловья недавно приручил...
(Е.Ф. Дубравный. «Мои журавли», 2001 г.)

Мелодичность стиха Д.А. Маматова была замечена белгородскими композиторами. Лидия Полева и Елена Хорошилова написали песню «Свет Рождества». В фондах Белгородского государственного литературного музея имеются несколько сборников песен Анатолия Георгиевича Павлова, в них

есть и песни на стихи Дмитрия Маматова «Дали родные», «Калина в снегу», «То, что было...», «Приснилась мама».

Сон
(«Приснилась мама»)

Поле рожью колышется спелой.
Над уснувшей деревней луна.
Снится мама в косыночке белой
И со мною сидит у окна.

На коленях скрещённые руки,
Добрый взгляд её милых очей.
Словно не было горькой разлуки
В этой жизни нелёгкой моей.

Сон волшебный в тумане растаял,
Снова я в материнском краю.
Так прими же ты, мама родная,
Запоздавшую ласку мою.

Расставания грустные песни
Над прошедшим витают, скорбя.
Ты прости меня, ангел мой, если
Чем-то в жизни обидел тебя.

Скоро осень. И в окна упрямо
Застучат торопливо дожди.
Ты всю жизнь прождала меня, мама,
Потерпи и теперь, подожди.
(Из сборника «На острие судьбы», 1996 г.)

Всё творчество Д.А. Маматова пронизано любовью к родному краю, к человеку, в котором он видел личность. Деревня для него – святая святых, и воспевал он только её – крестьянский быт, природу, заснеженные хатки, сельские события. Сам говорил так: «Люблю деревню, потому что там вырос – с кошками на заборах, с сиренью, с гармошкой. Мне кажется, я не стихи пишу, а просто делаю аранжировку тому, что вижу и слышу вокруг».

Заря

Село моё Призначное
В берёзовом дыму,
Хочу в любви признаться я
Тебе лишь одному.
Заря розовощёкая
На взгорочке крутом,
Здесь детство моё щёлкало
Пастушечьим кнутом.
Как сказка без названия –
Левада, зеленя,
Ночной звезды дрожание
Да ржание коня.
Колодец наш под ясенем
С кувшином на плетне
Да с солнечными ясными
Осколками на дне.
Просторы с песней милою,
С рассветной бороздой
Да с братскою могилою
Под красною звездой.
(Из сборника «Родная чужбина», 2001 г.)

Сверчок

За печью в сумеречный лад
Поёт сверчок –
Каскад изысканных рулад,
Потом молчок.

О, не тревожьте вы его:
Поёт – и пусть:
То песня сердца моего –
И свет, и грусть.
Со светом радостным в очах,
Лишь с ним вернусь
В родимый дом, в родной очаг,
В родную Русь!
(Из сборника «На острие судьбы», 1996 г.)

В 2004 году, незадолго до смерти Дмитрия Акимовича, вышла из печати книга «Священная земля». Появилась она в результате творческого союза писателей с фотохудожником Виталием Собровиным. Это поэтическая и художественная энциклопедия, воспевающая красоту и величие родного края, храбрость и отвагу его защитников. Литературной основой книги стали тексты произведений белгородских поэтов и среди них поэма Д.А. Маматова «Прохоровское поле».

Поле – жизнь и лихое время,
Поле – Родины всей наказ,
Поле в грозном танкистском шлеме,
Поле в каске стальной до глаз.
Поле с вдовьей слезой-молитвой,
Поле в пламени и в дыму,
Превратившее жаркой битвой
День июльский в ночную тьму,
Где расплата гуляла люто,
Враг сломал о дугу рога –
В русской кузне была согнута
Эта праведная дуга!
(Из книги «Священная земля», 2004 г.)

29 июня 2004 года Д.А. Маматова не стало. Но память о нём и его творчестве хранят его читатели. Именем Дмитрия Акимовича Маматова названа библиотека в его родном селе Призначном. О нём помнят друзья-писатели, Белгородский литературный музей хранит часть его архива.

Творческое наследие Дмитрия Акимовича составляют семь поэтических сборников. Поэзия Дмитрия Маматова – это сама русская душа, отражённая в стихотворных строках.

Борис ОСЫКОВ
Александр ОСЫКОВ

Осыков Борис Иванович родился в 1937 году в Воронеже. Окончил Белгородский государственный педагогический институт. Служил на флоте, работал журналистом в газете и на радио. Много лет возглавлял редакцию газеты «Белгородская неделя». Автор более тридцати книг, изданных в Белгороде, Харькове, Воронеже, Москве. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, почётный гражданин города Белгорода, председатель Собрания краеведов Белгородской области. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат всероссийских и международных литературных премий. Удостоен государственных и ведомственных наград. Живёт в Белгороде.

Осыков Александр Иванович родился в 1959 году в Белгороде. Окончил Белгородский технологический институт и аспирантуру в Москве, кандидат технических наук. Стихи и рассказы печатались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Всерусскій соборъ». Автор многих книг, в т.ч. поэтических сборников «Небесная лестница», «На краю земной печали», «Долг земной» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле», международного поэтического конкурса «Звезда полей». Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

СВАДЬБА В НОВОЙ ТАВОЛЖАНКЕ

В 1882 году известная всей России торговая фирма «Петра Боткина сыновья» приобрела в Шебекинской волости Белгородского уезда Новотаволжанский сахарный завод и вскоре превратила его в крупное предприятие, оснащённое новейшим оборудованием. И главным промыслом для крестьян Новой Таволжанки стали «возка, полка и прорывка бураков на заводских полях».

Рядом с сахарным заводом быстро вырос посёлок: общежитие для сезонных рабочих, в двухэтажном здании – столовые, библиотека и даже кине-

матограф; были построены больница и школа с трёхлетним обучением, преобразованная затем в заводское училище Товарищества Боткиных. К заводу проложили железнодорожную ветку. Завели Боткины и питомник фруктовых деревьев, винограда, кустарников и декоративных растений. Саженцы «от Боткиных» охотно покупала вся Курская губерния.

Просторный господский дом в Новой Таволжанке, окружённый садом с липовой аллеей и чистыми прудами, по осени замирал и всю зиму стоял тихий и одинокий. Но с приходом погожей летней поры вновь радушно встречал своих столичных хозяев и их разноликих гостей.

У основателя фирмы П.К. Боткина было четырнадцать сыновей. Самый известный из них Сергей Петрович Боткин (1832–1889) – знаменитый врач, основоположник русской клинической медицины. Дмитрий Петрович Боткин (1829–1889) руководил после отца торговой фирмой и Новотаволжанским сахарным заводом, но был и знатоком живописи, и даже председателем Московского общества любителей художеств, и Почётным академиком Императорской Академии художеств. Да и остальным Боткиным не чужд был мир искусства. Михаил Петрович (1839–1914) стал известным художником. Василий Петрович (1811–1869) – литературный критик и публицист, дружеские отношения связывали его с Толстым, Тургеневым, Некрасовым, Страховым, Тютчевым, но особенно близко сошёлся он с Афанасием Афанасьевичем Фетом.

В доме Василия Боткина Фет познакомился с его сестрой Марией, и в 1857 году она стала его женой. Стала не только матерью детей поэта, но и его музой. Именно к ней он обращается в своих стихотворениях, вошедших в самый известный его сборник «Вечерние огни».

Феты не раз бывали в Новой Таволжанке, в гостеприимном боткинском доме. Афанасий Афанасьевич и сам владел неподалёку – в Щигровском уезде – имением Воробьёвка...

В один из дней в Москве седую чету Фетов посетила их племянница, дочь упомянутого выше Дмитрия Петровича Боткина Лизонька. И Фет вручил прелестной девушке третий выпуск книги «Вечерние огни» с чудесным автографом:

Если захочешь ты душу мою разгадать,
Ты перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьянённому муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука.
Муза раскроет и сердце, и запах цветка...

Стихи эти впоследствии вошли в новые более полные издания «Вечерних огней». Продолжают их печатать и теперь в сборниках поэзии А.А. Фета.

А ещё через год к Фетам пришла радостная весть: в Новой Таволжанке готовится бракосочетание Лизоньки – Елизаветы Боткиной с Константином Густавовичем Дункером, старшим инженером сахарного завода. И Феты, проведшие всего лишь неделю после долгих «зимних каникул» в родной Воробьёвке, отправились в Белгородский уезд.

Нежно-зелёный, уже начинающий цвести – «словно молоком облитый» – сад звенел весёлой перекличкой голосов, полнился бравурным звучанием оркестра. Но вот смолкло всё, и в чуткой тишине раздался негромкий, с лёгкой хрипотцой голос поэта:

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговея,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименея.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцвечённый кажет путь
И жениху и новобрачной.
На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! И я хвалю любовь
И пышный факел Гименея.

(На листе со строками стихотворения, внизу, указаны дата и место: «30 апреля 1889. Село Таволжанка»).

Уже возвратившись в Воробьёвку, в письме к одному из своих друзей Фет так поведал о свадьбе в Новой Таволжанке: «Через неделю по приезде нашем в деревню мы поехали на восток от Белгорода, к Боткиным на их сахарный завод, где происходило 30-го апреля бракосочетание нашей племянницы с инженером Дункером. Воздерживаюсь от описания торжества, в котором мне пришлось фигурировать сперва как камергеру, вводящему невесту в церковь, а затем и как поэту, произнёсшему пару строк с бокалом в руке»...

И всякий раз, перечитывая волшебные фетовские строки, перелистывая его «Вечерние огни», мы вспоминаем, что он ходил по белгородской земле, дышал белгородским воздухом.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споёт о счастье молодым
Моя стареющая лира.

ПОЛТОРАЦКОГО ТАВЕРНА

Удивительна судьба Марка Фёдоровича Полторацкого – известного русского певца (баритона), действительного статского советника, основателя русской дворянской фамилии Полторацких, который в 1782 году стал одним из владельцев слободы Чернянки (ныне районный центр Белгородской области).

Его отец – казак Фёдор Филиппович Полторацкий – поселился на Черниговщине и принял сан православного священника. С детства Марк обладал красивым голосом и, будучи студентом Киево-Могилянской академии, пел в академическом хоре. Здесь его услышал граф Разумовский (сам в прошлом певчий), сопровождавший императрицу Елизавету Петровну в её поездке на Украину. Уже через год юношу по рекомендации графа зачислили в императорский хор, а в 1750 году он, первым из славян, поступает в итальянскую оперную труппу и выступает под псевдонимом Марко Портурацкий. Впоследствии Марк Фёдорович получает потомственное дворянство и звание полковника. До самой смерти он возглавлял Придворную певческую капеллу.

Именно Марк Фёдорович, прослушав десятки церковных, монастырских, школьных и других малороссийских хоров, отобрал среди прочих для реестра «малых певчих» сына казака Глуховской сотни Нежинского полка, девятилетнего Дмитрия Бортнянского, будущего выдающегося русского композитора.

В семье М.Ф. Полторацкого было 22 (!) ребёнка. У одного из его сыновей – Петра Марковича – в 1800 году родилась дочь по имени Анна, вошедшая в историю русской литературы как Анна Петровна Керн. Имя Анны Керн навеки остаётся в нашей памяти благодаря вдохновенным строкам гениального пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Анне Петровне великий поэт посвятил и немало других блистательных поэтических строк...

В начале XIX века после смерти М.Ф. Полторацкого слобода Чернянка перешла к его сыну Фёдору Марковичу, очень много сделавшему для развития промышленного хозяйства в слободе. Ф.М. Полторацкий построил в Чернянке мебельную, бумажную и суконную фабрики, винокуренный и сахарный заводы, мукомольную мельницу.

Фёдор Маркович прожил без малого сто лет и человеком был незаурядным и весьма энергичным. Вот что рассказывает о предприимчивости Ф.М. Полторацкого его внучка В.И. Анненкова: «Житейское своё поприще начал он, подобно другим, службою в блестящем гвардейском полку, но вскоре, убедившись, что даже при удаче поприще это слишком узко для его способностей и аппетитов, он вышел в отставку, поехал учиться в Берлинский университет и, вернувшись оттуда с дипломом... принялся за аферы. Какие именно, осталось отчасти тайною; но зато результаты их вскоре проявились так явно, что оставалось только руками развести от изумления. Земельная собственность Ф.М. увеличивалась не по дням, а по часам; его дома, фабрики,

заводы, лавки вырастали как грибы всюду, куда бы он ни являлся со своими проектами.

Появились, благодаря ему, в наших захолустьях такие товары, о существовании которых до него никто не имел понятия, а под наблюдением его изготовлялись такие сукна, экипажи, мебели, и в домах устраивались такие хитроумные приспособления для топки, освещения и провода воды, такие зимние сады и оранжереи, что издалека стекались любоваться этими диковинками.

В Чернянке, имении его в Курской губернии, была зала со стеной из цельного стекла в зимний сад, отапливаемый посредством труб, проведённых в стене. У него был дорожный дормез, вмещавший в себе, рядом с сидением для барина и для его слуги, с важами для вещей, сундуками для провизии и прочих дорожных принадлежностей, такое множество потайных ящиков, искусно скрытых, что он провозил в этом дормезе на много тысяч контрабанды из чужих краёв, и контрабанда эта наивыгоднейшим образом продавалась на лавках его в Москве и других городах.

Всех диковинок, какие он изобрёл, не перечесть, и всё это производилось в его имениях, руками его крепостных, под наблюдением заграничных мастеров, которых он отсылал обратно на родину после того, как русские люди заимствовали от них необходимые сведения, потому что, как он часто говаривал: "Смышлёнее русского мужика нет существа на свете; надо только уметь им пользоваться"».

На всю Россию славилась построенная Фёдором Марковичем в Курске ресторация, которую современники называли «Полторацкого таверна». В уже упоминавшихся путевых заметках «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкин писал: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я свернул на Воронежскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире, что не безделица в нашем положении, и любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации». Конечно же, говоря о «курской ресторации», Александр Сергеевич имел в виду таверну Полторацкого, о которой ему много рассказывал ближайший друг – поэт Антон Дельвиг. Антон Антонович, часто бывавший в Курске по долгу службы, однажды даже сочинил и через свою жену прислал Анне Петровне Керн экспромт, в котором упоминает таверну Полторацкого, приходившегося Анне Керн родным дядей. Вот эти стихи, написанные бароном Дельвигом менее чем за год до поездки А.С. Пушкина в Арзрум:

Я в Курске, милые друзья,
И в Полторацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе, даме Керне!

РОДИНА «ВАСИЛИЯ ТЁРКИНА»

Поэма «Василий Тёркин» была задумана Александром Твардовским за два года до начала Великой Отечественной войны во время, когда он был военным корреспондентом газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины» в ходе финской военной кампании. В газете стали появляться рисунки художников Брискина и Фомичёва о боевых похождениях смекалистого и хитроумного бойца по фамилии Тёркин. И хотя Вася Тёркин изначально был карикатурным, шаржевым персонажем, а помещённые под рисунками стихи Н. Тихонова, С. Маршака, Ц. Солодаря носили явно развлекательный характер, читатели сразу полюбили этого героя и стали забрасывать редакцию письмами с просьбой продолжить публикацию весёлых историй про Васю Тёркина.

Образ простого русского парня – добродушного и никогда не унывающего – понравился Александру Трифоновичу, и он сделал его сатирическим персонажем своих стихотворений-фельетонов, которые периодически публиковались в газете «На страже Родины». Тогда поэт ещё и подумать не мог, что совсем скоро Василий Тёркин станет героем одного из самых главных и самых известных его произведений...

С первых дней Великой Отечественной войны А.Т. Твардовский на фронте. 23 июня 1941 года в Главном Политуправлении Красной Армии вместе с группой других писателей и поэтов он получил предписание отправиться в Киев. Известный поэт Евгений Долматовский вспоминал: «...А.Т. Твардовский имел звание майора, и как старший по званию он становился старшиной нашей маленькой литературной команды, которая направлялась в Киев, в штаб Киевского Особого Военного округа, ставшего уже тыловой базой Юго-Западного направления. А.Т. Твардовский получил назначение в редакцию фронтовой газеты «Красная Армия».

В редакции «Красной Армии» Твардовский делал всё, что положено делать журналисту: правил заметки, дежурил по номеру, был на рассвете «свежей головой», вычитывающей первый пробный экземпляр номера газеты, писал передовицы, очерки, фельетоны, статьи. Регулярно печатались в газете и его новые стихи.

В октябре 1941 года редакция «Красной Армии» перебазировалась с Украины в Воронеж, но в пути была сделана длительная (почти на месяц), вынужденная остановка. С 25 октября и почти до середины ноября 1941 года редакционный поезд газеты «Красная Армия» стоял на запасных путях станции Валуйки. И, по-видимому, именно в эти осенние, тревожные дни, когда враг подбирался к самому сердцу Родины – Москве, Александр Трифонович решил переосмыслить запавший ему в душу образ весёлого и простоватого парня Васи Тёркина, превратив его из карикатурного персонажа в обобщённый

символ русского солдата, олицетворяющего русский национальный характер. Во всяком случае, многие исследователи творчества Твардовского считают, что первые главы «Василия Тёркина» написаны именно на валуйской земле. Тем более что в этот же период на страницах «Красной Армии» печатались произведения Твардовского, героями которых были непосредственные предшественники Василия Тёркина – казак Иван Гвоздев и партизан Дед Данила. Позднее сам автор оценивал эти публикации как подготовительную работу к созданию «Книги про бойца»...

Весной 1942-го Твардовский вернулся в Москву. Здесь он продолжил работу над поэмой, собирая воедино уже написанные главы, а также разрозненные записи и наброски. «Война всерьёз, и поэзия должна быть всерьёз» – записывает он в своём дневнике. 4 сентября 1942 года началась публикация первых глав поэмы в газете Западного фронта «Красноармейская правда».

Поэма получает известность, её перепечатывают «Правда», «Известия», «Знамя». Отрывки из поэмы звучат по радио в исполнении Юрия Левитана. Тогда же появились и известные иллюстрации, созданные художником Орестом Верейским. Твардовский встречается с солдатами, посещает с творческими вечерами госпитали и трудовые коллективы. И всюду чтение поэмы о Василии Тёркине имеет огромный, оглушительный успех у слушателей. Когда в 1943 году поэт решил закончить поэму, он получил множество писем, в которых читатели требовали продолжения. В итоге поэма была завершена в 1945 году одновременно с окончанием войны. А в следующем, 1946-м Александр Трифонович за «Книгу о бойце» был удостоен Сталинской премии.

Твардовский имел полное право считать «Василия Тёркина» своим весомым вкладом в общую победу народа над врагом. Вот как он сам оценивал значение своей бессмертной поэмы в ответе читателям «Как был написан “Василий Тёркин”»: «Каково бы ни было её собственно литературное значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринуждённой форме изложения. “Тёркин” был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

Александр Осыков

ВЕРЛИБРЫ

***
А может быть, наша Вселенная –
Это всего лишь молекула
Воды, океан наполняющей
Какого-то мира иного,
Который молекула сам.

***
Падающая звезда
Чертит в небе
Сверкающий автограф
Прощальной улыбки.

Холодно.

***

За Родину павшие воины –
И есть наша крестная сила,
Святая,
Небесная рать.

***

Играю в шахматы
С маленьким сыном.
Радуюсь
Своему проигрышу...

***

Старая женщина,
Прикладывая к уху раковину,
Привезённую сыном из Крыма,
Слышит шелест прибоя
И вспоминает море,
Которое никогда не видела...

***

Лунной ночью
Влюблённый мальчишка
Обламывает под моим окном сирень
Для своей девчонки...
Что бы им ещё подарить?..

***

В замысловатом узоре обоев,
Как на картине Дали,
Проступает профиль Вольтера,
А я словно невольник –
Прикован ангиной к постели...

***

Вижу в зеркале своё отраженье
И удивляюсь:
Куда же подевался
Знакомый худенький мальчишка
С непокорным чубом?..

***

Торопливо поднимаясь по узкой лестнице,
Догоняю старика,
Который пропускает меня вперёд...

Когда-то и мне некуда будет спешить...

***

На лице рассмеявшегося человека
Долго теплится свет белозубой улыбки,
А в глазах тлеют искорки радости,
Словно угли догорающего костра.

***

Много радости всем подарил
Богатый и щедрый август.
Не скупись же, сентябрь,
Побалуй хоть бабьим летом.

***

Грозовые тучи,
Словно спелые грозди,
Наливаясь дождём,
К земле клонятся.

***

Из дальней поездки вернулся.
Обнял сына, на руки поднял.
А он мне шепчет:
– Мы соскучились.
И я, и мама, и Дружок.
И даже книжки на твоём столе...

***

1
Я придумал тебя:
Голос, улыбка, взгляд,
Мысли, стремления, чувства.
Такой я тебя полюбил...
А ты?
Ты ведь совсем другая...

2
Никогда на меня
Ты так не будешь смотреть,
Как я смотрю на тебя –
Ласково, преданно, нежно –
Как ты на другого глядишь...

3
Любовь может быть одинокой,
Любовь может быть счастливой,
Любовь может быть короткой,
И может длинней быть, чем жизнь.

Но любовь не бывает бесплодной,
Ведь она не проходит бесследно –
В самом деле, она бессмертна –
И когда умирает в сердце,
В душе остаётся жить!

Сегодня

Бомж
В холодном метро
Спит, прижав к груди
Грязного, тощего котёнка...

Народный депутат,
Позабывший вытереть сальные губы
После скромного обеда в «Пекине»,
Рассуждает о судьбах России...

Чеченка,
Оплакивающая мужа,
Надевает пояс шахида
И идёт минировать
Здание московского театра...

Американский пилот,
С нежностью вспоминающий
О маленьком сыне и жене,
Бомбит Багдад...

Киевский олигарх,
Разбогатевший на торговле с Россией,
С пеной у рта призывает
Истреблять «клятых москалей».

Мир,
Охваченный пандемией,
Обезумел
В предчувствии апокалипсиса.

А Николай Васильевич Гоголь,
Пролетающий над землёй,
Горестно повторяет:
– Скучно на этом свете, господа...

Наталья ПОДЛУЖНАЯ

Родилась и живёт в Белгороде. После окончания Белгородского государственного педагогического института им. М.С. Ольминского преподавала, сейчас работает в библиотеке.
Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических книг: «Сезонные явления в жизни птиц», «Территория осени», «Письма при восходящей луне», «Пристань».

Каникулы

Цвели святые кукареки
над нерушимостью села.
Гонял хохлушек* пёсик пегий.
Баб-Зина коржики пекла,
в ведре варила кукурузу.
На дух сходились, дух манил.
И ели досыта, от пуза,
до розстібаннія штанів**.
Початки цвета канарейки
дышали, паровали. К ним,
смежая розовые веки,
тянулся мордой кот Трофим.

Цвели, гоняли, паровали,
варили, ели... Вновь и вновь.

Вьетнамки***, велик и педали.
Пыль, зной, каникулы, любовь.

**Хохлушка – в значении «курица», «хохлатая птица».*
***До розстібаннія штанів – в переводе с укр. «до расстёгивания штанов».*
****Вьетнамки – сандалии, состоящие из резиновой подошвы и двух ремешков.*

За далями

Напиться бы, водицы бы, напиться из колодца,
умыться, заспокоиться, уснуть, проспать до солнца.

А как над тихой речкою соловушка – мой свет
споёт и смолкнет, выкатить во двор велосипед.

С педалями – за далями... Грунтовками, по пыли.
Чтоб облака скакали бы... Скакали, а не плыли.

Раньше

Пучком травы кувшин усердно тёрла
в тазу. Передник и подкатанный рукав,
платочек белый, кофточка под горло –
моя старушка.
Свежих коржиков накрав,
Бочком-бочком я пробиралась к двери.
В поля и лес носило детку на заре.
Стрижи стрекали, груши пахли-зрели.
Лопух мясистей был, а клевер – розовей.

***

Не припомнить час рожденья,
и неведом смерти час.

Листья, стебли и коренья –
по углам. Стоит свеча
на столе. В печи умолкло,
ходит кот по чердаку.
Фортки скрип. Торчит иголка
из замазки. Бураку
ты натёрла. То ли в полночь?
То ли он вовек натёрт?

Слёзы застят – по́лным-по́лно.
Дом нетоплен, тих. Он мёртв.
На порожке, прям за дверью,
кто стоит?! Убивец, что ль?
Не проверю – не поверю.

Жизнь, как песня и юдоль
у домов, людей и ночью
тёртых свиньям бураков.
В час означен крикнет кочет.
Жил ли, не́ жил – был таков.

Евгений ПРАСОЛОВ

Родился 20 февраля 1941 года. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, поэт, прозаик. Печатался в губкинских, белгородских, московских газетах и журналах. Автор сборников стихотворений «Люди любовью живы», «Завороженные дали», «Две судьбы у меня» и др. Живёт в Губкине.

***

Люди – любовью живы.
Живы любовью светлой,
Бурною, как разливы,
Страстною,
безответной.
Люди любовью живы.
Ей имена давая,
То назовут «несчастливой»,
То изрекут – «неземная!».
Только всё лишне это,
Нас многословье губит.
Просто, как вспышка света:
«Любит – не любит,
Любит – не любит,
Любит!...»

Закат

Закатом небо окрасится,
И выдастся ночь звёздная,
По тонкому льду занастится
Дорога моя поздняя.

На том берегу устало
Затихнут печальные звуки,
И так, вдруг покажется, мало
Твои целовал я руки.

Не все мы судьбой обласканы,
Надеждами грезим новыми…
Закат догорает красками –
То синими,
То лиловыми.

***

Будет так: подует с юга ветер,
Свет с небес
прольётся голубой.
Будет так:
на всём на белом свете
Мы одни окажемся с тобой.
И, полны весеннего восторга,
Побегут к нам вешние ручьи
И за холод зимний
будут долго
Извиненья приносить свои.
И для нас
подснежником протает
Еле видный след твой на лыжне.
Будет так,
ты мне поверь, родная!
Так всегда бывает по весне.

***

Покорю твою гордость,
Воспою твою нежность.
Ты поверишь в меня
Как в свою неизбежность.
И к тебе прикоснусь я,
Будто к музыке светлой –
Вздрогнешь трепетно ты
У черты, у запретной.

И в горячем дыханье,
Словно стон обновленья,
Будет биться мой стих,
Как твоё продолженье.

***

Каждый день,
как раскаянья тень,
Осеняет нас крохами мудрости.
Только вновь –
загорается день,
И мы делаем новые глупости.
На исходе ж и этого дня,
Руки вкруг над собой
смыкая,
Оправдаем мы вновь себя,
Обязательно оправдаем.
А иначе зачем звенят
Соловьиные трели эти?
В суете промелькнувшего дня
Вновь не мог я
твой взгляд не заметить.

Ласточка

Ласточка в мой терем залетала,
Нарушала тихий мой покой,
Ласковое что-то щебетала,
Трепетала под моей рукой.

Но легко от плена ускользала,
Грусть селя неясную во мне…
И опять куда-то исчезала,
В заоконной тая синеве.

Светлана Пронина

Родилась в 1959 году в г. Изюм Харьковской области. Окончила Белгородский технологический институт по специальности инженер-экономист. Автор книг рассказов «Когда цветёт боярышник», «Улетели листья с тополей», «Свет белой лилии» и др. Член Союза писателей России.
Живёт в Белгороде.

«НА ТЕБЕ СОШЁЛСЯ КЛИНОМ БЕЛЫЙ СВЕТ...»

Анна очень обрадовалась, когда позвонил Игорь и сообщил, что возвращается из командировки. В последнее время он уезжал на месяц-два, а то и на полгода. Анне это не нравилось, но со временем она смирилась и жила в счастливом ожидании редких встреч. Недолгих, но таких для неё дорогих. Смысл её жизни заключался в этих встречах.

К приезду Игоря Анна старалась, насколько это было возможно, приукрасить свою комнату в общежитии, где жила с двумя девушками, работавшими вместе с ней на заводе.

«На тебе сошёлся клином белый свет, белый свет...» – когда-то давно, когда Анна была ещё совсем маленькой, пела Майя Кристалинская, и ей нравились эта песня, эти слова и то, что на Геннадии сошёлся клином весь её белый свет.

Анна Царёва была невысокая, щупленькая, можно сказать, невзрачная девушка. Но, познакомившись с Игорем, стала ходить с широко расправленными плечами и высоко поднятой головой, словно была царицей, владычицей всего мира. Даже не царевной, а именно царицей – под стать своей фамилии. А Игорь внешне был настолько похож на артиста Олега Янковского, что однажды, когда он был в командировке в Москве, к нему подошли девушки и попросили автограф. Поэтому после их знакомства кинофильм «Полёты во сне и наяву» стал самым любимым для Анны, и она могла смотреть его много раз подряд.

И вот наконец долгожданный звонок в дверь. Анна бросилась открывать. Игорь стоял на пороге с букетом гвоздик и тортом. Вошёл, поцеловал её в щёку, отдал подарки. Но Анна взяла его под руку, прижалась к плечу щекой, переполненная нежностью:

– Ой как я соскучилась! – и заглянула ему в глаза.

– Подожди, подожди, дай-ка хоть раздеться, – он высвободил руку. – О, а чего это ты такая разнаряженная? – удивился он.

На Анне было облегающее тёмно-синее бархатное платье, на ногах – чёрные замшевые туфли, длинные волосы уложены в высокую замысловатую причёску.

– Я думала, что ты меня с днём рождения будешь поздравлять... Хоть он и был уже неделю назад... – наморщив лоб, сказала Анна.

– Ой, а я уже, честно говоря, забыл! – смутился он.

– Да ладно, – сказала Анна,– не переживай, ты же по телефону поздравлял, пойдём на кухню.

– Это самое... Ну, в общем, подарок... за мной ещё подарок... – промямлил Игорь.

– Лучший мой подарочек – это ты, – засмеялась Анна. Усадила его за стол, налила окрошки, подала хлеб. Игорь ел, а Анна сидела и внимательно смотрела на него.

– Ты чего? – спросил он.

– Да так, соскучилась...

– А чего сама не ешь?

– Хочу на тебя насмотреться... Ты же завтра снова уезжаешь... – то ли подтвердила, то ли спросила она.

– Угу, – он кивнул головой.

Поев, Игорь долго рассказывал о случаях, произошедших на работе за два месяца, что они не виделись. Анне было приятно сидеть и слушать его. Вдруг он спросил:

– А твои девчата никуда не уехали?

– Куда им ехать? А что случилось?

– Я у матери остановился, а свою квартиру сдал на полгода. Одной семье... Так что мне тебя некуда сегодня пригласить.

– Да? – грустно вздохнула Анна.

Она сначала огорчилась, а потом, подумав, решила, что, как говорится, всё, что ни делается, – к лучшему. Игорь продолжал рассказывать о работе и вдруг прервал рассказ на полуслове:

– Знаешь, там, – он неопределённо махнул рукой, – одна тоже сказала, что я похож на Янковского... Короче, я там с женщиной познакомился... Короче, жил с ней, – промямлил он.

– С женщиной? – глупо улыбаясь, спросила Анна.

– Да, с женщиной. Понимаешь...

Обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Потом Анна твёрдо сказала: «Иди!»

– Что? – не понял он.

– Тебе пора, уже поздно, – тихо сказала она.

На этот раз он всё понял – засуетился, засобирался.

Она подала ему шарф, постаралась улыбнуться, поблагодарила за то, что он пришёл проведать её. Анна закрыла за Игорем дверь, подошла к окну, невидящим взглядом посмотрела на улицу и попросила у Бога одного – слёз. Боль, заполнившая её сердце, была огромна и продолжала расти. Анне казалось, что сердце разлетится сейчас на тысячу осколков. «Наверное, вот оттого, что сердце может так болеть, говорят – “разбить сердце”, “сердце раскололось на части”»,– подумалось ей. Анна просила слёз, но их не было. Она стала причитать, как будто кто-то мог её услышать и утешить. И слёзы закапали. Сперва робко, несмело, словно первая весенняя капель, потом, становясь всё обильнее, полились потоком.

Анна почувствовала себя лучше, но её стал бить озноб. Она легла на диван, укрылась с головой пледом, хотелось провалиться сквозь землю, а лучше сразу умереть... Она долго лежала, безучастно глядя в потолок.

Прошёл час, два... На смену безразличию пришла ненависть.

– Ненавижу! Ненавижу! – срывались слова с губ Анны.

Ненависть её стала душить. Анна расстегнула верхнюю пуговицу платья, вторую, но дышать было всё равно трудно.

– Господи, пусть меня покинет ненависть! Помоги мне простить его! Молю, дай мне любви! – Из глаз Анны снова хлынули слёзы.

Постепенно в душе воцарились тишина и покой, словно там, на небесах, её вправду кто-то услышал и откликнулся на её молитву.

Она ещё долго сидела и молча смотрела в окно, потом встала, подошла к телефону и набрала номер Игоря.

– Алло,– послышался знакомый голос на другом конце провода. – Алло-о-о...

– Завтра утром на рассвете я прочитаю дорожную молитву, чтобы дорога твоя была ровная и гладкая, а ты удачлив и счастлив, – сказала она и положила трубку, не дождавшись ответа.

Уснув, Анна всю ночь проспала спокойно и сладко, как в детстве.

МАМА, МИЛАЯ МАМА...

Утро. Сквозь сон слышу пение петуха, чувствую, как заглядывающее в окно солнце согревает мою левую щёку. Потом улавливаю знакомый запах мяты и молока, он подплывает всё ближе и ближе, но мне лень открыть глаза. Ты склоняешься надо мной и целуешь в щёку. Моя щека теплеет – то ли её согрело солнце, то ли твой поцелуй. Я открываю глаза и улыбаюсь. Мама, мама! Жаль, что я ещё не умею говорить, но я знаю, что это ты. И ты – рядом. Поэтому мне так светло и тепло. Ты такая молодая и красивая. На нас в окно смотрят кремовые мальвы.

Полдень. Колёса поезда стучат на стыках, отмеряя расстояние и время. Я еду к тебе, мама. За окном мелькают перелески, а к железнодорожному полотну подступили травы. Ветер вносит в вагон запахи чабреца и медуницы, а дома будет пахнуть пирогами, моими любимыми, с абрикосами. А ты, мама, будешь сидеть, положив натруженные руки на колени, и слушать мой рассказ. Вокруг твоих лучистых глаз морщинки, на лице их тоже много-много.

...Я сама давно уже мама. Выросла выше тебя, но когда тебя нет рядом, маленькой и беззащитной, мне трудно и неспокойно. Ты выслушаешь меня, погладишь, как в детстве, по голове, и мне станет легче.

Вечер. Дневные звуки стихают, и уже слышно, как стрекочут цикады. Сумерки медленно подползают к ногам. «Мама, где ты?» – раздаётся в тишине. Чей это голос? Я зову свою маму или мои взрослые дети окликают меня?

Огромная земля лежит под нашими ногами, и такая же огромная небесная твердь распростёрлась над нами. Мама, ты всё! Ты вмещаешь в себя всё это – поля и леса, моря и реки, солнце, месяц, звёзды, прошлое, настоящее... и будущее тоже. В тебе заключена бесконечность.

ДУША, НУ ЧТО ТЫ?

Душа, ну что ты так затрепетала? Радуешься солнцу, зелени травы? Так бывает весной, когда вместе с выклёвывающимися, нежными ещё листочками откуда-то из глубины твоего естества поднимается неимоверная щемящая нежность. Ты, словно пушинка, подхваченная ласковым воздушным потоком, паришь над землёю.

Душа открывается для любви, хочется обнять тёплое солнце, лёгкий ветер, всех людей: и строгого вагоновожатого, и пыхтящего в пелёнках младенца, и даже недовольно бубнящего пассажира – хочется подойти и поцеловать зануду в носик.

Ты захлёбываешься счастьем и радостью, трепещешь от ожидания и нетерпения. Душа замирает в предвкушении чуда, в ожидании чего-то нового, чистого, светлого.

У некоторых народов чувство «любовь» ассоциируется не с сердцем, а с печенью. О влюблённом говорят: у него горячая печень. Да и немудрено – любовь охватывает, зажигает всего человека полностью.

Душа, ну что ты? Остынь! Ты обманулась... Это лишь бабье лето, а уже завтра солнце заволокут тучи, будет идти нудный дождик, в мире воцарится серый цвет. А скоро придёт ему на смену и цвет савана – всепоглощающий белый...

Владислав РЕЗНИКОВ

Родился в 1978 году в Белгороде. Пишет прозу. Публиковался в журналах «Дружба народов» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Московский вестник» (Москва), «Роман-журнал XXI век» (Москва), «Кольцо А» (Москва) и др. Автор книг прозы «Знаки пустоты» (Москва, фонд СЭИП, 2015), «Нутрь» (Белгород, Константа, 2015).

САНЬКИНЫ САНКИ

От самого подъезда через весь двор наискосок в горочку тянется узкая тропка. По ней все ходят на работу, в универмаг, на рынок, на почтамт – вверх, а возвращаются – вниз. Скоро эта горочка будет заснеженной, залитой льдом и заполненной галдящей детворой, а тропка исчезнет до весны, когда первая трава начнёт несмело очерчивать её контур. Но пока зима, придётся в обход по дорожке вдоль подъездов ходить осторожно, чтобы не быть сбитым маленьким весёлым вихрем, неудержимым, каким много лет назад кому-то казался я сам.

В моём дворе горка покатая и некрутая. Для получения настоящих острых ощущений мы пацанами бегали в соседний двор, где уклон такой, что казался не меньше сорока пяти градусов, и разгон получался что надо. Катались и на санках, и на «тарелках», стоя на ногах, лёжа головой вперёд на животе, лёжа головой назад, подобно спортсмену санного спорта, ныряя вниз щучкой, сидя на картонках и просто на пятой точке.

Но не на той крутой горке, а именно на этой, покатой, мне первый раз в жизни выбили зуб. Передний центральный резец. Правый. Всего я лишался этого зуба трижды. И каждый раз – вдрызг! – целиком и навылет.

Был чудесный зимний вечер. Новогодние каникулы, выходной день или какой, уже не вспомню. Шумная толпа мальчишек на горке постепенно редела. Кого-то родители зазывали с крыльца подъезда, кого-то прямо из окон под предлогом ужина или что уже поздно, кто-то сам понимал, что пора уже идти отдыхать. Всё ж задора в детской душе много больше, чем сил в юном организме.

В итоге на горке остались только я и Санька Румянич из четвёртого подъезда с пятого этажа – двое, кого не позвали домой, и у кого до сих пор не

сработал внутренний сигнал, что пора закругляться. Мама моя задерживалась на работе, а бабушка с дедушкой читали, наверное, свои газеты и просто про меня забыли. У Саньки, должно быть, тоже мама задерживалась, а папа читал газету или увлёкся телепередачей...

Но вот, скатившись по последнему разу, едва ли не одновременно мы сказали: «Ну, пойдём? Пойдём!». Рассмеялись тому, что у дурачков мысли сходятся, и пошли в свой двор.

Два заснеженных маленьких человека с горячими розовыми яблоками на щеках и потными волосами в растрёпанных ушанках. Умотанные подъёмами в горку, но радостные от скоростных спусков, перехватывающих дыхание. Я шёл с пустыми руками и улыбался, чуть ли не в голос, громко выдыхая струи воздуха, клубящиеся на морозе и вылетающие на целый метр. Санька в своём клетчатом пальтишке с одним целым и одним надорванным, торчащим вверх погоном и болтающейся на соплях верхней пуговицей тянул на верёвочке санки и тоже улыбался.

Как два распряжённых разгорячённых молодых коника, вволю наскакавшихся по снежным долам, мы возвращались на ночлег в свои тёплые стойлища.

Напоследок решили всё же ещё разок скатиться с нашей, некрутой горочки. Я разбежался и, нырнув щучкой, съехал вниз на животе по невидимой, но всё же существующей тропинке, обратившейся на зиму широкополосной трассой для санного спорта. Ещё потом прокатился несколько метров колбаской, пока мягко не ткнулся в заборчик, что тянулся вдоль дома, ограждая крошечный палисадник. Так и лежал довольный, чуть живой, без сил и рассматривал звёзды на млечном пути.

Я не слышал, что кричал мне Санька.

Я не помню, кричал ли он что-то вообще, но, повернувшись на бок, лицом к горке, тут же и получил. Одним полозом его санки въехали точно в мой раззявленный радостной улыбкой рот.

Боль была очень непонятной. Боль всегда очень непонятная, когда наступает внезапно, когда не подозреваешь, что прямо сейчас вдруг может стать больно. В эти моменты не знаешь, что делать: то ли начинать истошно кричать, ещё не представляя – от боли или страха от незнания – «са́мо больно» уже наступило или будет ещё больнее, то ли затаиться и не дышать, потому что пока всё же терпимо, но набегут люди и всё увидят...

Тогда я вообще сразу и не понял, что случилось – так и замер, снова откатившись на спину и лёжа с раскрытым ртом.

Лампа тусклого фонаря, что был на столбе неподалёку, вдруг вспыхнула, рассыпалась вдребезги на множество ярчайших искр, и они плясали передо мной, и казалось, что ожил млечный путь. Искры так славно мерцали, величаво перемещались по какой-то замысловатой округлой траектории, что мне хотелось подольше вот так лежать и наблюдать их небесный танец, проследить, что будет дальше, как поведут себя искры или звёзды, куда они поплывут.

Это было чрезвычайно важно!

И, наверное, могло продолжаться бесконечно, если бы не послышались отдалённые всхлипы. Я отвлёкся на слух, и искры фонаря снова стали собираться в цельный бледно светящийся шар, а звёзды на млечном пути нехотя возвращались на свои места и замирали там. Что-то тёплое лениво перетекало у меня внутри рта, я захлебнулся на вдохе и от этого с кашлем и бульканьем в горле сел и подскочил на ноги. Плюнул щедрой порцией крови, которая застыла на заледенелом снегу тёмным отпечатком размером с крупную шоколадную медаль.

В центре этого отпечатка, как свечка в торте, торчал мой зуб. Я сразу понял, что это зуб, даже вопроса «Что это такое?» не возникло. Я просто это знал. Но лишь после того, как увидел свой зуб на снегу в этом кровавом медальоне, в голове и разразилась боль.

Стремительная, режущая, как будто по образовавшейся дырке в ряду зубов продолжали возить чем-то вроде настоящего железного напильника. И ещё так легонько, но невыносимо по напильнику поддалбливали молоточком.

Прежде, чем понял, что это Санька подвывает рядом, сидя на своих санках, я метнулся по сторонам в поисках рыхлого снега. Как назло, он везде был утоптан, укатан, точно асфальт катком. Наконец, отыскав сугроб, упал на колени, осторожно опустил к нему голову, как зверь к водоёму, чтобы напиться. Простоял так, пока не заледенело лицо, а в плечо стал тыкаться Санька.

– Радька, Радька, извини меня, я не специально. Я кричал тебе, а ты не слышал. Санки сами на тебя поехали, я не смог, не успел их развернуть. Радька, я не хотел, извини меня. Тебе сильно больно?

Я вынул лицо из снега, обратил его к Саньке, и тот зарыдал ещё безутешнее.

Санька Румянич, который заводила, который лучше всех кидал ножички и играл в кораблики. Санька – первый задира и забияка нашего двора, слёз которого не видел никто и никогда, стоял и рыдал передо мной, как девчонка. Словно это не в меня, а в него санки въехали. Словно он испытывал мою боль, которая оказалась вполне терпимой и несмертельной.

Но куда уж было мне? Это зрелище так растрогало, что я сам не удержался и разревелся. Не от кровавого натюрморта с моим отлетевшим зубом и не от боли, которая стукала пульсом в десне и сотрясала голову неутихающими толчками, будто санки продолжали потихоньку, но снова и снова въезжать мне в лицо. А от вида плачущего Саньки Румянича.

– Не плачь, Радька! – ещё громче заныл Санька.

– И ...ы не ...лачь, Санька! – застонал я, теряя звуки в словах, а Санька прозвучало как Фанька.

– У меня папка пьяный дома, водку пьёт, – проскулил Санька-Фанька, всхлипывая и через силу справляясь с голосом, – он убьёт меня, если узнает,

что это я. Он мамку бьёт, мамка плачет, она уже все ножи от него попрятала. Боится, зарежет.

– Я ...ыкому ...э фкаву, Фанька, тефтно.

Не знаю, разобрал ли Санька что-то в каше напутанных звуков или нет, но, сказав это, я по-братски прижал к его себе, крепко, но так, чтоб не перепачкать. Он тоже в ответ вцепился в меня, как в самое ценное сокровище.

В ту минуту для меня не было дороже человека, чем этот хулиганистый, но вдруг такой обычный, беззащитный и беспомощный мальчуган в клетчатом пальто с надорванным погоном и верхней пуговицей, болтавшейся на соплях. Никакой не задира, а обычный, такой же, как и я, мальчик, с которым мы вполне могли быть лучшими друзьями. Мальчик, которому страшно идти домой потому, что там пьяный папка бьёт его маму.

Я тогда мог только это услышать, но не мог понять его чувств и его страха. Ведь у меня папка не пил и никогда не бил маму. И она не боялась, что он её зарежет. Я вообще своего папку ни разу в жизни не видел. Только знал его имя и что мне от него досталась фамилия Ненужный.

– Спасибо, Радик, ты самый настоящий друг! Ты иди домой, наверное, а то у тебя это... – Санька поводил рукой перед своим лицом. – А я похожу тут пока. Мамка потом выйдет, позовёт меня, когда папка пойдёт спать.

А я чувствовал, как у меня под носом всё набухло, как будто под губой выросла ещё одна, живая, пульсирующая, проросла внутрь и заняла половину рта, и я пошёл домой.

Дома бабушка с дедушкой охали и ахали, но сильно не ругали ввиду моего и без того жалкого положения. В тот вечер ещё несколько раз я осторожно, с выключенным светом отодвигал занавески на кухне и смотрел на двор. Там под фонарём печально ходил, пиная снег, Санька Румянич, волоча, как усталого щенка за поводок, свои санки. Вот он медленно забрался на горку, вот так же медленно скатился. А потом схватил санки и быстро побежал к своему подъезду. Наверное, пьяный папка уснул, и позвала мама.

Зуб мой, конечно, вылетел не с корнем, а отломался в том месте, где вылазил из десны. Потом его, конечно, нарастили так, что было не отличить. Но в разные годы по разным причинам он снова вылетал столь же лихо, точно от санькиных санок, катившихся, как по рельсам, по той тропке, что в зиму пряталась под снег и лёд, а весной проглядывала на фоне подступавшей с обеих сторон зелени.

А Саньке я так и оставался самым настоящим другом ещё несколько лет. Он и в драках за меня вступался, и делился постоянно всем, что у него было: от яблок и бутербродов, что давала в школу его мама, до жвачек и сигарет, купленных в ларьке поштучно. Он собирался даже после девятого класса не уходить в бурсу, а остаться в десятый, потому что я решил продолжать учиться в школе. Но этого не случилось. Вечером первого мая девяносто третьего года пьяный папка выбросил его с балкона.

Лидия Руцкая

Лидия Руцкая ведёт активный образ жизни, несмотря на то что с детства является инвалидом первой группы по зрению. На белгородском предприятии Всероссийского общества слепых, где она работала более тридцати лет, участвовала в общественной жизни, художественной самодеятельности. Неоднократно становилась дипломантом различных фестивалей и конкурсов. Автор двух поэтических сборников: «Жизнь прожить – не поле перейти» (2008) и «От сентября до сентября» (2016).

О своём литературном творчестве Лидия Васильевна говорит так: «Пишу я понемногу обо всём: о родном крае, о России, о природе, о любви и просто о жизни. О жизни такой, какая она есть на самом деле, без прикрас».

Курская улица моя!

На Курской улице трудились,
На Курской улице живём.
Мы нашей улицей гордились
И здесь построили свой дом.

И не один, а целый город:
Библиотеку, клуб, цеха…
Наш городок нам очень дорог,
Но в жизни всё не без греха.

Всё, чем гордились – потеряли.
Свободой прикрывая ложь,
Нас белым днём обворовали
И узаконили грабёж.

Ах, улица моя родная,
Бед много выпало тебе.
Но, что бы ни было, я знаю –
Ты главная в моей судьбе.

Посвящение Луи Брайлю

Да славься вечно, Брайль Луи,
Создавший письменный прибор,
Чтоб все незрячие могли
Писать, судьбе наперекор.

Он дал возможность всем слепым
Учиться, знанья получать,
И вопреки сужденьям злым,
Свои мечты осуществлять.

С недугом этим тяжко жить.
Но сила воли и ума
Способна чудо совершить:
И вспыхнет свет, отступит тьма…

Весна опять меня преобразила

Весна опять меня преобразила,
Вдохнула силы свежие и вновь
Хмельным вином природы напоила,
И потекла быстрее в жилах кровь.

Уходят прочь унынье и тревоги.
Ласкает взор зелёная листва.
Блаженствуют мои босые ноги,
Когда их нежит мягкая трава.

Спешу к реке, скорее прыгнуть в воду,
Поплавать и взбодриться под волной.
И полной грудью я вдыхаю воздух,
Насыщенный сосновою смолой.

Ноябрь

Ноябрь. Сгущаются туманы,
И тяжелеют облака.
Сидеть бы да писать романы,
Но гложет сердце грусть-тоска.

Уже деревья обнажились,
Наряд свой сбросили цветной.
И листья в мусор превратились,
В ненужный хлам и перегной.

Промозглый дождь как ситом сеет,
Темно и слякотно вокруг.
С утра как будто вечереет –
И день и ночь смешались вдруг.

И солнце кажется невзрачным,
Когда, пробившись из-за туч,
Слегка скользнёт по крышам мрачным
И спрячется скользящий луч.

Всё ниже небо, птиц не слышно,
И ночи всё длинней, длинней.
Луна как на прогулку вышла,
Но как-то неуютно с ней.

Ноябрь – унынье и тревога.
Но не спеши о том грустить.
И не суди природу строго.
Она весной всё возместит.

Отпусти меня

Не пиши мне больше, не пиши.
От твоих посланий я устала.
И во мне спасенья не ищи.
Всё ушло, о чём я так мечтала.

Не зови меня ты, не зови.
Ведь былое вновь не повторится.
И прошедшей не вернуть любви.
Всё ушло и вновь не возвратится.

Отпусти меня ты, отпусти.
Не сумели мы понять друг друга.
Жизни перепутанной пути
Замела, запорошила вьюга.

Мне не жаль прошедшего, не жаль.
Только бы душа не очерствела,
Да на сердце не легла печаль
От любви, что так и не согрела.

Павел САВИН

Родился в 1939 году в селе Хмызовка Алексеевского района Белгородской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Автор многих сборников стихотворений, в том числе «Песня заката», «Перехлёсты дорог», «Предзимье», «Свет памяти» и др. Печатался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Подъём», «Светоч», газетах «Сельская жизнь», «Литературная Россия» и др. Заслуженный работник культуры. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Член Союза писателей России.

***

Прищурится ночь у порога,
Затихнет корова в хлеву,
И мама с молитвою к Богу
Уходит к святому углу.

Предстанет пред тёмной иконой
Сама, как святая душа,
И в ночь отбивает поклоны,
Застиранным платьем шурша.

Потом перекрестит украдкой,
Поправит усталой рукой
Постель, где мы с маленьким братом
Ночной обретаем покой.

Война по родимой сторонке
Грохочет, не зная границ.
И папин листок-похоронку
Надёжно икона хранит.

Сквозь годы – в хатёнке убогой
Мне чудится прошлого след,
Хоть мама давно теперь с Богом.
И брата со мной уже нет.

А я всё по свету мотаюсь,
Порой не в согласии с ним,
Найти свою веру пытаюсь,
Молитвою мамы храним.

Лампада горит под иконой,
Часы отбивают года…
Но маминых светлых поклонов
Не будет уже никогда.

Листая альбом

Альбомную память листаю
И снова, как в лучшие дни,
Спешу я туда, где оставил
Любви золотые огни.

Мелькают года и страницы,
Где много июлей назад
Из прошлого юные лица
На нас с фотографий глядят.

Как будто обратно вернулась
И мне не прощает вины
Чужая случайная юность
На карточках нашей весны.

Родина

Тихая, скромная, робкая,
Кутаясь в синюю шаль,
Льнёт ко мне малая родина –
Радость моя и печаль.

Весело носятся ласточки,
В речке шумит ребятня,
Щурятся бабки на лавочках,
Силясь припомнить меня.

– Родина, родина, родина –
Сердце, как колокол, бьёт…
Спрятавшись за огородами,
Детство притихло моё.

Волю почуявшим голубем
Память запросится ввысь…
Тихо на белую голову
Жёлтый опустится лист.

Свой час

Свой час – у каждого из нас.
Свой горький час, свои пределы,
Свой при свечах иконостас,
И траур лент, и саван белый.

Но я печалюсь не о том,
Не о безвыходном злосчастье,
А о желании земном –
Успеть со всеми попрощаться.

И дай мне, Господи, успеть
Сказать спасибо добрым людям
Да песни прежние допеть
Для тех, кого мы в жизни любим.

Кто жил со мной, кто горевал
Об искалеченной Державе,
Кто вместе с ней недоедал
И погибал не ради славы.

Спасибо, родина моя,
Что в трудный час и в час удачи
В твоих берёзовых краях
Я в этой жизни что-то значил.

За то, что с детства от сохи
Я познавал на ощупь небо,
Любил свой май, писал стихи,
Хотя обласкан славой не был.

Спасибо, женщина, тебе
За ту постель, что ты мне стелешь,
За то, что ты в моей судьбе
Свой горький час со мной разделишь...

Сентябри

Осенняя ясная мудрость!
С тобой я, как с песней, знаком…
Вот снова сентябрьское утро
Зовёт меня школьным звонком.

Навалятся снова заботы
С извечным обилием нужд.
И станут судьбой и оплотом
Десятки непознанных душ.

Десятки умов непослушных,
Что надобно сделать людьми…
И будут Есенин и Пушкин
Вести их в науку любви.

И в школьном течении буден
Дано мне почувствовать вновь,
Что тем благороднее люди,
Чем выше их вера в любовь.

А в памяти, не умолкая,
С годами щедрей и добрей
Звенят озорными звонками
Все тридцать моих сентябрей…

Светлана Сергеева

Параллельно научно-исследовательской работе в сфере экономики и финансов занимается художественной литературой. Пишет стихи и прозу. Имеет публикации в литературных молодёжных альманахах и журналах.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ С ХОРОШИМ КОНЦОМ

В последнюю августовскую неделю плотные серые облака затянули небо и поглотили ещё не остывший от жаркого лета солнечный свет. Весь сентябрь шли дожди, унылые и холодные, и город, продрогший до последней ветхой крыши, до последнего подвального кота, уже не ждал пощады от сырости до наступления морозов. Поэтому сегодняшний день стал настоящим подарком для утомлённых людей, больше месяца не видевших над своей головой ясного неба.

Дождь прекратился также внезапно, как и начался. Молодая женщина, ничем особо не выделявшаяся среди серой безликой толпы, спешащей, как и она, после работы домой, вырвалась из плотного потока людей и свернула в переулок. Там она замедлила шаг, поправила съехавший с головы берет, посмотрела вверх и улыбнулась солнцу.

Если бы в это время на неё взглянул какой-нибудь случайно оказавшийся поблизости человек, внимательный и хотя бы немного наделённый художественным воображением, он наверняка бы нашёл эту женщину очень привлекательной, даже красивой. Хрупкая фигура, укутанная в серый плащ, обычно терялась, оставаясь незамеченной на фоне ярких, крикливо одетых современных барышень, которые в любую погоду встречаются на городских улицах.

А здесь кроме неё никого не было, высокоскоростные магистрали человеческого улья, во время движения по которым срывается с плеч, выдувается из волос и складок одежды любая индивидуальность, были оставлены позади, и в одиноком переулке уже ничто не мешало рассмотреть неповторимость этой молодой женщины.

Правда, рассматривать это было некому, художники и романтичные принцы редко проходили этой дорогой, и она в полном одиночестве шла дальше, перепрыгивая через лужи и размахивая висящим на запястье сложенным зонтиком.

Слабый ветерок немного просушил воздух, пахнущий прелыми листьями. Дышать стало легче, идти веселее.

Возле своего подъезда молодая женщина перехватила зонтик подмышку и на ходу стала искать в сумочке ключи, но они никак не находились. Женщина остановилась, минуту поискала ещё, а потом подошла к стоящей у подъезда скамейке и поставила сумку с решительным намерением произвести её полную инвентаризацию.

Тем временем за всем происходившим наблюдали двое. Бабулька, сидящая на противоположной скамейке, на вид лет восьмидесяти, в выцветшем пальто с воротником странного ярко-зелёного цвета и серой пуховой шали на голове, и маленькая собачка, лежащая под этой же скамейкой.

– Что, дочка, никак потеряла что-то? – спросила бабулька неожиданно звучным голосом.

– Да, ключи от квартиры найти не могу, здравствуйте, простите, я неделю назад переехала в этот дом и ещё не знаю всех соседей, – соединив ответ и приветствие, произнесла женщина.

– И я смотрю, что-то раньше вас не видела, хотя всех в этом доме знаю. Вы вместо кого будете?

– Я из 45-й, не знаю, кто жил в ней до меня.

Бабулька до этого приветливо улыбалась, но, услышав номер квартиры, странно изменилась в лице, почмокала морщинистыми губами и стала смотреть куда-то в сторону.

– А меня Мариной зовут, – оборвала неловкое молчание женщина.

Бабулька кивнула, но разговор явно замялся.

В это время из-под скамейки вылезла собака. Она оказалась ещё меньше, чем показалась вначале.

Это было существо размером чуть больше кошки с когда-то густой и рыжей, а теперь бурой, свалявшейся в комок шерстью и слезящимися карими глазами. Марина достала из сумки оставшийся от обеда кусок «докторской» и протянула собаке. Животное недоверчиво посмотрело на дарительницу щедрого угощения, но колбаса слишком вкусно пахла, чтобы от неё отказаться.

Бабулька вздохнула и, обращаясь не то к девушке, не то к собаке, сказала:

– Плохо стало без Ивана Матвеевича. – И опять замолчала.

– А это кто? – спросила Марина.

– А вы разве не знаете эту историю?! – бабулька вышла из «комы» и оживилась.

– Об этом полгода назад весь город говорил, во всех местных газетах писали! В квартире вашей он раньше жил.

– Я приехала сюда из Курчатова и ничего не знаю, а что случилось?

Марина почувствовала, что сейчас услышит что-то обязательно плохое, так как по опыту знала: что-то хорошее от «скамеечных бабушек» услышать просто нереально. Они словно аккумулировали в себе негативную информацию, которую им удавалось собрать; все слухи, ползущие по земле, все странные истории, притаившиеся на чердаках домов, иногда от зависти, иногда от бессильной злобы на весь мир, а чаще просто от скуки жадно ловились глуховатыми ушами, высматривались выцветшими глазами, от чего искажались, приобретая новые, безобразные очертания.

– Он умер три месяца тому назад, – сказала бабулька. – Квартира пустовала некоторое время, пока решали, что с ней делать. Родственников у Матвеевича не было, а Жулька (она указала морщинистой рукой на собачку, уже доевшую подаренную колбасу и снова сжавшуюся в комок под скамейкой) осталась на улице. Я помню, как она всю ночь выла, когда Матвеевича не стало. Почуяла, значит. Он её любил очень, подобрал у помойки слепым щенком, как младенца из бутылочки выкормил. Сколько его помню, Жуля всегда рядом с ним была, у него кроме неё никого не было, и у Жули кроме него – никого, так и жили вместе, вместе старились.

– Так он от старости умер? – решила прервать монолог Марина.

– Говорят, сердце не выдержало, он переживал сильно о случившемся, так в тюрьме и скончался.

– В тюрьме?! – переспросила девушка.

Она была удивлена более неприятно, чем предполагала. Ей совсем не хотелось, чтобы первая в жизни квартира, ставшая символом начала самостоятельной жизни, имела тёмное прошлое.

– Да, а ведь сколько лет притворялся хорошим человеком! Я его даже как-то раз пирогами домашними угощала. Матвеевич раньше столяром был, на все руки мастером. На работе уважали, и дворовые мальчишки любили, он для них из дерева разные игрушки вырезал. А потом на работе ему случайно палец пилой отрезало, работать как прежде больше не мог, и его уволили. Стал на старости лет случайными заработками перебиваться: и грузчиком, и дворником подрабатывал, а в ноябре прошлого года в зверинец сторожем устроился. Летом зверинец по стране колесит, а к осени сюда, домой, приезжает, до следующего сезона. И слышала я – люди говорили – не заладилось сразу что-то у Матвеевича с хозяином того зверинца. Да и сам он рассказывал. Сбежал как-то у них кабанчик. Служащий плохо клетку закрыл, он и вылез. Ловили его, еле поймали. Хозяину позвонил кто-то, видно, самый ответственный, он приехал и, не разобравшись, накинулся на Матвеевича, который только что на ночное дежурство пришёл и ничего не знал. Ударил его по лицу, кричал, что это он виноват и чтобы не смел оправдываться. И вот чем всё это кончилось – убийством! – закончила бабулька, выразительно причмокнув губами.

– Вы думаете, Иван Матвеевич так расквитался со своим обидчиком?

– Не иначе как так. Его добрым человеком считали, а он преступником оказался. Помню, рассказывал, как в молодости по тайге ходил, ягоды, кедровые шишки собирал, и навстречу ему олень выскочил – шкура на солнце блестит, глаза-миндалины словно два омута, посмотрел на деда и бесшумно, одним прыжком, скрылся за деревьями. Так Матвеевич жалел, что фоторужья с собой не было! – бабулька сделала акцент на слове «фоторужьё» и, видимо, для большего устрашения, вытаращила глаза.

Бабулька явно не отличала фотоаппараты от автоматов, но даже если бы ей и объяснили разницу, ей было бы всё равно, она бы не изменила точки зрения, которая так её устраивала. Она продолжала:

– Матвеевич мало того что человека пристрелил, так ещё со злости, видно, чтобы сильнее отомстить, ползверинца выпустил, остались в клетках только два волка и ещё кто-то, не помню. Всех не успел выпустить – милиция приехала. Кто-то из окна видел, как под вечер в зверинец пьяный хозяин приехал, потом слышал с той стороны жуткий собачий визг, а чуть позже выстрел. Народ туда сбежался, мне Клавдия Петровна рассказывала, видели, как раненого хозяина на «скорой» увозили, он через день в больнице скончался, видели деда – на земле сидел, двустволка рядом валялась, и собака там ещё была, задушенная верёвкой, с хвостом отрубленным, непонятно, откуда она там взялась. К Матвеевичу подбежал один парень, здоровый, в униформе, ударил его по голове, повалил на землю и руки за спиной скрутил, чтобы преступник больше не убил никого. И правильно! А то сидит, смирным притворяется, а вдруг как снова вскочит? А зверей всех потом быстро переловили. Они же воли не знают, убегать и прятаться не умеют.

Марина слушала, её лицо мрачнело. Бабулька, конечно, этого не заметила, она была слишком увлечена собственным рассказом. Ей доставляло большое удовольствие пересказывать историю, которую она по три раза уже рассказала всем, новому слушателю.

– Вы начали рассказ о безобидном дедушке, а закончили о безжалостном убийце. Неужели вы действительно верите в этот плохой анекдот, что можно долго притворяться хорошим человеком?!

Марина произнесла это жёстко и сразу же пожалела об этом. Было бесполезно и глупо возмущаться недалёкой и равнодушной ко всему, кроме собственных болячек, бабулькой. Не бабкой, не старухой, а именно бабулькой, каких сотни в каждом городе и которые не виноваты в том, что больно всё общество.

Конечно, бабулька не нашлась что ответить странной, показавшейся вначале такой милой, женщине. В это время поднялся сильный ветер, «скамеечная» сплетница засобиралась домой. А Марина, поёжившись, засунула руки

в карманы, в одном из них сразу же обнаружила злополучные ключи и тоже поспешила в тёплый подъезд.

Собачка, ставшая невольным свидетелем этого разговора, так логически и не завершённого, но оставившего у обеих собеседниц друг о друге неприятное впечатление, осталась лежать под скамейкой, где ей и предстояло провести ещё одну ночь, каждая из которых могла стать для неё последней. Если на прошлой неделе ей чудом удалось спастись от молодчиков из отряда отлова бродячих собак, то через три-четыре недели она всё равно околеет от истощения и холода.

Жулька всю свою жизнь прожила с человеком, она не умела заботиться о своём пропитании, не умела находить лазейки в тёплые подвалы, как другие собаки, у которых никогда не было дома, и у неё не было ни единого шанса пережить эту зиму.

Марина спала эту ночь плохо. Ей снились собаки. Много, много собак, белых, рыжих, чёрных. Они лаяли, скулили, как будто хотели что-то сказать, и в глазах каждой из них были слёзы. Нет, глаза не слезились, это были настоящие слёзы... И почему человек считает, что только он способен по-настоящему плакать, чувствовать, переживать?

Утро было, как всегда, пасмурное, и вчерашний солнечный день показался смутным воспоминанием. Только место дождя сегодня занял тяжёлый сырой туман.

Была суббота. Марина позавтракала, быстро оделась, взяла первый попавшийся под руку пакет с неестественно широко улыбающейся дамой в купальнике. «Будет холодно, – сказала ей Марина, – но ты потерпи». Кинула в пакет кошелёк, закрыла квартиру и выбежала на улицу.

«Зачем я туда иду?» – думала по дороге и сама себе отвечала: «Потому что мне не всё равно, потому что мне не наплевать как большинству!».

Марина купила билет. Прочитала яркую вывеску, прикреплённую над входом, «Посетите наш зверинец. Добро пожаловать в мир дикой природы!» и про себя грустно усмехнулась: «Где дикая природа? Вон там, за ржавыми решётками?!».

Подошла к первой клетке.

Надпись гласила: «Макак резус (Macacusmulatta), семейство мартышковые. Распространён от пустынь восточного Афганистана до лесов Индокитая, Южного Китая и Северного Таиланда».

Обезьяна прыгала по тесной, загаженной, вонючей клетке и развлекала зрителей своими ужимками. Животное, конечно, не могло догадаться, почему имеет такой успех, но брошенные яблоки и печенье подсказывали, что она ведёт себя правильно, и обезьяна продолжала кривляться и гримасничать.

Верблюд лежал на подстилке из несвежего сена, его глаза были закрыты. Марина присмотрелась к нему: он явно был нездоров. Но никто, кроме неё, не видел этого (или не хотел видеть), дети и взрослые тыкали ему в морду кто прелым сеном, кто просто – палкой.

Самая догадливая тётенька бросила ему конфету прямо в обёртке. Потом сфотографировала на фоне полудохлого верблюда своего ребёнка, не прекращающего жевать сладкую вату, и очень довольная собой пошла к клетке с дикими свиньями.

Марина не могла понять этих людей, что они находят хорошего и приятного для себя в этом ужасном месте?! Ведь это же тюрьма! Никто из людей не хотел бы попасть за решётку, ведь это страшное наказание... так в чём же провинились эти несчастные звери?!

Марина вспомнила, как бабулька рассказывала про оленя, случайно выскочившего к Матвеевичу из леса. Шерсть блестит, красивый, сильный, вольный зверь, рождённый в лесу вольной матерью, выросший в лесу на сочной свежей траве, проточной родниковой воде. Так какое право мы имеем вырывать его из природной стихии и возить в трясущихся грязных повозках ради забавы и денег?!

Иван Матвеевич был хорошим человеком, он им и остался. Он не хотел убивать хозяина зверинца, конечно, это вышло случайно, скорее всего, было спровоцировано жестокой пьяной выходкой хозяина (вовсе не случайно оказался на месте происшествия труп придушенной собаки).

Пусть Матвеевич избрал не самый верный путь борьбы со злом, и на место старого пришёл новый, точно такой же «Хозяин», но то, что нужно активно действовать, бороться – это верно.

Марина обвела взглядом территорию, окружённую кольцом повозок с клетками, установленными на них. Ей захотелось немедленно уйти отсюда, убежать от этих глаз, внимательных и всё понимающих, тоскливых и отчаянных, и самых страшных – безнадёжно спокойных глаз, наблюдающих за ней сквозь прутья клеток.

Марина поспешила к выходу, не закончив до конца осмотр. Около самого выхода её взгляд привлекла ещё одна клетка. Волки. Те самые, которых не успел тогда выпустить дед. Женщина подошла поближе.

Оба волка отрешённо кружили по клетке, словно искали выход, которого нет. Вдруг один из них остановился, прислушался и посмотрел куда-то в сторону. Там ничего не было. Только пустое дырявое ведро да клочок сена, не доброшенного верблюду. Но волк видел там что-то другое. Он смотрел туда, и оттуда кто-то невидимый смотрел на него, и они говорили, и они понимали друг друга, и желание у них было общее...

У Марины по спине пробежали мурашки... промелькнула тень, а может, это ей просто почудилось....

Девушка пошла домой. Но не своим привычным маршрутом, а через ветеринарный магазин. Она была странно спокойна после такого эмоционального потрясения. Правда, всё же не улыбалась, как девушка в купальнике, нарисованная на пакете.

В магазине Марина приобрела собачий шампунь, расчёску, витамины, лекарства и другую мелочь, в большом ассортименте предлагаемую для четвероногих питомцев, которых у Марины не было.

«Теперь будут», – подумала про себя.

– Ну, не бойся, заходи, – сказала новая хозяйка и легонько подтолкнула живой комочек шерсти к входной двери. – Теперь со мной будешь жить, мы обязательно подружимся! Вот колбаса, вот булочка. Ешь. Любишь сдобные булочки? Я люблю. А к вечеру я сварю тебе кашки. Специальный корм для собак я пробовала, скажу честно, мне не понравился. Но, если хочешь, я тебе куплю.

Марина осторожно дотронулась до рыжей, свалявшейся на боках шерсти, собачка вздрогнула.

– Ничего, Жулька, я понимаю!

Девушка, отошла от собаки и села на пол в другом конце коридора.

Ночью Марина спала чутко. Нет, не беспокойно, а именно чутко, прислушиваясь к сопению в коридоре. Ночь больше не казалась гулкой и пустой, дома стало уютнее, на сердце – теплее, и всё оттого, что рядом было живое создание, за которое она теперь несла ответственность.

Жуля спала, удобно устроившись в просторной плетёной корзине.

Что ей снилось? Может, Матвеевич? А может, просто добрые люди, которые накормят, почешут за ушком и никогда не ударят носком сапога.

Галина СЛЁЗКИНА

Родилась и живёт в посёлке Уразово Белгородской области. Публиковалась в областных газетах «Белгородская правда», «Ленинская смена», сборнике «Молодая проза Черноземья», в «Антологии современной литературы Белгородчины». Автор поэтических сборников «Распахну свои руки, как крылья», «Живу, как живётся». Лауреат международных премий «Балтийский гамаюн» и «Филантроп». Член Союза писателей России.

СУДЬБА РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ

Как пишет в своей книге Людмила Смирнова: «...известность Бунина началась с выходом “Деревни”, хотя в кругу специалистов он был признан раньше. Ему была присуждена академическая премия Пушкина. А в 1909 г. Ивана Алексеевича избрали почётным членом Российской Академии наук. Справедливо и другое: именно резкий тон “Деревни” привёл к острой полемике. Однако сейчас, когда читаешь повесть, глубоко волнует не эта её особенность». [1].

Это произведение раскрывает перед читателем один из острых драматических моментов в истории деревни, крестьянства. И у автора приведённой выше цитаты свой аспект суждений относительно этого произведения. Меня же в повести интересует центральный женский образ. Надо думать, что к тому времени у Бунина возникла потребность оглянуться назад, с тем чтобы творчески проанализировать своё знание деревни. Это и суровый жизненный уклад, и характерные особенности быта, и неповторимые характеры крестьян. Ведь именно так в оригинальном ретроспективном пространстве ведётся повествование в зрелых произведениях. Особенно в романе «Жизнь Арсеньева». И хотя события, описанные в повести «Деревня», ассоциируются с весьма недавним прошлым, но и здесь уже чувствуется характерный для Бунина метод временной отстранённости описываемых событий; метод, который гораздо сильнее превалирует в другой его повести – «Суходол».Там, кстати, тоже фигурирует замечательный женский образ. Но сначала поговорим о повести «Деревня», точнее, о её героине.

С самого начала автор старается подчеркнуть её необычность, непохожесть на всех остальных крестьянок, и прежде всего внешностью: «Но Молодая – за нею так и осталась эта кличка – была и в этом наряде хороша», – пишет он. Ведь наряд убогий: понёва, передник, лапти, рога на голове. И какой

же надо быть красивой, чтобы затмить ужас подобного наряда! Но не только красота и отсутствие имени делают её загадочной.

Броскими штрихами автор создаёт яркий оригинальный портрет: «А Молодая – стройная, с очень белой нежной кожей, с вечно опущенными ресницами, – стала работать в усадьбе, на подёнщине. И эти ресницы стали волновать Тихона Ильича страшно». Как замечательно написано! И много ли найдётся в литературе XIX века примеров того, чтобы любовные увлечения крестьянина отличались подобными романтическими нюансами. Большее, что могло его заворожить, так это роскошная коса или пышная грудь. Но уж никак не трепетные ресницы. Стоит подумать и о том, какие глаза скрываются за ними, что в них таится. Но глаз она не поднимает и постоянно молчит. Молчит и словно каменеет, слушая «щедрое» предложение хозяина. Молча, не противясь, отдаётся ему. Молча терпит жестокие побои мужа.

Своим характером Молодая напоминает другую бунинскую героиню – Настасью Семёновну из рассказа «Хорошая жизнь»; напоминает отдалённо, косвенно. Подобно ей, Молодая тайно, внутренне ненавидит свою жизнь. Понимает свою женскую обречённость и пожизненное рабство. А когда судьба посылает ей как испытание – настоящую любовь, она отдаётся этому призрачному счастью, зная, что заплатит за него страшную цену...

Бунин создаёт удивительный, далеко не традиционный образ крестьянки, найдя его прототип в самой дикой глуши русской деревни. И разве не удивительно то, что его героиня наделена чертами женщины из высшего общества – хотя, может быть, черты эти не менее присущи и представительницам самых низших социальных слоёв общества.

Смутные ассоциации не оставляют сомнения, когда вспоминаешь Анну Каренину Л. Н. Толстого. А тем более суждения о ней самого Ивана Алексеевича: «Для меня не существует более пленительного женского образа, – говорил он. – Я никогда не мог и теперь не могу без волнения вспоминать о ней. И о своей влюблённости в неё».

Удивительно, что о литературном персонаже он говорит совсем как о реальной женщине. И хотя было бы крайне примитивным проводить аналогию между Молодой и Анной Карениной, однако в основе своих натур, в способности любить и именно в любви находить смысл жизни они достаточно близки.

В этом сходстве отражена жизненная правда. А также определённая демократичность бунинской тенденции, выраженной в том, что представительница тёмного, задавленного невежеством и звериной жестокостью простонародья оказывается способной до конца прочувствовать и пережить всю многоцветную гамму трагической любви столь же глубоко и тонко, как и подлинная аристократка. Не это ли и есть особое свойство русской души?

Кстати, вот что о русской душе говорил профессор английской литературы Йельского университета США Уильям Фелпс: «Русская душа правдиво,

подобно чувствительной пластинке, воспроизводит действительность. Ей, так же, как и фотографической камере, чужды пристрастия и предрассудки, она отражает всё, что скрыто в действительности». [2].

Это писал современник И.А. Бунина, считавший русскую литературу «лучшей в мире». И то, что У. Фелпс говорит о русской душе, он относит, главным образом, к душам русских писателей. В полной мере это можно отнести и к душе Ивана Алексеевича Бунина, создавшего правдивые образы русских женщин, об одном из которых идёт речь...

Возвращаясь к прерванной теме, вспомним о том, как дорого заплатила бунинская крестьянка за своё счастье. Возлюбленный бросил её, растоптав тем самым и непобедимую гордость, и неодолимую любовь. И что могли значить для неё в сравнении с этим побои мужа или молва людей.

Как бы то ни было, вопреки всему, Молодая, подобно уже упомянутой выше Настасье Семёновне, избежала той, едва ли не самой страшной судьбы, какой наградил Бог другую бунинскую героиню – старуху Анисью из рассказа «Весёлый двор»...

Однако Молодая совсем не ищет хорошей жизни, не верит в то, что она возможна. К тому же у неё не хватило хитрости, чтобы уберечь себя от многих бед. Отвратить коварство любовника, избежать побоев мужа. Будучи абсолютно беззащитной, она не может спастись от жуткого надругательства похабных мужиков...

Это ли не звериный облик деревни, который, видимо, и хотел показать автор.

А на фоне того, что вытворяет эта самая деревня над молодой женщиной только потому, что она бесправна и за неё некому вступиться, все эти зверства выступают особенно ярко. Ведь Молодая – бесправная рабыня не только для своего забитого мужа. Рабыня она и у шайки похабных мужиков, знающих, что их деяние останется безнаказанным, и даже у бросившего её любовника. Ведь это он, по своей собственной прихоти, выдаёт её замуж.

И высшую точку её страданий, трагичности, изломанности её судьбы представляет собой эта ужасающе нелепая шутовская свадьба...

«Кузьма взглянул на невесту, и в глазах их, встретившихся на мгновение, мелькнул ужас. Кузьма побледнел и с ужасом подумал: “Сейчас брошу образ на пол...”. Но руки невольно сделали иконой крест в воздухе – и Молодая, чуть приложившись к ней, поймала губами его руку. Он сунул икону кому-то в сторону, схватил голову Молодой с отцовской болью и нежностью, целуя новый пахнущий платок, горько заплакал». [3].

Дважды повторённое автором слово «ужас» в полной мере отражает суть происходящего. А в образе Молодой с необычной художественной силой воплощена трагическая судьба красивой молодой женщины из беднейших социальных слоёв русского народа; трагедия, до Бунина никем из русских писателей не показанная настолько выразительно и правдиво.

Однако же бунинские темы, созданные им женские образы из народа в какой-то степени перекликаются с произведениями русских и даже европейских писателей. Так, почти одновременно с выходом повести «Деревня» были написаны, например, произведения испанской писательницы Эмилии Пардо Басан (1852–1921 гг.). В сборниках «Галисийские истории и рассказы», «Рассказы родной земли» 1900–1907 годов преобладает деревенская тематика. Более того, сюжет её романа «Родовые усадьбы Ульса», опубликованного в 1890 году, ассоциируется с бунинской повестью «Суходол». Кстати, полное собрание сочинений Э. П. Басан вышло в Петербурге в 1914 г.

Подобные аналогии – показательное свидетельство существующего в истории как в русской, так и в европейской литературе объективного тематического фактора. В этом плане достаточно вспомнить тенденцию критического реализма как основного течения в европейской литературе Х1Х века. И тут-то Иван Алексеевич Бунин уже в силу своего зреющего таланта, вливаясь в этот процесс, изображает национальный женский характер.

При всём этом необходимо повторить, что тема повести «Деревня» не является чисто бунинским открытием. Ведь несколько ранее, в 1897 году, А.П. Чехов написал известную повесть «Мужики». И уже современная Бунину критика улавливает определённые аналогии этих двух произведений.

Безусловно, Чехов изображает то же бытовое убожество и нищету русской деревни, те же тёмные инстинкты её обитателей. Даже образ чеховской Фёклы определённо напоминает Молодую. Однако же произведение Чехова написано совсем иначе – в более сдержанных тонах, без бьющих через край эмоций. Бунин в сравнении с ним неистов и беспощаден. Беспощаден в густых и мрачных красках, изображая деревню именно такой, какова она в реальности.

К тому же нельзя забывать о том, что со времени появления повести «Мужики» прошла едва ли не целая эпоха. Достаточно напомнить потрясший Россию революционный взрыв 1905–1906 годов. Несомненно, и деревня за это время стала другой – она утратила свою относительную безмятежность.

В этой связи любопытно почитать отрывок из одного бунинского письма, тема которого говорит сама за себя: «Жить в деревне и теперь уже противно. Мужики вполне дети и премерзкие. Анархия у нас в уезде полная, своеволие, бестолочь и чисто идиотское непонимание – не то что “лозунгов”, но простых человеческих слов – изумительные. Ох, вспомнит ещё наша интеллигенция – это подлое племя, совершенно потерявшее чутьё живой жизни и изолгавшееся насчёт совершенно неведомого ему народа, – вспомнит мою “Деревню” и пр.!» [4].

Неистовое негодование Бунина в адрес интеллигенции звучит как своего рода ответ литературным критикам, обвинившим писателя в преувеличении изображения им дикой жизни и беспросветной темноты русского крестьянства Центральной России в повести «Деревня»...

Между тем Максим Горький писал, что: «...Так глубоко, так исторически деревню никто не брал...» [5].

Думается, что эту лаконичную оценку можно отнести и к образу Молодой. Ведь та же чеховская Фёкла из повести «Мужики» представляет собою лишь бледный силуэт бунинской героини... Ненависть, глухой внутренний протест, готовность на любую, самую чёрную месть – вот чем отличается, при всём сострадании к ней автора, Молодая. А Фёкла... перенеся, например, тот же позор мужского надругательства, она, по сути, не видит в этом особой трагедии. Слишком уж она неразвита, примитивна, чтобы страдать, оскорбляться, ожесточаться. Да и сам Чехов подаёт этот эпизод как нечто будничное, заурядное и свойственное тем же нравам деревни – тёмной, забитой...

В свою очередь Бунин создаёт образ глубоко трагический. Его героиня наделена душой, полной мятежных переживаний. Неслучайно же на неё падает подозрение в том, что она отравила забитого, но обозлённого её изменой Родьку. Ведь когда-нибудь и в чём-нибудь должно было прорваться всё наболевшее и выстраданное. И разве всё причинённое ей зло не может спровоцировать её на самое страшное преступление?

Образ русской крестьянки в литературе XX века принадлежит именно Ивану Алексеевичу Бунину. И, как мне чудится, у истоков «Тихого Дона» стоит именно бунинская «Деревня». Ибо никто, кроме Шолохова, не сумел с такой художественной мощью продолжить бунинскую традицию изображения народной жизни, повседневного быта крестьян, рассказать всей правды о невежестве и жестокости простых людей – будь то крестьяне или казаки, о бытовых условиях жизни, граничащих с первобытными.

И в данном случае самое главное – женский образ. Образ безграмотной, бесправной крестьянки, способной на глубокую настоящую любовь. Молодая... пусть косвенно, отдалённо, а всё-таки именно она предвосхищает образ шолоховской Аксиньи.

Вспомним, сколько поколений русских людей зачитывались романом М. А. Шолохова «Тихий Дон». И советская литературная критика уникальность его, в частности, видела в том, что впервые в истории русской литературы в художественном произведении крупным планом показана трагическая любовь простой русской женщины. Оспаривать уникальность этого произведения в целом и, главным делом, образ Аксиньи Астаховой нет никаких оснований. Свидетельством той славы, какую, вопреки всему, принесло Бунину это произведение, может служить статья Зинаиды Гиппиус «О Бунине», опубликованная под псевдонимом Антон Крайний. Мысли, высказанные в ней, поражают своей злободневностью. Чудится, что это написано сегодня.

«Среди разнородно-тенденциозных выкриков о “Деревне”, современных книг, одинаково нехудожественных и “правого” и “левого” направления, книга Бунина – единственная настоящая, ей просто веришь, ибо она проста и свободна»[6].

Использованная литература

1. Смирнова Л.А. «Иван Алексеевич Бунин – жизнь и творчество». Москва. «Просвещение». 1991 г.

2. Фелпс У. Очерки о русских романистах. Нью-Йорк, 1911. – с. 16. Взято из статьи Журавлёва И. К. «Из истории становления литературоведческой русистики в США. Журнал «Русская литература». 1981, № 1. – с. 211.

3. Бунин И.А. «Деревня». «Эксмо». М., 2006.

4. Бунин И.А. Письмо Нилусу П.А. 28 мая, 1917 г. с. Глотово.

5. Горьковские чтения, 1958-1959. ИМЛИ АН им. А.М. Горького. 1961 – с.52.

6. Крайний А. «Литературный дневник». Русская мысль. «О Бунине». 1911 г., №6 – стр. 15-20.

Владимир СИТЕНКО

Родился и живёт в Белгороде. Окончил школу № 36. Публиковался в «Литературной газете», в газетах «Смена», «Свет Христов». Выпустил четыре сборника стихотворений – «Серебряный зонт» и другие. Лауреат премии «Молодость Белгородчины». Занимается в литературных студиях.

***

Снова поле, наше поле,
Ни конца, ни края.
Всюду небо, всюду воля –
Русская, родная!

Над нависшей тишиной
Стынет одиночество:
Возвращаться в город свой –
Верите –
Не хочется!

***

Люблю леса, люблю поля.
Моя родимая сторонка.
Здесь даже рыхлая земля
Живёт бестрепетно и звонко.
И я иду туда, в поля,
Где тишина, как незнакомка,
Где помнят небо и земля
Меня, совсем ещё ребёнком.
Где тополь мне дарил приют
И полудневную прохладу.
Всё это Родиной зовут…
Другой мне родины не надо.

***

И запоздалая дорога,
И синий вечер у окна,
А у меня одна тревога –
И тишина, и тишина…
Подправить ножницами надо
Свой непокорный, острый чуб…
А у меня одна отрада –
Стенанье уст, дыханье губ…
И неизвестно, что прелестней,
Прозрачность яви или сон.
А у меня одна лишь песня –
Со всех сторон, со всех сторон…

***

Снова солнце, снова ветер –
Так, что кепка с головы!
На распахнутом рассвете
Блики розовой листвы.

В небесах ночные тучи
Уплывают в никуда.
Ветер вешний и певучий –
Мудр, как дальняя звезда.

Захмелев весенней брагой,
Птицы в небо унеслись.
И стою я у оврага –
И смотрю куда-то ввысь!

***

Туч небесных разговоры,
Неба светлая струя.
И туманы словно шторы –
Это молодость моя…

Я её под сердцем прячу,
Словно вновь родился я.

Не могу уже иначе –
Это молодость моя…

На земле горит, как пламя,
Листьев жёлтая семья,
За собою ветер манит –
Это молодость моя…

***

Ночь исчезла так нежданно –
Стынет новый день,
Вновь глядят из-за тумана
Окна деревень.

Не найти уже просвета,
Над рекою муть,
Отшумело наше лето –
Нужно отдохнуть.

День настал и перламутром
Облепил кусты:
– Не тебе ли ранним утром
Я дарил цветы?..

Станислав ТАРАСОВ

Родился 14 августа1937 года в селе Кошлаково Шебекинского района Курской области. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Член Союза писателей России. Отмечен правительственной наградой – знаком «За достижения в культуре». Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Живёт в посёлке Ракитное Белгородской области.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗОЛОТОГО ТУАЛЕТА

1

Ещё в далёкие, студенческие годы Даниилу Гребенюку запало в душу изречение вождя мирового пролетариата, что в бесклассовом обществе деньги отомрут, а из золота будут выкованы общественные туалеты.

И вот сто лет спустя гениальное предвиденье Ленина стало сбываться: деньги, действительно, начали отмирать – жителей страны почти поголовно охватило безденежье; а из золота предприимчивые люди принялись мастерить унитазы.

Туалет из драгоценного металла стал символом принадлежности его обладателя к высшему слою общества. Но таких слоёв в стране было несколько, и каждый претендовал на судьбоносную роль в истории страны.

Суперэлитой, локомотивом истории считали себя холёные воротилы олигархического бизнеса.

«Не подмажешь, не поедешь!» – подсказывали им чиновники правительственных и всех нижестоящих кругов.

«Без науки далеко не уедете! – настаивала высоколобая, учёная элита. – Всё решают новые, высокоэффективные технологии!»

«Если культура в упадке, любые самые современные технологии способны ввергнуть общество в нравственное одичание!» – предостерегали маститые мэтры искусства.

И пока они спорили, кому же из них играть первую скрипку, из их нестройных рядов стали выламываться натуры исключительные, утончённые, целая когорта обладателей золотых туалетов – самая престижная элита современности. И вот этим героям нашего времени Даниил Гребенюк завидовал прямо-таки чёрной завистью.

К тому времени, когда он проделал головокружительный взлёт от тюремных казематов до главы Бурляндии, таких туалетных небожителей набралось уже больше дюжины.

О том, что унитаз – несколько сомнительный предмет для гордости и зависти, у Гребенюка даже сомнений не возникало. Блеск благородного металла затмевал низменную предназначенность этого изделия, а электронные навороты ставили унитаз в один ряд с самой умопомрачительной электронной техникой – изделие оснащалось системой автоматического самоочищения, ароматизатором испорченной воздушной среды и музыкальной акустической системой.

И вот таким замечательным изделием начали обзаводиться воротилы бабла, эстрадные артисты и другие, ошалевшие от бешеных денег персоны.

Так, нефтяной магнат Усламбаев уже не знал, на что ещё можно потратить нефтедоллары, так как заимел виллу в Ницце, яхту, самолёт и шестьдесят шесть мерседесов. Для полного семейного счастья не хватало лишь пустячка – золотого туалета, и, поскольку Усланбаев не привык мелочиться, обзавёлся сразу двумя!

Звёздный исполнитель поп-музыки Валерий Зычный торжественно преподнёс золотой туалет супруге, когда она родила второго ребёнка. Голосом Валерия унитаз тут же, с благоговейным трепетом, стал распинаться перед роженицей в горячем чувстве благодарности и весь накал пиитических излияний вложил в слова: «Ты моя мочалка, я твой тазик!».

Комический актёр Эдик Гукосян заимел золотой туалет в качестве выгодной недвижимости. «Если золото подорожает, – мечтательно думал он, – переплавлю туалет на золотые коронки!» Но осуществить зубной бизнес-проект не успел – во время съёмки комедии «Колесница судьбы» на загородной даче колесница наехала на самого хозяина: дом загорелся, и в суматохе, пока все тушили огонь, кто-то приделал драгоценной недвижимости шустрые ноги.

«Усламбаев вправе покупать и два, и три роскошных туалета, – думал Гребенюк. – Человек занят делом. А эта шантрапа – один, как рыба без воды, открывает рот под фанеру, другой смешит публику выморочными остротами – а туда же, в калашный ряд! Нет, не эти ряженые достойны золотых туалетов, а те, кто своим недюжинным умом, трудовыми и ратными подвигами прославляет Бурляндию».

Эти мысли так захватили его, что даже во сне не оставили.

2

И вот он видит себя в городском парке, в тени каштанов, на которых висят золотые туалеты.

– За выдающиеся заслуги перед Отечеством туалетом 999 золотой пробы награждается министр иностранных дел Староконь Андрей Михайлович! – оглашает он собравшимся здесь высшим чинам власти свой Указ.

И поздравляя министра с шуткой «Старый конь борозды не портит», Гребенюк не видит ничего зазорного в том, что виновник торжества предстал перед ним в гранатовом, турецком халате.

Управделами президента Максим Верипейко отвинчивает гаечным ключом ветку с туалетом и вручает министру.

А Гребенюк продолжает:

– За значительные заслуги в защите Отечества туалетом 666 золотой пробы награждается командующий военно-морской базы в Африке («Откуда наши в Африке? – мелькнуло у него в голове. – Их там нет!») генерал Гвоздика Семён Павлович!

Генерал явился на вручение наград, как и подобает, в парадной форме. Полученный им из рук Верипейки золотой унитаз зело как пригодится ему в безлюдных песках Африки!

– А мне? – вырос из-за кустов министр спорта Тимур Семёнович Нагнибеда.

Узнав о раздаче золотых туалетов, он прибежал сюда прямо с теннисного корта – в тенниске, шортах и кроссовках.

«Как это я про любимого министра забыл?» – подосадовал Гребенюк. И подозвал раздатчика туалетов Верипейко.

– У нас есть еще унитазы?

– Есть. Только с золотым напылением.

– Давай сюда!

– За выдающиеся победы в международных соревнованиях туалетом с золотым напылением награждается министр спорта Нагнибеда Тимур Семёнович!

Министр получает заслуженную награду. «Наловчился спортивную пыль в глаза пускать – получай туалет с напылением!» – ласково говорит ему президент.

Награждённые – в халате, парадном мундире и шортах – с туалетами в руках становятся в ряд и под звуки духового оркестра исполняют Государственный Гимн Бурляндии.

Гребенюк просыпается и клокочет от смеха. «Надо же, какая чепухенция может присниться – управделами отвинчивает ветки каштанов гаечным ключом. А что тут удивительного, – возражает он себе, – Верипешка – слесарь по первой благоприобретённой профессии».

3

Став президентом, Даниил Гребенюк мог бы и себя побаловать золотым унитазом. А нельзя – пронюхают об этом словоблуды и разнесут по всей республике: налоги растут, зарплаты и пенсии обесцениваются, а президент роскошничает!

Однако Гребенюк был не из тех, кто складывал руки в тупиковых ситуациях. Не из таких затруднений с его верным оруженосцем Максимом Верипейко выходил сухим из воды.

– Может ли президент заиметь золотой туалет? Если Усламбаев или кто-нибудь другой вздумает преподнести – ведь от подарков отказываться нельзя? Обидится человек, скажет, занёсся президент, от туалета нос воротит. Брать или не брать?

Подивившись всеохватным помыслам президента (от неусыпных хлопот о благе народа до презренного унитаза), Верипейко в сомнении покачал головой:

– Из рук в руки, под вспышки фотоаппаратов и стрёкот камер – ни в коем случае!

– А под полою?

– Да вы же не будете всё время прятать унитаз под полою! А установите где положено и не запретите пользоваться гостям. И пойдут расспросы. Откуда и какой пробы? Появятся злопыхатели и пустозвоны. На золотое изделие нужен железный документ!

– А где его взять?

– Такие документы на базаре не продаются. Но если покумекать... Скажем, создать фонд помощи обществу слепых и внести туда вместе с Усламбаевым и другими спонсорами солидную сумму. Ну а фонд может учредить специальный приз в виде золотого туалета и наградить вас как благотворителя.

– Прекрасно. – Гребенюк достал из сейфа и передал своему помощнику пачку денег. – Мой первый взнос в этот фонд. Подбери распорядителя фонда, желательно немого. В обществе слепых хотя бы один немой да найдётся? Чтобы не распинался о моей филантропии на каждом перекрёстке!

– Распорядителя подберём. Язык укоротим, если потребуется. Давайте уточним детали.

– Какие?

– Вам изделие заказать с автоматическим вычислителем?

– А что там вычислять?

– Извините, оговорился. С автоматическим очи-сти-телем...

– Естественно.

– С подогревом?

– А что греть? Я и без подогрева ещё – о-го-го!

– Да не вас греть, а металлическую обшивку. Металл – он хоть и золотой, но бр-р-р! – холодный.

– Валяй с подогревом.

– С ароматическим пульверизатором?

– Само собой.

– С музыкальным сопровождением?

– Не помешает.

– С Бахом? Сердючкой? Или с Глюкозой?

– Бахать не будем. С Глюкозой? Свежо! Оригинально! Но не патриотично. Она же пляшет от своей печки, восхваляет Россию...

– Можно и нам от своей печки подобрать...

– Не надо плясать от печки в туалете! Закажи песни про ридну маму мою, которая ночей недоспала. Про бродягу, который Байкал переехал, – про нашу молодость, которая в снегах Забайкалья осталась, – с мокрыми от слёз глазами всхлипнул Гребенюк.

– Найдём и про молодость, – в унисон с ним глубоко потянул носом управделами Максим Верипейко.

4

Сентиментальным, щедрым на крупную слезу Даниил Гребенюк стал во время пребывания за колючей проволокой.

В места, весьма отдалённые от курортов, он попал за проступок, тоже связанный с туалетом.

На железнодорожном вокзале вдвоём с Верипейко они экспроприировали – по выражению вождя мирового пролетариата – дорогие шапки у пассажиров. Приземистый Данька покуривал на шухере, а верзила Максим закрывался в кабинке рядом с пассажиром и, улучив момент, срывал с него шапку. И оба уносили ноги и шапку из туалета.

Успех операции гарантировало то, что в спущенных штанах пассажир не кинется вдогонку. А пока оденется, шапкосниматели будут далеко от вокзала. Четырежды им светила удача, а на пятый раз они попали в засаду. И два года в сибирских, морозоустойчивых краях осваивали общественный туалет по названию «параша».

С тех пор, подумать только, прошло сорок лет! За эти годы, усиленно работая локтями и извилинами хитромудрого ума, Даниил Гребенюк достиг всего, о чём только мечтал. Не только синицу, но и журавля в небе – в виде золотого туалета – сумел стреножить.

И когда в первый раз вошёл в святилище, любуясь красотой и блеском благородного металла, не мог сдержать слёз: перед глазами пролетела вся его жизнь с унизительными сделками и многотрудным карабканьем к вершинам власти. Разве мог он предположить, что с таким багажом в биографии, как параша, преодолеет все препоны и отбрыкается от всех приписываемых ему тёмных дел?

Некоторые из дел всё же попали на зубок газетчикам и вызвали недоумённые вопросы. Почему, к примеру, Гребенюк и Верипейко отсидели по два года, но спустя шесть лет были реабилитированы за отсутствием состава преступления? Разоблачители намекали на то, что без фальсификации судебных

документов тут не обошлось; из дела, дескать, изъяты листы с изобличительными материалами, а вместо них подсунуты новые, полностью обеляющие туалетных грабителей.

Попахивало крупной взяткой и дело о приобретении Услумбаевым заводов по переработке нефти по сказочно низким ценам в те годы, когда Гребенюк заведовал в правительстве госимуществом Бурляндии.

Делались попытки привлечь его к суду и за присвоение большого участка земли в природоохранной зоне, и по другим сомнительным делам. Но благодаря ловким закулисным ходам, совместно с управляющим тёмными делами Верипейко предпринятым, все нападки были отбиты.

5

Эти неразгаданные истории всплыли вновь и стали усиленно муссироваться, когда борцы с коррупцией пронюхали о покупке золотого туалета вышеупомянутым фондом и узнали, что конечным обладателем драгоценного изделия стал президент.

Эта новость совпала с отменой индексации пенсий и повышением жилищно-коммунальных тарифов и стала последней каплей, вызвавшей взрыв народного негодования. Сотни тысяч жителей столицы хлынули на улицы и площади с плакатами: «Загребущим рукам Гребенюка – железные браслеты!», «Золотой унитаз президента – на пенсии и зарплаты!», «Гребенюка и его прихвостней – на парашу!»

Спасаясь от народного гнева, Даниил Гребенюк и Максим Верипейко с охраной и вещами на кортеже из десятка машин рванули на всех скоростях вон из столицы.

Позже выяснилось, что ночь беженцы провели в загородной резиденции нефтяного магната Усламбаева; отделённый от народа трёхметровым забором Гребенюк заявил по интернету, что остаётся верным своему народу до последнего вздоха!

Однако на следующий день «верный своему народу» президент вылетел за кордон, якобы на техосмотр самолёта, купленного во Франции. Хотя в осмотре, скорее всего, нуждался сам Гребенюк.

А тем временем журналисты и все желающие кинулись в его резиденцию искать золотой туалет. Однако в отведённых для этого местах искомого изделия не оказалось. Насмешники предположили, что из-за нервного перевозбуждения этот предмет первой необходимости срочно понадобился самому президенту.

Но на эту шутку не клюнули поисковики, продолжавшие вместе с армейскими минёрами осматривать каждый уголок дворца. После тщательного обследования территории резиденции они обнаружили унитаз в глубокой яме, под слоем земли и мусора.

Золотой туалет установили на крыше автомобиля вместе с чучелом Даниила Гребенюка со спущенными штанами и торжественно провезли по улицам столицы сквозь толпы надрывающихся от смеха бурляндцев.

Но что дальше делать с этим предметом – по этому вопросу единого мнения не было. Одни предлагали выплавить медаль с изображением этого унитаза для награждения самых кичливых особ, беспардонно хвастающихся своим богатством. Другие высказывались за то, чтобы выставить золотой туалет в музее и дать возможность посетителям за сто евро посидеть на нём пять-десять минут, установив бесплатные посиделки для пенсионеров, учёных, учителей и медиков. Весёлые и находчивые предлагали продать унитаз музею восковых фигур Лондона, дабы Даниил Гребенюк сидел не на восковом унитазе, а на своём собственном. Лондонский музей туалетов уже не в шутку, а всерьёз заявил о своём желании выкупить эту реликвию.

После жарких дискуссий решено было президентский золотой туалет установить на постаменте, где раньше стоял вождь мирового пролетариата, предрекший, что в светлом будущем всё золото будет переплавлено на общественные туалеты, и трудящийся люд сможет пользоваться ими бесплатно, потому что у него не будет денег ни на эти туалеты, ни на туалетную бумагу.

Уникальный экспонат, наконец-таки, обрёл своё законное место.

Сергей ТАШКОВ

Родился в 1950 году на Урале, в деревне Перебор. Окончил Артёмовский индустриальный техникум. Служил в армии. Работал электриком, художником-оформителем, ассистентом скульптора. Публиковался в журнале «Наш современник», периодической печати. Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

КЛЁН

Морщинами веток, глазами листов
он смотрит в окошко, как будто готов
войти и остаться, и облик принять
того, кем беременна юная мать.

Над ним всемогущая осени длань,
на нём из червонного золота рвань,
он старый, искусный и вечный поэт:
ведь плоть его – пламя, душа его – свет.

***

Для тебя плету сонеты,
Без тебя свой суп варю.
Я, когда не знаю, где ты, –
В небо синее смотрю.

Если небо место встречи,
Значит, нас когда-нибудь
Наши тропки от крылечек
Выведут на Млечный путь.

И окажется, что наши
Параллельные пути
Были – борозды на пашне,
Где любовь должна взойти.

***

Л.Ч.

Мы с тобой не бродили по зимним лесам,
лунной ночью в сугробах бродил я, но сам
разгребал под снегами сухие листы,
почему же всё это запомнила ты?

Мы с тобой не зажгли в нашем доме огня,
ты под утро потом не ушла от меня,
а потом не вернулась, глотнув пустоты, –
почему же все это запомнила ты?

Хитроумной ловушкой будильник часы
подловил, поделил, положил на весы,
сотворил наши судьбы из света и тьмы –
но откуда все это запомнили мы?

Словно Бог обронил две слезы на песке:
ты по левой щеке, я по правой щеке –
промелькнули, упали и порознь живём…
Только всё, что мы помним, мы помним вдвоём.

***

Пришла пора такая – ни осень, ни весна.
В промозглые туманы вся жизнь погружена.

И стало мне казаться, что я на свете был –
все радости изведал, все горести испил.

И книги, и газеты, спектакли и кино
я высмотрел на память уже давным-давно.

И в женщину с обманным прищуром карих глаз
не раз уже влюблялся, терял её не раз.

Вино – и то постыло, и трезвость – как порок.
И всё, что будет – было; и новых нет дорог.

В туманах гибель рыщет, а я вослед свищу –
боюсь её и кличу, и прячусь, и ищу.

***

В домишке ветхом печь топлю,
готовлю корм домашним птицам.
Свою губернию люблю
за равнодушие к столицам.

Заботы стройки: день ко дню –
Кладу кирпич, доску строгаю.
По вечерам за болтовню
устало радио ругаю.

Душе одно и надо знать –
в Москве, Терновке или Риме –
как Богу Богово отдать…
а кесарь сам своё отнимет.

***

Ручей-речушка, тёмный малахит
недвижности, так встретила
пришельца отраженье, всплески сердца,
как будто заверяет, что не сердится:
своих красот незваного свидетеля
пусть молчаливо, но благодарит.

В ночную воду в звёздах голубых
вхожу, не потревожив паутинку
на кустике, облитом лунным светом.
Тебе спасибо, ласковая Лета,
за безымянность, жёлтую кувшинку,
плавучий лист – у самых губ моих.

***
Одни – сошли с небес,
другие – к небу…
Те – сеются зерном,
а те – как всходы.
Земля любому радуется хлебу,
творя богам хлеба – свои народы.
А я из тех, кто падает, верней,

упал – в могилу пахотных жаровен;
без ремесла – без листьев и корней –
я беспощадно заживо схоронен.
Во мне есть память, знанье обо всём –
как если б это всё уже случалось.
И я хочу в свой занебесный дом,
и душу гложет старая усталость;
и разрывает грудь мою тоска –
по закромам, где так покойно было;
и рвётся к свету остриё ростка –
неудержимая живая сила.
Паденье,
восхожденье –
круговерть
махины страшной и чудесной,
где надо – жить, где надо – умереть…
Так умереть – чтобы воскреснуть.

Александр ТАРАСОВ

Родился 02.03.1952 в селе Лговое Шебекинского района Курской области (ныне в черте города Шебекино Белгородской области). Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Поэт, прозаик, член Союза журналистов, член Союза писателей России. С 1985 года сотрудник шебекинской газеты «Красное знамя». Автор изданных в Белгороде книг «Соседи», «Я молюсь за Россию», «Никто не уходит навсегда», «Вдоль по улице, да по Леоновке» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле», международного поэтического конкурса «Звезда полей».

ОДНОКЛАССНИКИ

Ленка Суслова за прошедшие двадцать пять лет, кажется, совсем не изменилась: всё такая же шумная, напористая, азартная. Внешне тоже выглядит словно девочка: стройная, с огромной рыжей копной волос на голове и без единой морщинки на лице. Столкнулся случайно Ковригин с нею в Москве, на Курском вокзале, и был ошеломлён потоком тех эмоций и слов, что посыпались на него из уст бывшей одноклассницы.

– Держу пари, что если бы я тебя не окликнула, ты бы меня не узнал, мимо прошёл, – громко тараторила Ленка, безапелляционно толкая Ковригина кулачком в грудь, абсолютно не обращая внимания на окружающих. – Как живёшь? Чем занимаешься? Каким ветром в Москве?

Ковригин смотрел на «бурю в стакане» – так когда-то, иногда, называла классный руководитель Ленку – с высоты своего почти двухметрового роста и не успевал даже слова сказать в ответ, только лишь улыбался смущённо.

– Чего молчишь? Куда едешь? Во сколько твой поезд отправляется? Время в запасе имеешь? Пошли вон туда в кафешку посидим.

В кафе Ленка сама заказала две порции кофе и мороженое, а когда уселись за свободный столик, спросила:

– Может, тебе шампанское заказать? Сама я спиртного вообще не пью.

Ковригин от шампанского отказался. Он признавал лишь крепкие напитки, но пил их редко и в небольшом количестве. Он и от мороженого пытался отказаться, но разве от Ленки отобьёшься?

– Ешь! Ничего нет вкуснее и полезнее, чем кофе с мороженым, – безапелляционно заявила она. – Когда я ем, я глух и нем. – И тут же начала рассказывать, каким образом она оказалась в Москве.

– У дочери была в гостях, они с мужем в какой-то банковской системе работают, я не вникала, знаю только, что зарабатывают неплохо, и это – главное. А ты как живёшь? У меня в Туле свой дом, работаю администратором на одном из спорткомплексов, муж тренер по футболу, детей тренирует, перебиваемся с хлеба на воду. А у тебя всё нормально?

Пока Ленка тараторила, Ковригин допил свой кофе и с улыбкой смотрел на неё.

– Ты чего улыбаешься? Почему о себе ничего не рассказываешь? Я у дочери была, ей рожать скоро, я волнуюсь, а она...

– Лен, ты мне позволишь слово сказать?

– Я тебя двадцать раз просила рассказать о себе, рассказывай!

Ленка свой кофе не пила, к мороженому не прикоснулась, молча отодвинула их Ковригину.

– Поглощай, нет ничего вкуснее и полезнее, чем кофе с мороженым.

– Я это уже от тебя слышал. Ты мне лучше скажи: мама твоя жива?

Ленкино лицо потемнело.

– Мама умерла четыре года назад, а папа...

– Когда умер Василий Филиппович, я хорошо помню, его могила на нашем хуторском кладбище.

– А ты давно был на том кладбище? Могилка папина сильно запущена?

– Сама как думаешь? Без малого четверть века ею никто не занимался.

Ленка опустила голову, начала смахивать со стола указательным пальцем невидимые пылинки.

– То, что я свинья, я сама понимаю, себя не оправдываю, но так жизнь сложилась.

– Не ты одна такая: Наташка Куркина, Толик Бехтеев, Толик Морковин, многие другие из нашего класса нос не кажут на хутор... Видимо, и у них, как у тебя, «жизнь так сложилась».

Ковригин посмотрел на часы

– Скоро объявят мой поезд. Рад, что тебя встретил. Ты всё-таки найди время, посети малую родину. Вот моя визитка. Как приедешь – сразу ко мне.

Ленка проводила Ковригина до поезда. Перед тем, как ему войти в вагон, она обняла его и сказала:

– На следующий год исполнится ровно тридцать лет, как мы окончили школу. Юбилей! Давай встретимся? Я постараюсь собрать всех, кого можно.

– Созвонимся.

***

Лето выдалось дождливым. Причём особенно дождливым стал июль, то есть месяц, когда начиналась уборка зерновых. Ковригин места себе не находил от переживаний: сто гектаров пшеницы гибли на глазах, зерно начинало

прорастать прямо в колосе. Все надежды на покупку нового комбайна – псу под хвост. Да и кредит хомутом на шее висел, правда, сумма небольшая, но всё-таки. Оставалась одна надежда на сахарную свёклу, но свёклы всего-навсего было двадцать гектаров.

Ленка позвонила как раз, когда закончилось ненастье, весь день стояла жара.

– Через неделю встречаемся на хуторе, в здании школы, народу будет человек двадцать, – проинформировала она

– Собираться будем у меня дома, в городе, адрес мой в визитке указан, – сухо сказал Ковригин и отключил телефон.

Через два дня, когда почва подсохла, он приступил к уборке зерновых.

Раньше других, как и следовало ожидать, примчалась на встречу одноклассников Ленка.

Вслед за нею прибыли: полный и вальяжный Толик Морковин из Кривого Рога и Толик Бехтеев.

Они прибыли к Ковригину домой, когда он был в поле и смотрел, как комбайнер заканчивал докашивать последний десяток гектаров пшеницы.

Жена позвонила Ковригину по мобильнику, и он помчался навстречу гостям, удивляясь тому, что Ленке удалось вытащить даже Толика Бехтеева из Канады, где он жил постоянно последние лет десять.

Ленка оказалась права: в тот день к обеду на подворье у Ковригина собрались двадцать два человека. Приехали даже те, кто, как и Бехтеев, жили за границей – в Словении, Казахстане, Белоруссии. Поначалу все вели себя сдержанно, присматривались друг к другу, привыкали, и только Ленка Суслова вела себя так, как будто ни с кем после школы не расставалась. Она легко и просто познакомилась с женой Ковригина Инной и стала ей помогать поить одноклассников чаем и кофе.

У Ковригина на окраине города, в сосновом бору, был большой двухэтажный дом и просторное подворье, где нашлось место и солидной летней кухне из четырёх комнат, и вместительной летней беседке, и небольшому фонтану, и цветочным клумбам.

– Мама мия! – изумилась Ленка. – И кто же ухаживает за всем этим великолепием?

– Я и дети, у нас с Колей их шестеро, двое старших в сельхозакадемии теперь учатся и приезжают только на выходные домой, зато младшие трудятся по хозяйству, как положено. – Инна улыбнулась и добавила: – У нас три мальчика и три девочки, старшему двадцать лет, младшей – девять.

– Даёте вы!

– У моей мамы семеро детей было, так что у нас с Колей не весь ресурс использован. – Инна снова улыбнулась.

– А у меня всего одна дочь, – сказала Ленка, и глаза её почему-то стали печальными.

Все собравшиеся горели желанием немедленно ехать на хутор.

– А как мы туда будем добираться? Туда часто автобусы ходят?

– Я сам всех вас на автобусе на место отвезу, – сказал Ковригин, – мне приятель свой автобус на два дня одолжил.

– Классно! Тогда чего мы ждём? Поехали быстрее, по дороге купим всё, что надо.

До хутора было ровно сорок километров. Одноклассники во все глаза смотрели в окна автобуса, что-то узнавали, что-то нет, спорили между собой, наводили справки у Ковригина. У одного из придорожных магазинов потребовали остановиться, долго там делали покупки, опять спорили, смеялись.

Родного хутора они не нашли. И когда Ковригин остановил автобус у густых зарослей калины, за которыми вдали виднелось какое-то строение, все оторопели. И только Ленка, не умевшая долго молчать, выдавила из себя, глядя на Ковригина:

– А хутор где?

– Это и есть хутор, – повторил Ковригин. – Кстати, на месте, где мы стоим, был когда-то дом Наташи Куркиной.

– Не может быть!

Все высыпали на улицу и растерянно начали оглядываться по сторонам. Куркина стояла, прислонившись к стволу старой калины, и плакала. К ней притулилась и заплакала Ленка Суслова. Высоченный, худой Толик Бехтеев, словно не веря Ковригину, продрался сквозь кусты, пошёл в сторону едва заметного вдали строения. Кое-кто достал сигареты, и настоянный на травах воздух угас в табачном дыму. Никто ничего не говорил.

– Садитесь все в автобус, я вас провезу другой дорогой, к тому строению, к которому пошёл Бехтеев, – скомандовал Ковригин. – То старая колхозная контора, которую я отремонтировал.

– А зачем ты её ремонтировал? – спросил Морковин.

– Так я ведь частный предприниматель, арендатор, и здесь вокруг мои поля.

– То-то, я вижу, ты богатенький Буратино.

– А ты чем в своей хохляндии занимаешься?

– В пожарной части раньше работал, а теперь кур и кроликов развожу, – зло сказал Морковин.

***

Столы накрывали на улице, рядом с конторой. Погода стояла как по заказу: было безветренно и среди густого кипения трав, деревьев и кустарников совсем не жарко. Женщины занимались сервировкой и разговаривали все ра-

зом, делились впечатлениями, и было непонятно, как они слышат друг друга. Для мужчин тоже нашлось занятие: кто за водой до криницы пошёл, кто мангалы растапливал, кто мясо для шурпы готовил, а Ковригин, Морковин и Бехтеев пили пиво и говорили о кладбище, на котором побывали полчаса назад. В основном говорил Бехтеев и в основном благодарил Ковригина за то, что тот содержит кладбище в порядке.

– Тут ещё нужно сказать спасибо главе местного сельского поселения, – признался Ковригин. – Глава – мужик в больших годах, знает жизнь не из Интернета, мы с ним понимаем друг друга с полуслова.

– Ты видишь, как девки повеселели сразу после увиденного на кладбище? Мы ведь думали – раз хутор исчез с лица земли, то о кладбище и говорить нечего, – сказал Бехтеев.

– А чего же ты здание нашей старой начальной школы не постарался сохранить или ещё какую-либо постройку? – спросил, вытирая лысину носовым платком, Морковин.

– Они все были в таком состоянии, что ремонтировать было нечего, – Ковригин сделал очередной глоток пива, вытер тыльной стороной ладони усы. – Мы, чтобы всё здесь не выглядело очень печально, развалины снесли, а здание конторы я, считай, заново отстроил, оно мне для дела нужно: тут механизаторы обедают, отдыхают, иногда ночуют, если в том нужда имеется.

Морковин усмехнулся:

– А откуда у тебя, куркуля, столько земли появилось?

– О-о, тут целая история! Пришлось с сильными мира сего повоевать, Но если кратко, свои паи мне в аренду люди отдали. Но, повторяю, за эти паи, считай за души людские, крепко повоевать с чиновниками пришлось

– А чего ты с чиновниками воевал? Народ ведь добровольно свои паи тебе отдал, – спросил Бехтеев.

– Это у вас, в Канаде, всё так просто и понятно, а у нас в России жизнь – сплошные сложности, нам скучать некогда... Ты видишь, как наша экономика развивается. Над нами, равно как и над ними, – Ковригин кивнул в сторону Морковина, – весь мир смеётся и удивляется нашей экономической беспомощности.

– Ты Украину с Россией не равняй, – вскинулся Морковин, – мы из-за вас все эти лишения терпим, вы сами не живёте как люди и другим не даёте жить хорошо. Крым у нас уворовали, в Донбассе войну замутили. От вас в мире все беды!

– Толик, ты что несёшь? – Ковригин выругался. – Ты ведь русский человек, ты родился и вырос вместе с нами на этом вот русском хуторе. Могилы твоих близких здесь.

– Я в Украине уже больше прожил, чем в России, у меня в Украине семья, дети. Родители мои в Кривом Роге похоронены, я их сразу после развала

Советского Союза перевёз. Но дело даже не в этом, я люблю справедливость, а Россия по отношению к Украине поступила несправедливо, нагло отняла у Украины то, что России не принадлежало никогда..

Ковригин почувствовал, что он начинает не на шутку заводиться, старался сдерживать себя:

– Украина – это часть России! Киевская Русь... Ты же всё прекрасно знаешь! Зачем пытаешься и себя и нас обманывать?

– Господа, прошу вас успокоиться, – Бехтеев поднял обе руки вверх, словно кому-то сдавался, – хватит молоть о политике, политика – дело грязное, при таких ситуациях не зря говорят: паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Вообще, мы, русские, странные люди: гордимся тем, что не похожи на других, говорим, что у нас свой путь развития, гордимся своей русскостью, вдали от Родины умираем от ностальгии и... ненавидим друг друга. Я знаю, о чём говорю: в Канаде люди нашей диаспоры с кулаками друг на друга бросаются. Я имею в виду как русских, так и украинцев. Разные англосаксы смотрят на всё это безобразие, недоумевают... Пойдёмте лучше к столу...

Как-то так получилось, что пили и ели бывшие одноклассники немного, больше говорили, вспоминали о былом, спрашивали друг друга, кто как устроился в жизни. Пробовали было петь знакомые с детства песни, но из этой затеи ничего путного не получилось, ибо и запевалы настоящего не нашлось, и многие слова песен забываться стали.

– Скучно, други, живём. – «Белорус» Женька Жилин лукаво поглядел на сидевшую рядом с ним Ленку Суслову и предложил ей сплясать с ним «топатуху». – Что, слабо? – улыбался он во весь рот и шевелил плечами.

– Так ведь как без музыки плясать? Честно сказать, уже и забыла теперь, как это делается, – призналась Ленка.

– Тебе, Жилин, можно веселиться, – вмешался в разговор Морковин, – у вас в Белоруссии, говорят, зарплаты у всех сильно выросли и цены на всё ниже наших. Тебе можно веселиться.

– Анализируем ошибки прошлых лет, изо всех сил работаем над их устранением, – попробовал отшутиться Жилин и тут же получил в ответ:

– Какая там работа над ошибками? Просто ваш «батька» дурит Путина почём зря, а тот кормит вас, как цепных псов, в три горла, чтобы вы не убежали далеко от России.

Маленький, щуплый Жилин несколько секунд оторопело смотрел на Морковина, а потом поставил стакан на стол, проговорил тихо:

– За такие слова у нас морду бьют. И я тебе её сейчас набью.

Жилин попытался вылезти из-за стола, но на его плечах повисли Ленка Суслова и Наташка Куркина. Бехтеев в это время, положив руку на плечо Морковина, что-то ему шептал на ухо, а потом, когда Жилин немного успокоился, сказал грустно:

– То, что с нами сейчас происходит, – катастрофа. По-другому охарактеризовать я ситуацию не могу. Мы все выросли в одном месте и разлетелись по миру, оставили хутор беспризорным. Он без нас погиб, но благодаря Коле Ковригину не затерялись, не заросли чертополохом могилы наших предков. Это место для нас должно быть свято. Помните слова Пушкина о любви к отеческим гробам и родному пепелищу? «На них основано от века, по воле Бога самого – самосознанье человека, залог величия его». Мы сто лет не виделись друг с другом, а встретились – начали собачиться, вместо того чтобы объединиться и сообща подумать, как и чем помочь Николаю, чтобы в будущем нам не стыдно было сюда приезжать... Потеряли хутор, потеряли Советский Союз... Всё время враждуем, враждуем между собой. Для чего мы это делаем? У кого есть ответ на этот вопрос?

Все сидели и молчали, ответа ни у кого не было.

Ольга ФИЛИППОВА (СТРИГУНОВСКАЯ)

Родилась 10 мая 1961 года в г. Кемерово. В 1975 году переехала в Старый Оскол. Лауреат международного интернет-конкурса «Звезда полей», лауреат всероссийского конкурса «Звёздная строфа», лауреат областных фестивалей авторской песни и поэзии «Оскольская лира», «Нежегольская тропа», «Бабье лето». Автор трёх поэтических книг и книги прозы. Инициатор и руководитель фестиваля молодых дарований «ЛитАртФест», руководитель молодёжной литературной студии «Творческий фонарь» в Старом Осколе с 2013 года.

***

По первоснежью в изморози лошадь
Везёт неспешно в санках стариков.
Пленённая морозом, стынет роща
На перекрёстке множества ветров.

С востока солнце яблочным румянцем
Окрасило берёзки горячо.
И кружатся снежинки в лёгком танце
Под первым зимним солнечным лучом.

В окошко у соседей кто-то глянул.
Калитка скрипнула – залаял пёс в ответ.
По снегу первому нетронутому – прямо
Я пролагаю неглубокий след.

***

К чёрному платью брошку луны
Летняя ночь приколола небрежно.
Вуалью лёгкою тишины
Спящую землю окутала нежно.

Звёзды рассыпала из лукошка.
И убежала по лунной дорожке.

ОСЕННЕЕ

Берёз сверкают белые колени.
Туман ложится спать в низинах сонных.
В лесу гуляет парочка влюблённых,
Тревожа уходящий день осенний.

Вот паучок, бессонницей измучен,
Плетет вуаль серебряную. Скоро
В неё поймает комара-танцора,
Что дерзко пляшет возле глаз паучьих.

Горят костры и горек запах дыма,
И праздничный сентябрь уходит тенью,
Оставив золотое напыленье…

А кто-то с нетерпеньем жаждет зиму.
Но осень всем назло красою пышет…
И поступи зимы она не слышит.

ТРОПА УВОДИТ В ТИШИНУ

Когда осенний прелый лист
Увековечен быть желает
И так к ладоням припадает,
Как будто молод и смолист;

Когда дождём умытый лес
В поклоне опускает ветки,
И сосны, старые соседки,
Вот-вот достанут до небес;

Когда в траве сердитый ёж
Огромный гриб семейству тащит,
И белка из дупла таращит
Глаза на мир, что так пригож,
В душе светло и чуть печально.
Травинки ветерок согнул.
Тропа уводит в тишину,
К берёзам в золоте сусальном…

***

Когда меж сном и явью нет границы,
И звёзды испаряются в чаду,
Ты мог бы мне пригрезиться в бреду
Или в волшебном сне ко мне явиться.

Тоска как раскалённая игла.
И средства нет – внезапно исцелиться.
И не поможет мёртвая водица
В графинчике из чёрного стекла.

И силы нет забыть и превозмочь.
И нет надежды на возможность встречи.
Без рук твоих мои так зябнут плечи.
И безысходна и печальна ночь…

***

Однажды на луну повыть
Я на желание купилась.
Да, я старалась всё забыть,
Но вот прощать – не научилась.

Сижу у ревности в плену,
Оковы тяжкие – как милость,
И вою, вою на луну,
Что в тёмных тучах заблудилась.

В неверном свете редких звёзд
Твоя неверность прячет лица.
И тащит мысли на погост
Душа, как дикая волчица.

Валерий Черкесов

Родился в 1947 году в г. Благовещенске Амурской области. Автор многих книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Слово», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал 21 век» и др.
Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» и других. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

Поэты-фронтовики, о которых расскажу, воевали на Курской дуге. Оба приезжали в Белгород. Мне посчастливилось с ними встретиться, познакомиться, услышать рассказы об их военной молодости, как говорится, из первых уст.

Правда Фёдора Сухова

1

Ни одна поэтическая антология о Великой Отечественной войне, пожалуй, не обходится без этого стихотворения:

Провожали меня на войну,
До дороги меня провожали,
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, –
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

А какая стояла пора!
Лето в полном цвету медовело.
Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овёс, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Заиграла, запела гармонь,
Всё сказала своими ладами,
И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром грохотнул,
Был закат весь в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

Автор этих строк поэт Фёдор Сухов, датированы они 1954 годом, то есть прошло уже почти десять лет, как закончилась война. Но, видимо, прощальный день проводов на фронт накрепко засел в памяти поэта, волновал, тревожил, жёг и, наконец, вылился в пронзительно-проникновенное стихотворение, ставшее классикой военной поэзии. Хотя в этом небольшом произведении, по сути, нет ни боёв, ни героизма, ни подвига, лишь предощущение чего-то, ещё непонятного, неизведанного и в то же время великого.

Смею предположить, что повесть «Усвятские шлемоносцы» (1977 г.) курянин Евгений Носов написал под впечатлением этого стихотворения. Фёдор Григорьевич и Евгений Иванович много раз встречались, были хорошо знакомы, даже больше – дружили. Оба фронтовики, артиллеристы, воевали в местах, которые потом назвали Огненной дугой. В повести Носова тоже не происходят батальные события, рассказывается о том, как уходили защищать Родину курские селяне. И интонация повествования тревожно-печальная, и в то же время одухотворённо-жизнеутверждающая.

Об «Усвятских шлемоносцах» критик Валентин Курбатов сказал так: «Мы ещё не осознали в подлинном величии эту книгу, где не раздаётся ни единого выстрела, но где война впервые явлена в зияющей смертной силе, вставшей против векового порядка жизни». Эти слова в полной мере можно отнести и к стихотворению «Провожали меня на войну...».

2

Желание написать данную статью возникло, когда я нашёл старый блокнот, датированный 1990 годом. Такая запись: «Встреча с поэтом Фёдором

Суховым в городской библиотеке им. Н. Островского». Даты нет, но, вероятно, это было в конце июля – начале августа.

Предыстория встречи такова. Поэт Владимир Молчанов побывал в Доме творчества писателей в Переделкино и рассказал, что познакомился с Суховым. Это был год 45-летия Победы, проходили различные юбилейные мероприятия, и Володя предложил белгородским библиотекарям пригласить Фёдора Григорьевича в наш город, тем более что тот воевал неподалёку от наших мест.

Однажды Володя позвонил: «Приходи, дядя Федя приехал».

Сухов оказался на самом деле сухим, то есть совсем не богатырского телосложения. Среднего роста, волосы чёрные, заметно припорошённые сединой. Пытливый взгляд из-под густых бровей. Рассказал, что побывал в Курской области, там, где воевал. Показал на сучковатую отполированную до блеска палку, вырезанную самолично: «С нею я все памятные места прошёл. У Жени Носова погостил».

С собой у поэта был небольшой томик Ивана Бунина, изданный «Молодой гвардией». Я спросил: «Почему Бунин?» Вопрос этот возник невольно, вероятно потому, что в то время кумирами читающей публики были поэты–шестидесятники: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Сухов ответил примерно так: «Что-нибудь этакое, так сказать, новаторское, авангардистское накрутить несложно, а вот на основе традиционной поэзии написать своё, о своём и по-своему – задачка посложнее».

А потом была встреча в библиотеке. В моём блокноте сохранились записи того, что говорил Фёдор Григорьевич. Они несколько сумбурные, но, думаю, будут интересны тем, кто не глух к поэзии и кому интересны поэты как личности.

• *Первый бой принял в районе станции Суджа, куда мы выдвинулись из-под Воронежа. Это был июнь-июль 1943 года. В звании лейтенанта командовал взводом пушек-сорокапяток. Об этом рассказал в романе «Ивница», он выйдет в издательстве «Молодая гвардия». Дошёл до Пруссии. Дважды был ранен. Имею награды, в том числе медаль «За отвагу».*

• *На фронт взял тетрадку, куда были переписаны стихи Есенина, Бунина, Ахматовой и других поэтов. На вокзал явился с чемоданом, на что лейтенант сказал: «На войну с чемоданами не ходят, ими мы немцев не победим». Я чемодан бросил, а тетрадку и некоторые книги переложил в вещмешок и носил всю войну.*

• *Пожалуй, на поле боя никто не мог надеяться, что выживет. Около Обояни немцы, наступая, вели огонь термитными снарядами. Солдаты горели, многие вставали из окопов и бежали, но это было ещё хуже, ибо они становились мишенями.*

• *Однако мне казалось, что меня не убьют. Втайне, конечно. Потому что пишу стихи. 14 апреля 1944 года была первая публикация моих стихов в газете «Красная Армия». Вырезку из газеты я положил в карман гимнастёрки и уже всерьёз думал: уж точно не убьют. А замполиту не признался, что это мои стихи.*

• *В начале войны до слёз было обидно, что так далеко немец залез к нам. Бывало, в окопах фрицы крутили на патефоне пластинки с нашими песнями, с той же «Катюшей», и мне казалось, что враги взяли в плен нашу русскую песню. Хотелось им за это отомстить.*

• *На фронте я читал солдатам стихи Есенина «Мы теперь уходим понемногу В ту страну, где тишь и благодать...», и они воодушевляли больше, чем призывные стихи того же Симонова. Так почему же их считали упадническими? На войне надо было быть всегда готовым к смерти, и стихи Есенина помогали быть к ней готовым, не отчаиваться, если подобное случится.*

• *В 1949 году я поступил в Литературный институт и сразу пошёл на могилу Есенина. Она была усыпана цветами и письмами. О том, что, вернувшись с фронта, побывали на могиле поэта, мне рассказывали многие фронтовики. А в декабре того же года я встречался с матерью Есенина. Это произошло на литературном вечере. Я, студент Литинститута, сидел рядом с Татьяной Фёдоровной. Сборник великого русского поэта я и сейчас всегда вожу с собой.*

• *Когда учился в Литинституте, видел и слушал Пришвина, знал Смелякова, бывал у него в гостях. Во дворе института часто встречал Платонова. Тогда его почти никто не знал и не ценил, но некоторые преподаватели говорили нам, что это великий писатель.*

• *До сих пор для меня звание поэт как что-то высшее – это Пушкин, Тютчев, Есенин... Я писательский билет старался лишний раз не показывать, даже в милиции (приходилось, увы, там бывать) не признавался, что поэт – стыдно было.*

• *У нас почти не было честной литературы о том, как жил и живёт наш народ, и только деревенская проза сказала правду, то есть то, что выше литературы.*

• *Последние тридцать лет я говорю только правду, всегда и всем, о том, что думаю и что знаю. И мне стало легче жить. Морально.*

• *Улучшение старого уже есть новаторство. Русский язык в поэзии ещё далеко себя не исчерпал, даже при помощи одного ударения можно делать новое. Так, все новаторства Хлебникова созданы на основе русского языка, на его глубине, а не от хотения автора что-то эдакое придумать. Как человеку нельзя приспосабливаться к жизни, так и нельзя приспосабливаться к языку – иначе не сохранишь своё я, то есть поэту надо творить свой язык.*

• *Стихи мне всегда помогали в жизни – на войне, в сложных, а порой, как казалось, и в безвыходных ситуациях. А обретение поэтического мастерства – долгий и, может быть, бесконечный процесс. Но молодым поэтам надо обязательно печататься. Для меня первая публикация и сейчас самая памятная.*

• *Я отрицаю любую идеологию. Единственная идеология, которую признаю, – это духовно-религиозное мировоззрение, направленное на формирование человека как личности.*

Читал поэт и свои стихи. Спокойно, слегка нараспев, предельно сосредоточенно, не размахивал по-эстрадному руками. Было понятно, насколько продуманы и прочувствованы его слова. Читал, вероятно, самые ему дорогие, в том числе и «Провожали меня на войну...».

Есть в моём блокноте и автограф Сухова. Я попросил Фёдора Григорьевича что-нибудь написать на память. Он улыбнулся, взял у меня ручку и в мгновение нарисовал автопортрет-шарж, подписав его.

3

Критик Александр Михайлов в предисловии к сборнику Фёдора Сухова «Подзимь» (изд-во «Молодая гвардия», 1985 г.) о стихотворении «Провожали меня на войну...», в частности, отметил: «Сухов не коснулся батальной стороны войны, не тронул того бесценного опыта, которым он, офицер-орденоносец, командир взвода ПТО, конечно же, располагает в достатке. Поэт посмотрел на войну издалека, от околицы родного села, от большой дороги, до которой его проводили дорогие односельчане. Но это пронзительное ощущение войны уже нельзя забыть». И в той же статье: «Поэт он не элегический, не минорный, но грусть народной беды, пережитой им вместе со всеми, невосполнимые потери время от времени отзываются стоном в сердце. Стон этот только глухой не услышит».

Фёдор Сухов начал писать стихи на фронте. Одно из первых опубликованных стихотворений «Чёрный снег» датировано ноябрём 1944 года.

Мы спали так – спина к спине,
Теплом друг друга грея,
Своим теплом ведь на войне
Товарищ всех теплее.

Оттаивали зеленя,
Стихал любой мороз,
Но что-то на исходе дня
Ударилось, разорвалось.

И нет товарища, и нет
Тепла среди метели,
Остался только чёрный снег
На ледяной постели.

К теме войны поэт всё время возвращался, хотя, как понимаю, старался её забыть. Но... Вот строки из стихотворения «Давным-давно я не слыхал кукушки...», написанного в 1956 году:

Я всякий раз, когда ударит залпом,
Когда гроза приблизится ко мне,
С мешком походным ухожу на запад,
К своей не замирившейся войне.

А эти строки датированы 1975 годом:

Три кромешных, сумасшедших года
Убивали голову мою.
Залегла поблизости пехота,
Я у пушечки своей стою.
У своей стою сорокапятки
В кирзовых тяжёлых сапогах,
С огневой не ухожу площадки,
В отдалённый не бегу овраг.
А они всё ближе, ближе, ближе,
А они вошли на высоту...
Устоять бы только, только б выжить,
Удержаться в яблонном саду.

А стихотворение «Просыпаюсь вместе с петухами...» заканчивается трагически:

И тогда-то грохнет надо мною,
Вздрогнет потемневшая земля, –
Новою неслыханной войною
Ополчится небо на меня.
Только я без стона и без крика
Сгину в полыхающем огне, –
Я давно убит на той великой,
На своей единственной войне.

Фёдор Григорьевич Сухов умер в 1992 году в возрасте 69 лет. Похоронен в родном селе Красный Оселок Нижегородской области, откуда уходил на войну и где, вернувшись из Волгограда, прожил последние годы.

Смею высказать ещё одно предположение. Главный герой культового советского кинофильма «Белое солнце пустыни» – красноармеец Фёдор Сухов. Думаю, это не просто совпадение. Один из авторов сценария Валентин Ежов

родился в Самаре, оттуда же родом и герой кинофильма. А в 1970 году, когда лента вышла на экраны, в Поволжье, пожалуй, не было более известного поэта, чем фронтовик Фёдор Сухов. К тому же Ежов тоже участник Великой Отечественной войны и, вероятно, был знаком с поэтом. Вот и решил увековечить его имя посредством кинематографа.

***

Недавно перечитывал томик избранных стихотворений поэта-фронтовика Виктора Кочеткова (изд-во «Современник», 1984 г.), который он подарил мне в Москве с автографом. Виктор Иванович тоже воевал на Курской дуге. На одной из страниц стихотворение «Сила жизни» с посвящением Фёдору Сухову:

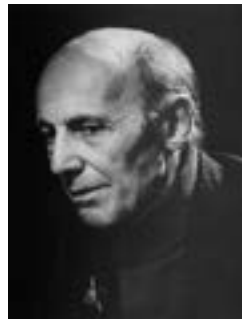
Печален сад, застигнутый морозом:
едва успел он почки развернуть...
Ни майским ливням, ни июньским грозам
его к плодоношенью не вернуть.

Пока в нём сила роста не очнётся,
покуда цвет не выбрызнет живой,
под ветром он всё горбится и гнётся,
гремя своей железною листвой.

Не оброню я слова в укоризне:
мол, как же так – не сберегли весной...
Не просто, нет, очнулась сила жизни
и в нас с тобой, прихваченных войной.

Да, у поэтов фронтового поколения была великая сила – сила жизни, и они своим творчеством передавали её читателям-современникам. И нам сейчас передают.

Рукопожатие Марка Соболя



Кто-то заметил, что если измерять годы рукопожатиями, то, казалось бы, недосягаемое прошлое, станет не столь далёким. Следуя этому предположению, к примеру, можно сказать, что от меня до Сергея Есенина всего два рукопожатия. То есть я пожимал руку поэту-фронтовику Марку Соболю, а он в свою очередь, будучи семилетним мальчиком, сидел за одним столом в Доме Герцена с Сергеем Есениным, слушал, как тот читал стихи. Его отец писатель Андрей Соболь дружил с великим русским поэтом. Об этом я узнал из «Избранного» Марка Андреевича, вышедшего в 1989 году в издательстве «Художественная литература», а познакомился с поэтом значительно раньше, летом 1974 года в Иркутске на совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока.

Марк Соболь был руководителем семинара, в котором обсуждался и я, вернее, мои стихи. Ему было уже под шестьдесят, он не только участвовал в Великой Отечественной войне, но, как семинаристы говорили, и в тюрьме посидел по несправедливому обвинению, и по стране поскитался, но по внешнему виду, а особенно по поведению ничего этого не было видно. Марк Андреевич много шутил, рассказывал забавные истории из писательской «кухни», а то и анекдоты, и вообще казался беззаботным и жизнерадостным, что подчёркивала и пёстрая рубаха-распашонка, в которую он был одет.

Обсуждения наших «виршей» проходили бурно, весело, руководитель был добр, порой находил «изюминки» даже в тех стихах, в которых их явно «не ночевало». Особо лестные эпитеты он адресовал поэту из Братска Анатолию Кобенкову, у которого готовилась к изданию вторая книжка «Вечера». Позже авансы, выданные мэтром, Толя оправдал сполна, став известным в России поэтом, хотя большую часть жизни прожил в сибирской провинции.

Я на обсуждение представил в основном пейзажные стихи – следствие тогдашнего увлечения так называемой «тихой лирикой». Марк Андреевич, заметив, что описание соотношения природы и человеческой души, конечно, хорошо, но современностью тоже не стоит пренебрегать, в заключение же сказал, что из моей рукописи может получиться небольшая добрая книжка. И такой сборник – «Вечные родники» – вышел в 1977 году в Хабаровском книжном издательстве.

Читал Марк Соболь и свои стихи. Последнее четверостишие одного из них я сразу запомнил.

Поэт обращается к Пегасу:

Нет, постой – задержимся немножко.
Вот сейчас, не тратя лишних слов,
Посошок мне выдаст на дорожку
Михаил Аркадьевич Светлов.

Впоследствии в том же «Избранном» я прочитал удивительно проникновенные воспоминания о Михаиле Аркадьевиче Светлове, с которым Соболь дружил ещё с войны, о чём написал так: «Более чем двадцатилетнее общение со Светловым, сердечное его отношение ко мне – вот, может быть, самое дорогое, что я нажил за свою жизнь».

И ещё такие стихотворные строки:

Шуршат страницы, шепчутся стихами,
как будто снова
к ним прикоснулась лёгкая, сухая
рука Светлова.

Я старым стал по возрасту и стажу
и от напастей...
Но Михаил Аркадьевич мне скажет:
–Мой мальчик, здрасьте! –

И расправляет крылья за плечами
юнец зелёный.
А мир вокруг смешной, и чуть печальный,
и просветлённый.

Второй раз я встретился с поэтом-фронтовиком уже в Белгороде. Узнав, что Марк Соболь приезжает к нам на дни литературы, я напросился в бригаду, в которой выступал и он. Если во внешнем виде поэта был некий писательский «шик» – берет, чёрный тонкий свитер, добротный тёмно-синий пиджак с орденом Красной Звезды на лацкане, – то по манере общаться он был очень прост и, насколько помню, не говорил о войне, как любят это делать некоторые её участники, мол, «театр военных действий был развёрнут»... А между тем (я это тоже узнал из «Избранного») он воевал в наших местах, на Курской дуге:

Вот рванусь, проветривая душу,
на места былых боёв
и опять ночами буду слушать
курских соловьёв.

Буду слушать там, где воевали,
тишину...
Встречу на каком-нибудь привале
Бондаренко – старшину.

Он, как прежде, басом хрипловатым
скажет вдруг:
– Малая сапёрная лопата –
первый друг!..

Помню: под огнём остановилось
время.
День зачах.
А меня он, раненого, вынес
с поля боя на плечах.

Во время встречи с читателями во Дворце железнодорожников на сцене мы сидели рядом, и я обратил внимание, что время от времени Марк Андреевич отворачивает борт пиджака, наклоняется к внутреннему карману, после чего от него исходит характерный запах коньяка. Оказалось, у него в кармане стояла небольшая металлическая фляжка с этим напитком. А это было время рьяной горбачёвской борьбы с пьянством, поэтому наш куратор от партии или культуры, который тоже присутствовал на сцене, чутко поводил носом, то и дело грозно поглядывая на поэта. Но тот продолжал нырятельные движения к фляжке. Зато, когда Марк Соболь выступал, зал его встречал такими аплодисментами, горячими и признательными, которых не удостоился ни один из присутствующих на литературном вечере поэтов.

О войне Марк Соболь писал и на фронте, и после победы, и даже в 90-е годы. Но в его стихах почти нет батальных сцен, патетики и восклицаний. Он говорил от имени «рядового стрелкового полка» – так себя называл. Марк Андреевич оставил проникновенные воспоминания о друзьях, поэтах фронтового поколения: Михаиле Луконине, Сергее Наровчатове, Семёне Гудзенко, Сергее Орлове, Веронике Тушновой, Юлии Друниной и других. Вот слова из его предисловия к одной из книг: «Без них всех, без их придирчивой дружбы и точного понимания, без их плеч и глаз, стихов и споров, не было бы ни этой книги, ни меня самого как писателя. Поэтому мне трудно писать свою отдельную поэтическую биографию. Мы живы друг другом». В его статьях поэты-фронтовики воспринимаются вовсе не как литературные памятники, а живые люди с их достоинствами и недостатками, поэтому мемуарную прозу Соболя и сегодня читать интересно.

У Марка Соболя много стихотворений, которые не утратили современности и актуальности. Особенно для поэтов. Цитирую:

Как всемогущи наши руки,
как всевладычна голова!..
Как жаль, что звуки – только звуки,
и что слова – всего слова.

А его жизненная позиция достойна уважения во все и всякие времена:

Годы шли походом, не парадом.
Я у жизни по уши в долгу...

***

Но в час ухода, в глупый миг последний,
Я буду верить слепо и спроста,
Что всех стихов весомей и бессмертней
Прожитых дней святая суета.

Поэтесса Лариса Васильева в статье «Вся сложность простоты» – о жизни и творчестве Марка Соболя, в частности, заметила: «Жизнь била в нём, как говорится, ключом. Освободясь от тяжких грузов, выпавших в молодости на его долю, он словно оглядывался, ища, какие бы новые грузы взвалить на хрупкие плечи. Будучи человеком литературы, принадлежа ей и сознательно, и неосознанно, он по широте души стремился поделиться своим опытом с молодыми. Ещё в те годы я задумалась, почему именно Марк Соболь так популярен и любим в среде молодых поэтов разных направлений? Ответ возник сразу: он молод душой...»

Этому и я был свидетелем.

***

Открыл на днях литературный альманах «Приамурье моё», который вышел в родном Благовещенске ровно полвека назад. В нём впервые была опубликована подборка моих стихотворений. Читаю содержание: «Андрей Соболь. На амурской колесухе. Главы из книги «Записки политкаторжанина». Оказывается, отец Марка Соболя до революции отбывал каторгу в наших краях, строил восточную часть нынешней Транссибирской магистрали.

Вот как неожиданно закольцевались мои воспоминания о поэте-фронтовике.

Екатерина ЩЕТИНИНА

Доктор экономических наук. Заведующая кафедрой в Белгородском государственном технологическом университете имени В.Г. Шухова. Автор нескольких книг. Живёт в Белгороде.

УЧИТЕЛЬ ЛИРИКИ

Что-то физики в почёте.
Что-то лирики в загоне...
Дело вовсе не в расчёте,
А в космическом законе...
Борис Слуцкий.

– Ничего не возникает из ничего, и ничто никуда не исчезает, – весёлым, слегка заговорщическим тоном докладывает нам Жорик, словно бы анекдот не совсем приличный рассказывает.

Мы ждём подвоха, насторожились, даже двоечники с галёрки. Но нет, ничего крамольного – это он о законе сохранения материи...

Жорик, Жора, он же Георгий Иванович Астахов, мужчина среднего роста и возраста – тридцати с небольшим лет – преподавал физику в нашей школе. «Крыша» такая у него была, для временной конспирации, как я теперь понимаю. На самом деле Жорик родился совсем для другого...

***

Майская дачная суббота выдалась жаркой, особенно стало душно после обеда. В такие часы сиесты пристало только подремать с книжкой в гамаке или на веранде, что я и вознамерилась сделать. Машинально скользнув глазами снулой рыбы по полкам, скорее для приличия, чем из реальной жажды

к чтению беллетристики, натыкаюсь на тоненькую – сантиметровый бумажный переплёт – голубую книжицу. Название ничего не говорящее «Зеркальца и калейдоскоп». Автор – Георгий Астахов. Ба! Да это же наш «Жорик»!? Точно, он. Долго соображаю, как могла попасть сюда эта книжечка. Когда? От кого? Не помню, хоть убей... Но ток уже пошёл по моим рукам, они уже не выпустят её теперь, и рыбка – дёрнувшись – проснулась. И, устроившись под старой корявой яблоней, я погружаюсь в реку... Нет, Жорик не выносил пафоса – в речушку, в ручеёк памяти – одноимённого автора. А где-то, совсем рядом, то пересекая его словесный ручеёк, то сливаясь с ним, бежит и мой – воспоминанием о том единственном далёком учебном годе, в котором мы – волею судеб – оказались рядом.

Признаюсь, это крайне странное ощущение – вникать в строки, рождённые знакомым тебе человеком, касаться его приоткрытого, оголённого сознания, как вскрытого бело-розового мозга, разглядывать голограмму его мыслеобразов, быть сопричастной к созданному им пространству, впущенной в него милостью и трудом автора... Тем более странно и волнующе делать это теперь – спустя три десятка лет после расставания с учителем. Узнавать его, точнее, знакомиться с ним теперь, когда я – уже не ученица, а он не учитель. Хотя так ли это на самом деле? Ни родители, ни учителя не перестают ими быть до самой смерти. А бывает, что и после.

Да, я не сказала, что Георгий Иванович скончался в 2004-м. Я уже при всём желании не смогу поговорить с ним, уточнить нюансы, встретить его проницательный, как правило, ироничный взгляд из-под тонированных стильных очков. Это единственная роскошь, которую он себе позволял. На остальное не хватало...

У меня много вопросов к автору, к Жорику. О себе ли он пишет в этой книжечке? Знаю, что есть лаг между автором и его героем, по себе знаю. И тем не менее сходство тоже есть всегда... Читать его маленькие рассказы – это как заглядывать в медицинскую карту. Такая «история» хранится мной, тоже здесь, в дачной библиотеке – пухлая и растрёпанная – карта моего взрослого сына, рука не поднимается выбросить или сжечь в камине.

Но сейчас я изучаю книжечку Георгия Астахова: от чего и чем лечился? Как долго? Какие прививки делал? И так далее. И от чего умер...

Вот парень-студент двадцати лет, в слезах стоит на коленях в поле, потому что по минутной глупости и пьяной отваге изменил любимой девушке, и теперь нельзя изменить ничего. Вот дворовый пророк Коляныч, спьяну рифмой предсказавший смерть вполне крепкому соседу и таки дождавшийся этой напророченной смерти – попал бедолага под мотоцикл... Вот учитель, страстно и взаимно влюблённый в ученицу Галочку Иванцову, мучительно ищущий в себе силы преодолеть счастливое наваждение и всё же вынужденный уйти из-за этого из школы... А вот бывший учитель – бомж и странноприимец, из

нищей квартиры которого бывший же ученик выносит последнее барахло – утюг и электрочайник, чтобы продать его, а потом, вскоре бросается с пятого этажа, то ли спьяну, то ли не вынеся иудина греха...

У меня ещё много вопросов: что помогло ему выносить существование изгоя, короля Лира, фактически маргинала в последние двадцать лет его земного бытия? Вряд ли это была вера в Бога. Жорик, скорее, исповедовал язычество, хотя прямого подтверждения ни этому, ни противоположному убеждению в его словах не звучало. На чём держался его насмешливый оптимизм – порой угасавший до полного скепсиса, а затем вновь воскресавший, казалось бы, ниоткуда?

То, что мне известно о Жорике, – это краткие сведения из его неудачной, по мнению большинства добропорядочных граждан, биографии. Объём информации не более, чем у остальных, не близких ему, людей. Но у меня под рукой его сиротски скромная по оформлению книга, вышедшая в местном бюджетном издательстве. А ещё рядом на столе мой верный друг и помощник ноутбук. И итог такого симбиоза – вот эти сумбурные, всплывшие больной рыбкой воспоминания. Почему больной? Не знаю, может, потому что все мы виноваты перед Жориком. Всё наше малогуманное общество. Или я ошибаюсь, лукавлю, и общество здесь совсем ни при чём? А дело лишь в том, что в книге Жорика прозрачно и просто говорится о совести и раскаянии? О личной совести и личном раскаянии – когда именно ты в ответе за всё?

***

Урок физики сегодня последний. А погода шепчет – дело к лету, и улица в изумрудно-зелёных тополях за окнами так и манит слабовольных школяров смыться побыстрее из классов – пропылённых и надоевших за долгую зиму. И пропустить физику, в принципе, не страшно – Жорик не зануда и не делает перекличек. Он на своей волне. Правда, тогда ещё так не говорили. Он, скажем так, странный, наш Жорик. И почему-то редко кто уходит с его уроков. Чем-то притягивают его облик и личность – независимостью, что ли? Тайной своей какой-то? А что за тайна, никто объяснить из нас не может. Девчонкам он нравится – ясное дело, почему: волосы каштановые, слегка волнистые, чуть длиннее, чем принято у взрослых дядей, глаза, кажется, серые с голубизной, хотя за очками прячутся. Манеры – свободные, но не пошло-развязные. Словом, не такой, как все прочие. Не из Системы...

Основное для нас вот что: мы Жорика не боимся. Как, к примеру, «дерика» (директора школы) – с его бульдожьей физией, вечно угрожающим взглядом исподлобья, подозревающим всех и вся в самых тяжких грехах советского школьника – как то: курении, порче или воровстве школьной собственности и классного журнала. «Дерик» ведёт у нас совершенно идиотский предмет –

обществоведение, беззаветно любит революцию, а ещё делать частые обходы по школьным коридорам, подвалам и туалетам... Безотчётный страх перед «дериком» граничит с ненавистью.

Нет, Жорика мы не боимся, но... Испытываем всегда некое смущение, будто Жорик знает о нас гораздо больше, чем мы сами, и в чём боимся себе признаться, будто подсмеивается он над этими нашими секретиками, запоминает их и что-то с ними непременно хочет сделать. Словно рисует всё время наш портрет... Мысленно.

– Только сильный человек может признаться в своих слабостях, – услышала я, входя в физический кабинет – вотчину Жорика.

Это он выдавал свой очередной афоризм здоровенному балбесу-второгоднику Тюрину по кличке, естественно, Тюря. Видимо, он снова попался на наглом вранье.

Но плевать мне было на Тюрю и всех вместе взятых... Мою душу снедала безбрежная, недетская тоска. Дело в том, что мой бессменный рыцарь из выпускного класса, приучивший меня к своим провожаниям и вздохам под дверью класса, уехал на сборы по волейболу и, похоже, вовсе не скучал там. Так подсказывало мне сердце, пусть и девятиклашки, но всё равно уже вполне женское. Сердце-вещун... И уезжал он без особой печали, не так, как раньше. Неужели всё прошло? А как же я? Я чуть не плакала, слёзы уже скопились в моей тощей шее над школьным дурацким воротником, и вся я себе казалась нелепой, безобразной, никому не нужной.

Мне хотелось или завыть в голос, или послать всех и вся далеко-далеко, не видеть ни единого человека на свете. Ну вот разве кроме Жорика. Он напоминал сегодня немного нахохлившуюся птицу – в сером пиджачке, сжимавшем его довольно спортивные плечи (в прошлом был бокс). Мельком глянул он на меня, подняв руку привычным жестом с открытой ладонью для приветствия. Он так с нами здоровался. Не успел позвенеть звонок, как в мгновение ока Жорик оказался... на столе – широком, устойчивом как слон лабораторном столе. Класс объяло шоковое состояние. А физик наш с невозмутимым видом приступил к декламации стихов Пушкина. С жестами, с интонациями заправского чтеца.

Насколько я помню, это были отрывки из Онегина. «Чем меньше женщину мы любим...» Про это точно читал. Поблёскивая очками, победоносно, раскрепощённо... И так весь урок. Из класса я выходила пустой и лёгкой – «печаль моя была светла»... Про то тоже читал нам Жорик. Не знаю, в связи с чем устроил он тогда это представление, заметил ли он моё состояние, но склоняюсь к тому, что да. Ведь он был «человек замечательный» – по его же выражению, – то есть всё замечал. Самое же главное – мы никогда не были ему безразличны. Угадывая наши мысли шестым чувством, он, будучи насмешником от природы, проявлял к нам дельфинью деликатность и не на-

носил лишних ран нашей подростковой душе своим знанием её сущности. Думаю, он просто хорошо помнил себя в таком возрасте. Об этом же говорят и его рассказы. Но это я забегаю вперёд...

Подобие лёгкого катарсиса пережила в тот день не только я. И надо сказать, что Жорик чем-нибудь удивлял нас почти всегда, уж тем более ко-гда вёл астрономию. Мы отправлялись с ним в космос и проживали там сотни световых лет. Он рисовал нам новогоднее дерево вселенной...

Таков был стиль его преподавания. Но физику мы практически не знали. А он сильно и не спрашивал, больше вид делал – для завучей и вообще. Во время экзаменов задавал вопрос: «Что тебе для жизни нужно? Пять, четыре? Ага... Ясно...» И отпускал с миром. Но задачи мы решали с ним: в формуле на доске – абстракции в символах и единицах измерения, типа в калориях, в отношениях же – реальная теплота.

Бывало и такое по его предложению: некая проблема решалась тем, что он среди учащихся пускал анкету-вопрос: «Как вы думаете, бывает ли счастливой неразделённая любовь?» Или: «Возможна ли любовь в условиях невесомости?» Или: «Как избежать энтропии чувств?» Он проблематизировал нас таким способом, ставил в тупик. Кто-то мог и не отвечать, не обязательно. Не давил Жорик на нас... Он мог так с нами управляться, без назиданий и прессинга.

Он вообще многое мог. Например, мог отправить парочку разгильдяев с урока, внезапно подойдя к их парте и негромко произнеся, пощипывая свои не гусарские, но тоже вполне симпатичные усики:

– Ну вот что, уважаемые, идите-ка и доиграйте свою партию в «козла».

В ответ на изумление «картёжников», таращивших на него пуговичные очи, он пояснял:

– У вас же на лбу крупными буквами написано, что вам на перемене не хватило последнего раунда, так? И я вас понимаю.

Игроки дружно хватаются за свои лбы под длинными, по моде, чёлками. Мы громко ржём. Жорик, оборачиваясь уже к нам, молвит:

– А мы будем учиться. Читать надписи на лбах...

Ещё он мог, так же внезапно прервав объяснение темы об ускорении тела, начать после минутного улёта в потусторонние миры, рисовать бегущую лошадь во всю доску. Или летящий женский профиль... Получалось элегически красиво. Заворожённость наша ему нравилась – он улыбался, довольный. И странное дело, тему эту мы потом отвечали гораздо лучше прочих. Видимо, передача знаний шла невербальным путём и по нетрадиционной методике. И что неоценимо, это то, что Жорик не привил нам отвращения к физике, в отличие от многих других предметников. Как делились позже одноклассники, физика в вузе давалась им легко и в итоге они чуть ли не блистали её глубоким пониманием... Даже Тюря сдал её на четыре в своём индустриальном техникуме!

А в целом с физикой нашей школе фатально не везло. До Жорика её вела Марья Петровна – болезненная рыхлая тётя, хворавшая с больничным листом через каждые две недели, кашляющая, хватающаяся за сердце и кутающаяся в шаль с головы до ног при любой погоде.

А после Жорика пришёл Виктор Михайлович – милейший, безобиднейший мужичок, чересчур любивший свой предмет, посвящавший ему двадцать четыре часа в сутки, то есть даже во сне, что кончилось плохо: он не довёл нас до выпускного, очутившись в психбольнице. Именно туда завела его роковая страсть к познанию физических законов и того, что за их гранью. Увы. Как сложилась его судьба дальше, мне неведомо.

Что касается, Жорика, то ещё хорошо запомнилось, как мы вместе с ним радовались рождению его третьей дочки. Он спел нам в тот день на уроке оптики песню Вертинского: «Доченьки, доченьки, доченьки мои, где ж вы мои ноченьки, где вы, соловьи?» Тюря всхлипывал и вытирал нос рукавом. Жорик сказал, что назовет дочь Евгенией – в честь героя поэмы Пушкина. Любимого... Первую звали Анжеликой, вторую – Элеонорой. Обе – мы их видели на демонстрации – яркие брюнеточки в отца, большеглазые и кудрявые. Красотки...

Ещё обратила внимание на вылазке во время перекуса бутербродами с лимонадом, насколько бережно Жорик при всей своей эпатажности брал в руки кусочек серого хлеба и, не роняя ни крошки, ел, нет, вкушал его – аккуратно и как-то очень осознанно. Конечно, послевоенное детство и отнюдь не лечебное голодание...

Нет, не подумайте, я далека от того, чтобы идеализировать нашего Жорика, лепить из него посмертно безгрешного исусика. Грешки водились за ним, и мы это знали – дружба с бахусом, тогда ещё не столь тесная, некоторая леность, мешавшая ему обеспечивать растущую семью, неравнодушие к прекрасному полу... Как-то раз, зайдя в преподавательскую за указкой, я случайно услыхала разговор географички Эммы с математичкой Зоей. Они возмущались Жориком:

– Трое детей, а он не берет полторы ставки, вот бездельник! – голос Эммы противно повизгивал. – Нищету плодит...

– А ещё он бабник! Вы слышали, Эмма Марковна, что у него, оказывается, скандальный флирт с пионервожатой был на прежнем месте работы? – густо вторила всегда ярко накрашенная крупная Зоя.

Я подумала, что, наверное, Жорик ни разу не сделал им комплимента. За всё время пребывания в этом педколлективе.

После жужжания сплетниц какой музыкой показался мне звучный глас Жорика, гремевший в классе в это время:

«... И побережьям скудных этих стран
Великий пафос лирики завещан...»

Только совсем недавно я нашла эти сильнейшие строки у Максимилиана Волошина. А ещё, у него же, вот этот девиз, на мой взгляд, прямо относящийся к Жорику: «Закрыт нам путь проверенных орбит...»

О Волошине и Гумилёве, а также о Пастернаке впервые я услышала от Жорика. Не от учительницы литературы. А «путь проверенных орбит», конечно, никак не мог предназначаться для нашего выдающегося лирического физика...

В один из серых ноябрьских, адски похожих друг на друга учебных дней по школе прошёл слух – Жорика увольняют. Якобы напился до неприличия. Причём в день партийных выборов. И публично критиковал, о ужас, принцип однопартийности! А ещё припомнили ему историю с влюблённой в него девицей из десятого «а»: переписка якобы фривольная, которую никто не видел, танцы на вечере и всё воображаемое прочее, чем это может закончиться.

«Пишем письмо турецкому султану!» – единогласно решили мы. Требование вернуть учителя и не пятнать его честь клеветой. Мы старались изо всех сил, нам помогла молоденькая литератор – Верочка, чистая душа. Эпитетами и деепричастиями, а ещё морально...

И Жорик вернулся! Но ровно на два месяца – после которых ушёл уже сам, по собственному... Решил поступать в литературный институт. Имени пролетарского писателя Горького. Мол, осознал окончательно своё призвание.

А впереди уже маячило разбойничье знамя перестройки-перекройки, и крутые девяностые уже поджидали по-бандитски за углом всех нас. И Жорик уже ничего не мог выбирать в своей судьбе – жёсткой доле провинциального летописца второй половины двадцатого века. Что нахлебается по самое не хочу, он знал. Наверняка. Но не мог по-другому.

Иначе... Иначе чего-то сермяжно-важного не хватило бы в обширной картине мира, виртуально складываемой нашими современниками – пограничниками СССР и «рыночной» России – по штриху, по нотке, по ниточке. И потеряло бы оно непременно свою цельность и гармонию. А значит, и жизненную правду.

Иначе не клацала бы я сейчас фанатично клавиатурой, поглядывая то и дело на фотографию Георгия Ивановича в тонкой голубой книжечке. Предисловие к ней, писаное самим автором, я перечитала трижды. Выдержки из него привожу ниже.

«Я люблю писать предисловия. Если оно готово, то кажется, что книга вышла в свет. Предисловий я написал много. Издана же одна маленькая книжечка стихов... Проза лежит в разных ящиках, три книги. Ещё три книги сложены аккуратно, но не помню, где. Могу забыть... Дело в том, что годы мои

подходят к шестидесяти, и память может подвести. Она становится особенно капризной, когда не осуществляются планы, связанные с финансовыми затратами».

«...Даже философия моя становится скептичной: книги – бесполезные спутники жизни. Для человечества вполне достаточно Библии. Вся остальная литература – толкование Ветхого и Нового Заветов. Я вспоминал свои юношеские поиски смысла жизни, сотни прочитанных книг, не давших мне ответа, ночные беседы о прочитанном, казалось бы, увлекательные и не пошлые, но... Смысл бытия оказался простым: мы появляемся на свет, чтобы дать жизнь другим, поддерживая так бесконечность жизненной цепочки. Когда влечение к женщине перестает толкать тебя на безрассудные подвиги, когда бессердечие и беспомощность правителей заставляют думать лишь о хлебе насущном для детей твоих малых, тогда философия становится простой и прозрачной, а книги заменяет телевизионное пойло. Конечно, с такими мыслями хорошей книги не напишешь...».

«Как расценить моё сегодняшнее положение – не знаю. Кому-то покажется нормальным, кто-то посочувствует мне, но я больше рассчитываю на безразличие».

1998 г.

«Я продолжаю предисловие спустя четыре года. За это время много изменений произошло в моей безалаберной жизни.

Появилась на свет книга моя – «Рассказы, написанные с удовольствием». Перед выходом книги я устроил себе пышные поминки, споив всех любителей перцовки на родной улице.

Я поторопился потратить переданные мне дочерью две сотни долларов. Позже они должны были бы помочь мне по многим направлениям жизни. Замечу мимоходом, что моя щедрость имела естественное продолжение. Два шустрых алкаша завели меня в чужой, не мой значит, подъезд и хотели грохнуть по башке и забрать ключи от моей квартиры, где, по их соображению, должны быть деньги. Я убедил их, что такая работёнка им не по плечу. Скрипя зубами, они согласились с моими доводами.

В квартире, куда стремились бандюги, доживал свои дни мой тесть. Он уже не вставал с постели и с трудом садился перед табуреточкой с тарелками. Но ещё целый год я ухаживал за ним, кормил четыре раза в день. А для этого мне приходилось почти целый день торчать на кухне, готовя разнообразные кушанья. Однообразных отец жены не ел. Отвергал очень гордо.

Потом он умер. Я почувствовал свободу, а для человека пьющего свобода – начало духовной смерти...»

«Жизнь мою я назвал как рассказ “Испытание одиночеством”. Друзей у меня не было, а врагов под видом друзей – предостаточно. Они пили у меня,

жили неделями, скрываясь от жён, и поедали мои скромные запасы пищи. Они обворовывали меня постоянно. Особенно отличился Александр Заруцкий, мой бывший ученик, выросший в наглого мошенника и ворюгу. Весь в отца пошёл, только отец обворовывал крупную строительную организацию. Однако я подумал, что у Христа тоже был ученик-предатель. Иуда – символ всех учеников, предающих учителя. Это вроде бы норма жизни, если об этом сказано в Евангелии. Кстати, Заруцкий выбросился из окна пятого этажа.

Далее. Особенно крупную кражу совершили три ворюги, предводимые специалистом по мануальной терапии Угаровым. Участковый наш знал эту воровскую птицу по полёту, но никаких действий не предпринял. Он даже решил, что я просто пропил телевизор, телефон, утюг и прочее с друзьями. Я утешил себя мыслью, что очень богат, если меня обворовывают по наводке»...

«Автор»

***

Через полтора года Автор скончался, в возрасте 63 лет. Трудно и больно представлять, как доживал он, совсем уже больным человеком, эти свои последние времена, кто и как хоронил его – в самом начале новорождённого века и очередного тысячелетия, дай Бог, не последнего для Земли...

И где в это великолепное время были все мы, до зябкой полуночи с усердно высунутыми языками сочинявшие некогда «Письмо турецкому султану»?

Марина ГОЛОСОВА

***

Мне часто снились эти сны:
Пороги вольной горной речки,
И невозможной вышины
Стояли сосны, словно свечки.
Хребты изогнутые гор,
И вечный лёд на грозных пиках.
Всё, до чего касался взор,
Купалось в ярких солнца бликах.
В ущелье гулким эхом крик
Пугает птиц и умолкает.
Вдали медвежий слышен рык,
И звери дикие мелькают.
А ночью всё стихает вдруг,
Внимая сонному покою.
Лишь волчий вой на лунный круг
Наполнит сердце мне тоскою.

***

Когда гнев моё сердце пламенем
Изнутри беспощадно жёг,
Ты сидел с выраженьем каменным,
Как другой бы никто не смог.
Когда сыпала я проклятия,
Не стесняясь, тебе в лицо,
Ты меня заключал в объятия.
Я смирялась в конце концов.
В ночь глухую с дождливым рокотом
Я из дома тебя гнала.
Уходил ты всегда безропотно.
Возвращался, когда звала.
И покорно, с самозабвением
Ты утешить меня спешил.
И молился за исцеление
Моей тёмной больной души.

Юрий КАРПЕЛЯНСКИЙ

МОЙ СОН

Сегодня снова пойду в литературную студию. Что болтаться бесхозным по вечернему городу и прозябать. Примкну к избранным, к элите нашего города. Говорят же – с кем поведёшься, и сам таким окажешься. Необычных, интересных людей встретил я там. У каждого нашего студийца – уйма увлечений. А какие таланты!..

Кроме литературы, студийцы что только не осваивают, что только не хапают, с необычайной жадностью, так неуёмные коллекционеры собирают экспонаты, когда пополняют запасники. Участвуют в творческих коллективах, клубах по интересам: шахматный клуб, бальные танцы; рисуют, поют, играют на музыкальных инструментах; иногда приносят поделки – загляденье. Творческая атмосфера у нас будто закипает. Я насыщаюсь, впитывая манящие флюиды культуры. Безмерно ценю студийцев и дорожу ими, лучшие люди моей жизни.

Счастливый день – понедельник – наступил. Самый важный из семи. Жду вечера, готовлюсь: внимательно пересматриваю рассказ – сегодня прочту в долгожданной литературной студии. Долго тянется упрямое время. Вечер этот предвосхищаю долгих пять дней. После студии и следующий день вспоминаю, сколько оплеух я собрал. Злюсь. Это как зимой – перемёрз на остывшей, завьюженной улице и домой, в тепло. Задремал в жаркий день на пляже – вскочил, разбежался и плюх в холодную, спасительную водицу. Смутно догадываюсь, что так будет и на этот раз, и в то же время неотступно верю – рассказ мой само совершенство.

И вот долгожданная минута.

Вижу знакомый круглый стол. За ним восседают литературные ЗУБРЫ – ненасытные пожиратели текстов. Направляюсь к ним твёрдым, уверенным шагом. Они добродушно улыбаются, но я не верю в их добрые намерения: любезничают – соблюдают этикет. Знаю, раскритикуют.

– Да ладно! – отвечаю им мысленно. – Не сегодня. Сегодня труд мой безупречен.

Готовимся: перечитываем принесённое, трепетно перелистываем, пересматриваем. Ожидаем. Считаем минуты до решающего удара гонга.

Самый смелый – конечно, тот, который не принёс ни стихов, ни прозы, везунчик, – легковесно объявляет: «Начинаем!»

И вот над круглым золотым столом волшебно кружатся мелко исписанные листы рукописи. Это автор аккуратно вбрасывает их щедрой рукой. Листки кружатся и липнут к рукам.

И… понеслось!..

Подошла и моя очередь. Читаю свой рассказ и сам же слушаю и счастливо улыбаюсь: без сомнения, написано талантливо. Эх! Тройка моя разудалая, неси меня, неси к небывалым высотам.

Мой персонаж из растительного мира – могучий дуб. Что может быть величественнее? Вокруг него прогуливаются влюблённые, крепко взявшись за руки, или, позабыв обо всём, беззаботно бегают. Идиллия. Впрочем, это не рассказ, а крохотный отрывок из повести, а главный герой – несостоявшийся художник, невезучий, как он сам считает. Отправляется в деревню с невестой и её отцом, чтобы перевезти урожай. Дорога петляет по низине, огибая дуб. Порфирий наблюдает, с каким умилением Ульяна всматривается в дерево. На ветке болтаются, и наверно не первый год, детские качели. Порфирий догадывается – здесь прошло её детство. Его заинтересовал дуб. Пространство внутри кроны очерчено сферой. Много пространства, которое притягивает и гипнотизирует. Написано глубокомысленно, с рассуждениями. Читаю и радуюсь. Мечтаю. Но помехой звучат знакомые голоса, и звучат назойливо:

– Широкая крона и развесистая – одно и то же.

– Он и она – банально. У многих так.

– Да когда ты их поженишь, непонятного Порфирия и Ульяну? Обнимались ведь.

От громких, колких возгласов закладывает уши. Истерзанное нутро трепыхается, мечется в поисках свободы, и я взглядом нахожу окно. За ним вижу: опять дерево, и догадываюсь, и чувствую, что от криков вот-вот, в сию минуту, сорвутся листья с веток и полетят, полетят. А на листках, обязательно ярких, белых, размашисто будет написано: «Дуб ты, Юрик. Дуб! Ха-ха!»

Ха-ха-ха!..

Добродушные студийцы заливаются смехом. Лишь мне не до смеха.

Вечер продолжается.

Смущает товарищей своей уникальной эрудицией Всезнайка. Внимаем, разинув рты. Где ещё мы услышим такое!

Красавица-Звездочёт затмевает наши таланты одним лишь изысканным видом, и мы любуемся ею и перестаём замечать яркий свет старинной зелёной люстры.

Экономист – знаток прилагательных – разумно уточняет, дополняет и предлагает, не поспоришь: «Присмотритесь: существительное, прилагательное, существительное, прилагательное, никакого разнообразия. Поработайте, придумайте что-нибудь». Новичок нашей литературной студии – он не догадывается, не знает о коварстве Красавицы-Звездочёта. Красавица – она профи, каких-то пара дней кропотливой работы, и уникальный, точнейший гороскоп готов. Не оправдаешься. Об этом мы знаем, испытали на собственной шкуре и при случае помалкиваем.

Вот за столом, напротив меня – Скалолазочка. Опытнейший человек: математик, инструктор по туризму. Ещё умеет лазать по крутым уклонам запутанных смыслов, как героиня популярной песни Высоцкого, которая удачно штурмует высоты.

Дотошный Экономист, ну – молодой ещё, упрямо твердит Скалолазочке:

– В вашей строке двусмыслица! Вникните!

Мы внимаем дерзости молодого студийца и исподлобья поглядываем на Красавицу. Как сегодня расположены звёзды? Можно ли так непринуждённо болтать?

Скалолазочка смущается и с трудом балансирует, чтобы удержать равновесие, тогда ей подают руку дружбы. Только... на вершине горы и одному тесно.

Обо мне забывают, и я расслабляюсь. Погружаемся в творческую атмосферу. Красавица-Звездочёт самозабвенно читает о невиданных, интригующих событиях на другой планете и сама в них верит. Кажется, верит по-настоящему. Перед нами вполне достоверно разворачивается особый мир, и мы верим. Кто-то высказывается: как правдиво написано! Я от стыда съёживаюсь, вдавливаюсь в кресло – похвала достаётся не мне.

Я вопрошающе всматриваюсь в студийцев, постукиваю карандашом по своей рукописи, стиснув зубы, и вежливо улыбаюсь. Надеюсь, автор, Красавица-Звездочёт заметит мой изысканный полупоклон.

Возвращаюсь домой разбитый. Бросаюсь на диван и вмиг засыпаю. И там уже, во сне, сам дуб, могучий дуб, машет мне пушистой веткой и говорит, совсем как человек:

– Не я дуб, Юрик. Это ты дуб! – Хохочет и вдруг хлёстко шлёпает меня сухой колючей веткой.

Откуда она? В моём рассказе не предусмотрено засохших веток.

Мой Дуб. Любимый Дуб. Обидно. Не ожидал.

Вскакиваю. Ещё ночь. Смотрю в окно – Дуба нет. ОТЛИЧНО! Смотрю на пол – падавших вчера листьев нет. ОТЛИЧНО!

Бегу на кухню. Чай, кофе.

ОТХОДНЯК…

За окном – тихая ночь. До следующего понедельника ещё неделя. Отосплюсь вволю!

Как хорош вторник, потому что он после понедельника.

Вот только не спится. Что делать? Поработаю над текстом. Лучше я сам исправлю ошибки. Как говорится: от греха подальше. И от колючей ветки.

На следующее заседание литературной студии не пойду.

Всё же пойду, но рассказ приносить не стану, чтобы не отвлекаться, а в полной сосредоточенности грызть их недоделанные тексты и настойчиво рвать их на мелкие кусочки. И с небывалой жадностью комкать.

Комкать.

Комкать.

Комкать.

Промчится неделя, и день растворится, и будет неважно: случилось взаправду? Или просто – был сон.

Мария ТКАЧЁВА

БАБУШКИН ГЕРБАРИЙ

Так уж сложилось, что мои родители умерли рано. Обзаводилась семьёй я после их смерти.

По осени, когда моя старшая дочь училась во втором классе, на урок технологии задали принести сухие листья. Доча об этом вспомнила, конечно же, ближе к ночи. На улице было уже совсем темно и лил дождь. Собирать листья под зонтом и с фонариком не очень хотелось.

И тут я вспомнила, что когда сама работала учителем, собирала природный материал для уроков. Листья должны были храниться в книгах между страницами. Перебрав почти весь книжный шкаф, ничего не обнаружила. Книги с листьями могли быть ещё в тумбочке на лоджии. Там я и продолжила поиски.

Не знаю почему, но рука сама потянулась к затрёпанному букварю советских времен. Он старше меня и много лет не попадался на глаза, а тут как из-под земли… В нём я обнаружила засушенные листья разных деревьев. Но когда я увидела, чьей рукой было подписано «яблоня», «груша», «вишня», «берёза», «тополь», «клён», сердце защемило, и на глазах выступили слёзы. Почерк принадлежал моей маме. Это она собирала гербарий, когда ещё мы с сестрой учились в школе.

Прошло много лет как нет родителей, ещё больше как мы окончили школу. А гербарий хранился и пригодился... для внучки. Вот как бывает: никогда не видела бабушку, а подготовиться к уроку она помогла. Несколько листьев мы с дочерью взяли. А букварь с остальными я положила на место и попросила дочь хранить его в память о бабушке.

Татьяна ГОЛОВКО

Вместе с дождём

Дождик с какой-то холодной грустинкой
В тёплый осенний вдруг полдень ворвался…
С тонкой, парящей в саду паутинкой
В вальсе неспешном кружить попытался.

Только спугнули тяжёлые капли
Ту паутинку, испорчен был танец.
Дождь рассердился, промокшею паклей
Листья ложились на плиточный глянец.

Было тепло, а теперь дождь и слякоть,
Было легко на душе, нереально.
Ну а теперь тихо хочется плакать
Вместе с дождём в унисон музыкально.

Чаепитие

Я нагрею самовар,
Стол накрою скромненький:
Чашки, блюдца – мамин дар,
И лимончик тоненько.

Да ещё баранок горсть,
Рафинада вазочку,
Пусть ко мне заходит гость
Или даже парочка!

Чай налью без лишних слов,
Паром он клубится,
Аж до самых до краёв,
Вдоволь чтоб напиться.

Только хочется как встарь –
С блюдца да вприкуску
Сушку, рафинад, сухарь…
Истинно по-русски!

И как встарь – с добавкой чтоб,
Сердце чтоб запело,
Чтоб покрылся потом лоб,
И размякло тело.

Чтоб в душе расцвёл цветник
Из фиалок нежных,
Чтобы тёмный шторм затих
От эмоций прежних.

Чай из травок – лекарь наш,
Вкусный, ароматный!
Не придумка, не мираж,
А обряд приятный!

Денис ПЛОХОДЬКО

***

Мы каждый день живём скитаясь, забыв, где правда и где ложь.
И ранним утром просыпаясь, не знаешь сам – зачем живёшь.
Одни стремятся быть богаче. Другие ищут где теплей.
У третьих слава есть, удача, но нет любви, что всех сильней.

А дни идут, мелькают лица, и жизнь бежит за окоём,
То нежно поит нас водицей, то обжигает злым огнём!
Добро и зло играют нами в нечеловеческой борьбе:
То ангел в нас святым мерцаньем, то демон правит по судьбе!

Мы ищем путь, который станет нам путеводною звездой,
И каждый в жизни выбирает свою дорогу, свой покой.
Но как же трудно удержаться на светлом праведном пути,
Не оступиться, не сорваться – свой крест достойно пронести!

***

В пустыне гордой одинокой
Бес встретил на пути пророка
И, злым глаголом искушая,
Пошёл за ним в забытый край.
«Куда идёшь?» – спросил нечистый
В тот день горячий и лучистый.

Под облаками жёлтым морем
Лежат пески застывшим горем.
И обожжёнными губами
Пророк промолвил не лукавя:
«Иду в забытые края,
Где кровью плавится земля,

Куда бесчисленные войны приносят чёрные дары,
Где смерть не спит в кровавой бойне и к сердцу путь добру закрыт.
Иду спасать слепые души за горизонты скорбных слёз,
Спешу открыть глаза и уши, как лепестки увядших роз!»

И усмехнулся бес лукавый, услышав праведный ответ,
И, злой иронией играя, стал говорить про тьму и свет.
Он искушал пророка словом, в котором буквы как ножи.
Но жил пророк своим законом и не внимал нечистой лжи.

«Ну что ж, ты светел и прекрасен, хранишь свой праведный обет
И к светлой милости небесной ведёшь людей на Божий свет.
В тебе есть сила Божьей веры, и в ней весь мир в глазах твоих…
Но это миф блаженной эры – всего лишь сон во снах других.

Ты хочешь пить – я дам напиться;
Ты хочешь есть – так ешь мой хлеб,
Забудь про сон, который снится
Во снах других, как сущий бред.

Зачем бессмысленные речи глаголешь миру день за днём?
Ведь человек не ищет встречи – не чтит божественный закон!
Он чтит законы мёртвой славы и внемлет лишь ветрам вины.
В кровавой мести ищет лавры, благословляя псов войны.

В его глазах огонь пылает, крадётся в сердце тень разврата,
Он снова меч свой поднимает, зовет на бой, где брат на брата!
Взгляни, взгляни же в эти лица – твой Бог не скроет их вины.
Идут пророки вереницей, но и они обречены.

Зачем тебе такая ноша?
Оставь свой крест… Остановись…
Ты видишь Божий мир хорошим,
Но это сон. Скорей проснись!»

Но шёл пророк сквозь жёлтый пепел и не сбавлял свой твёрдый шаг.
Он как и прежде свят и светел, он видит путь, он видит знак.
В ответ на бесовские речи промолвил, сердце отворя:
«Да, человек не жаждет встречи, не чтит Всевышнего Царя,

Но не покинул нас Всевышний – своих детей во мгле ночной,
И он нас немощных отыщет, укрытых грешной пеленой.
Он зорко смотрит с поднебесья и видит всех застывшим днём:
Слепых, отчаянных, прелестных, красивых, злых, тех, кто с огнём.

Он знает муз печальных нотки, он знает светлые сердца,

Во снах, являясь птицей звонко, раскрыв объятия Отца.
И каждый день во тьму земную всё шлёт посланников своих –
Свет разрывает тьму ночную, затем, чтоб горький плач утих.

И Божий Сын был послан людям, Он кровь пролил за их грехи:
За тех, кто жил на милость судьбам, за тех, кто пал во тьме тоски!
Вот только демоны не дремлют, вселяясь в души день за днём,
И, чёрным искушеньям внемля, в грехах спят души мёртвым сном.

А я пророк – посланник Бога, иду в забытые края!
За горизонт бежит дорога – туда, где плавится земля,
Куда бесчисленные войны приносят чёрные дары,
Где смерть не спит в кровавой бойне, срезая свежие плоды!

Нет, пусть я буду слыть изгоем среди великих королей,
Но буду жить святой мечтою сразить кровавых палачей,
И я дойду сквозь жёлтый пепел, сквозь дрожь земли в забытый край!
Да разорвутся злые сети, да будет светел вечный рай!

Искрой добра во тьме земной зажгу потухшие сердца,
Их поведу я за собой на свет Небесного Отца!»
Багровым светом истекая, ложился бронзовый закат,
День пробежал, в лучах стихая, Луна и звёзды стали в ряд.

Застыла гордая пустыня в вечерней дымке, как дитя,
Песок в закатном свете стынет, и ветер крутится, шутя.
И разошлись в лучах заката пророк и бес под гул ветров,
Под грома дальние раскаты, под шёпот рыжих облаков.

Мы все подвластны искушеньям, запретный плод к себе манит,
Но лишь в надежде на прощенье, кричим «Спаси и сохрани!».
В земной юдоли мы не знаем, какой готовится итог.
Но пусть наш путь светлее станет!
Да будет так!
Храни нас Бог!

Литературно-художественный
и историко-публицистический альманах

Главный редактор
Вера Кобзарь

Редакционная коллегия:
Сергей Бережной
Наталья Дроздова
Александр Тарасов
Олег Тарасов

Корректор ***Вероника Колегаева***
Вёрстка и дизайн ***Оксаны Васильевой***

Подписано в печать 25.08.2021.
Формат 70x108/16. Объем 13,5 п. л. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 21-14725

Издательство Сангалова К.Ю.
308036, г. Белгород, ул. 60 лет Октября, д. 8
e-mail: ria-Izumrud @yandex.ru

Отпечатано ИП Сангалов К.Ю.
308000, г. Белгород, ул. Кирпичная, 65б
e-mail: ria-Izumrud @yandex.ru